



*Colombina*



Алмазный браслет

—○○○—  
ДАНИЭЛА СТИЛ

## Annotation

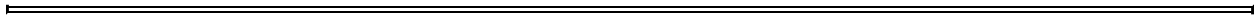
Она – успешная бизнес-леди, аристократка, хозяйка престижной парижской галереи, мать двоих взрослых детей. Он – молодой, одаренный, но не признанный художник, разгильдяй и бунтарь. За плечами каждого из них – радости и печали прошлого. Линии их жизней, казалось, никогда не могли бы пересечься. Но есть мощная сила, которая разрушает все правила и делает жизнь прекрасней.

*Роман также выходил под названием «НеВозможно!»*

---

- [Даниэла Стил](#)
  - 
  - 
  - 
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
- [notes](#)

- 1
- 2



# Даниэла Стил

## Алмазный браслет

Danielle Steel  
IMPOSSIBLE

Copyright © 2005 by Danielle Steel

© Володина С., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

*Моим замечательным, необыкновенным, любящим детям – Беатрис, Тревору, Тодду, Нику, Саманте, Виктории, Ванессе, Максу и Заре, которые наполняют мою жизнь не только смыслом, но и радостью, счастьем и любовью во всех ее проявлениях. Как мне повезло в жизни, что у меня есть вы, с вашим смехом, любовью и всеми прекрасными мгновениями, которые мы проживаем вместе. Не устаю радоваться вам, благодарить и ценить вас больше, чем можно выразить словами. Пусть когда-нибудь господь одарит вас такими же чудесными детьми, какими вы являетесь для меня.*

*С любовью, мама*

– А как это – приручить?

– Это давно забытое понятие... Оно означает: создать узы.

– Узы?

– Вот именно... – сказал Лис. – Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен... Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственным в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...

...Если ты меня приручишь, моя жизнь словно солнцем озарится. Твои шаги я стану различать среди тысяч других. Заслышав людские шаги, я всегда убегаю и прячусь. Но твоя походка позовет меня, точно музыка, и я выйду из своего убежища... Как чудесно будет, когда ты меня приручишь!..

Лис замолчал и долго смотрел на Маленького принца. Потом сказал:

– Пожалуйста, приручи меня!

– Я был бы рад, – отвечал Маленький принц, – но у меня так мало времени. Мне еще надо найти друзей и узнать разные вещи.

– Узнать можно только те вещи, которые приручишь, – сказал Лис. – У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, которые торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей. Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня!

– А что для этого надо делать? – спросил Маленький принц.

– Надо запастись терпением, – ответил Лис. – Сперва сядь вон там, поодаль, на траву, – вот так. Я буду на тебя искоса поглядывать, а ты молчи. Слова только мешают понимать друг друга. Но с каждым днем садись немножко ближе...

... – Вы еще ничто. Никто вас не приручил, и вы никого не приручили. Таким прежде был мой Лис. Он ничем не отличался от ста тысяч других лисиц. Но я с ним подружился, и теперь он – единственный в целом свете.

*Антуан де Сент-Экзюпери, «Маленький принц»*<sup>[1]</sup>



# Глава 1

Галерея «Сювери» в Париже занимала элегантный особняк XVIII века в предместье Сент-Оноре. Коллекционеры приезжали сюда по предварительной договоренности и через калитку в массивных воротах попадали во внутренний двор. В центральной части здания размещалась основная галерея, в левом крыле – офисы ее владельца Симона де Сювери. А справа располагалось современное крыло, пристроенное к галерее его дочерью. За домом раскинулся живописный сад со множеством скульптур, в большинстве – роденовских. Симон Сювери владел галереей уже более сорока лет. Его отец, Антуан, в свое время был одним из самых прославленных европейских коллекционеров, а Симон, прежде чем открыть галерею, занимался исследованием живописи Возрождения и голландских мастеров. Теперь к нему за консультациями обращались музеи всей Европы. Частным коллекционерам он внушал благоговение, а всем, кто был с ним знаком, – восхищение и отчасти страх.

Симон де Сювери имел внушительную внешность. Высокий, могучего телосложения, с суровыми чертами лица и темными глазами, которые, казалось, пронизывали тебя насквозь. Жениться Симон не спешил. В молодости он был слишком занят созданием своего дела, чтобы тратить время на любовные похождения. Женился он поздно – в сорок лет, на дочери влиятельного американского коллекционера. Это был удачный, можно сказать – счастливый союз. Марджори де Сювери никогда напрямую не встревала в дела галереи, которая к моменту ее замужества уже прочно стояла на ногах. Она восхищалась плодами трудов своего супруга. Она любила его всем сердцем и страстно интересовалась всем, что он делает. Марджори была художница, но так и не научилась без сердечного волнения демонстрировать свои работы. Она писала изящные пейзажи и портреты и раздаривала их друзьям. По правде сказать, Симон имел слабость к ее работам, хотя в профессиональном отношении они его не впечатляли. Во всем, что касалось галереи, Симон был беспощаден и решителен. Воля у него была стальная, ум – острый, как алмаз, чутье – тонкое и безошибочное. И глубоко под всем этим скрывалось – и никогда не показывалось – нежное сердце. Точнее, так говорила Марджори. Хотя верили ей не все. С подчиненными он был справедлив, с клиентами – честен, а в погоне за ценными для галереи приобретениями – неутомим. Бывало, годы уходили на то, чтобы раздобыть какое-то конкретное полотно

или скульптуру, но Симон никогда не останавливался на достигнутом. Точно так же, будучи холостым, он искал себе жену. А заплучив, хранил ее как величайшее сокровище – то есть держал при себе. В обществе он появлялся лишь тогда, когда это было необходимо – обычно это были приемы для клиентов в одном из флигелей здания.

Обзавестись детьми они решились не сразу. Вообще-то, это было решение Симона, и ребенок появился только спустя десять лет после их бракосочетания. Зная, что Марджори жаждет детей, Симон наконец внял ее мольбам, а когда родилась дочка, а не сын, почти не огорчился. Когда родилась Саша, Симону было уже пятьдесят, а Марджори – тридцать девять. Саша сразу же стала для матери светом в окошке. Они были неразлучны. Марджори многие часы проводила с малышкой, они вместе смеялись, распевали песенки, играли в саду. Когда Саша пошла в школу и они оказались разлучены, Марджори почти что погрузилась в траур. Саша была очаровательным и ласковым ребенком. Темноволосая и смуглая, как отец, она обладала воздушной нежностью своей матери. Марджори была голубоглазой блондинкой с ангельским личиком и походила на мадонну с итальянских полотен. У Саши, как и у матери, были нежные черты лица, а волосы и глаза – темные, в отца, но в отличие от обоих родителей девочка была невысокая и хрупкая. Отец любил ее поддразнивать и называл ребенком в миниатюре. Но в характере у Саши не было ничего мелкого или слабого. Она оказалась наделена стальной волей, как отец, и теплотой и нежностью, как мать, и с ранних лет демонстрировала унаследованную от отца целеустремленность. Тот стал воспринимать дочь всерьез, лишь когда ей исполнилось четыре или пять лет, и с тех пор говорил с ней только об искусстве. В свободные минуты он показывал дочери галерею, рассказывал о разных художниках, учил распознавать их кисть и показывал репродукции в альбомах. Едва она научилась писать, как он стал добиваться от нее не только правильного произношения, но и правильного написания имен знаменитых мастеров. Девочка не сопротивлялась, а, напротив, впитывала все, как губка, и бережно сохраняла в памяти каждую крупницу полученной от отца информации. Симон очень гордился дочкой. И все сильней любил жену, которая серьезно заболела через три года после рождения ребенка.

Поначалу болезнь Марджори оставалась для всех загадкой и повергала в недоумение врачей. Втайне Симон надеялся, что причина носит психосоматический характер. Он не умел реагировать на людские хвори и немощи и считал, что все, что имеет физическую природу, может быть в конце концов преодолено. Но Марджори не только не могла справиться с

болезнью, но и делалась слабее день ото дня. Лишь через год ей наконец был поставлен диагноз, для чего пришлось ехать в Лондон, а затем его подтвердили и нью-йоркские доктора. У нее оказалось редкое заболевание, поразившее нервную и мышечную ткань. Со временем должно было произойти полное разрушение легких и сердца. Симон не принял такого прогноза, а Марджори отреагировала на него стоически, старалась не жаловаться, проводила как можно больше времени – когда была в силах – со своим мужем и дочкой, а в промежутках отдыхала. Болезнь не сломила ее дух, но, как и предсказывали врачи, тело не устояло. К тому моменту, как Саше исполнилось семь, Марджори уже не вставала с постели, а в девять лет девочка лишилась матери. Симона, хотя его и предупреждали врачи, смерть жены повергла в оцепенение. Как и Сашу. Родители никак не готовили ее к этому неминуемому событию. И Саша, и Симон привыкли к тому, что Марджори живо интересуется всеми их делами и принимает участие в их жизни, даже будучи прикованной к постели. И внезапное осознание того, что ее больше нет, поразило их как молния и сблизило еще тесней. Теперь Саша стала занимать в жизни отца не менее важное место, чем его галерея.

Саша росла, вбирая в себя искусство во всех мыслимых формах. Она жила им, была поглощена без остатка и обожала всеми фибрами души. Так же как и отца. К Симону она испытывала не меньшую преданность, чем он к ней. Еще будучи ребенком, она знала о галерее, о выставленных в ней непростых, замысловатых полотнах ничуть не меньше, чем любой из работающих здесь специалистов. Порой Симону казалось, что эта маленькая девочка разбирается в живописи куда тоньше, чем все его сотрудники, вместе взятые. Единственное, что его тревожило (и он этого не скрывал), – это то, что Сашей все больше овладевала страсть к современному искусству и модерну. В особенности его бесила современная живопись, и он не стеснялся называть ее мусором и наедине с дочерью, и при посторонних. Любви и уважения достойны были только старые мастера, никто больше.

Как когда-то отец, Саша окончила Сорбонну и получила диплом магистра по специальности «история искусств». Это была ее своеобразная лицензия. После этого она выполнила данное матери обещание, поехала в Нью-Йорк и защитила диссертацию в Колумбийском университете. Потом два года отработала интерном в Метрополитен-музее, на чем ее образование можно было считать законченным. Все эти годы она часто навещала Париж, иногда просто на выходные, а Симон при каждой возможности навещал ее в Нью-Йорке. Заодно он виделся со своими



клиентами, ходил по американским музеям, посещал коллекционеров. Он не мог жить без дочери и использовал для встречи каждый повод. Больше всего на свете он хотел, чтобы Саша вернулась домой. Все годы, что она жила в Нью-Йорке, Симон проявлял повышенную раздражительность и нетерпимость к окружающим.

Но чего Симон совсем не ожидал, так это появления в жизни дочери Артура Бордмана. Саша познакомилась с Артуром в первые дни своей аспирантуры в Колумбийском университете. Ей тогда было двадцать два. Не вняв протестам отца, уже через полгода она выскочила замуж. Поначалу Симон пришел в ужас от столь раннего замужества. Единственным утешением было обещание зятя перебраться в Париж, как только Саша закончит учебу и практику в Америке. Симон только что не заставил его поклясться кровью. Но он не мог не признать того, что его дочь счастлива, как никогда. С течением времени Симон убедился в том, что Артур хороший человек и самый подходящий муж для его дочери.

Артуру Бордману было тридцать два года, на десять лет больше, чем Саше. Он окончил Принстон, а бизнес-администрированию учился в Гарварде. Теперь он занимал солидный пост в одном инвестиционном банке на Уолл-стрит, который – очень удобно – имел отделение в Париже. Почти сразу после женитьбы он начал прощупывать почву на предмет перевода в этот филиал на правах управляющего. Через год у молодых родился сын, Ксавье. А еще через два года – дочь Татьяна. Но, несмотря на рождение детей, Саша не давала себе ни малейшего послабления в учебе. К счастью, оба ребенка появились на свет летом, когда у нее были каникулы. А потом ей стала помогать няня. Еще с детства, наблюдая, как отец управляет галереей, Саша научилась не бояться дел и забот. Ей нравилась ее насыщенная жизнь, а мужа и детей она просто обожала. Симон поначалу был не готов к роли дедушки, но очень скоро он всей душой привязался к своим очаровательным внукам.

Каждую свободную минуту Саша проводила с детьми, пела им те же песни и играла в те же игры, что узнала от своей матери. Маленькая Татьяна была так похожа на бабушку, что Симона это поначалу пугало, но, когда девочка стала подрастать, он стал находить неизъяснимое удовольствие в том, чтобы просто сидеть и смотреть на копию своей незабвенной Марджори и вспоминать былое. Рано ушедшая Марджори будто вновь сошла на землю в облике своей внучки.

Сразу после того, как Саша окончила стажировку в Метрополитен-музее, верный своему слову Артур перевез всю семью в Париж. В тридцать шесть лет он стал управляющим французским филиалом своего банка.

Начальство доверяло ему так же безгранично, как и его собственная жена. В Нью-Йорке Саша работала в музее неполный рабочий день, а остальное время проводила с детьми. Теперь ей предстояла еще более напряженная жизнь. В Париже она собиралась работать в галерее отца. Она чувствовала себя готовой к полноценной работе. Симон согласился, что работать она будет до трех часов, с тем чтобы оставалось время на детей. А еще надо будет уделять время мужу, знакомить его с парижской жизнью и сопровождать на светские мероприятия. Саша вернулась в Париж на коне, образованная, воодушевленная, бесстрашная и счастливая тем, что снова дома. Счастлив был и Симон – тем, что дочь вернулась и наконец будет работать с ним. Двадцать шесть лет ждал он этого момента, и вот он настал – к их обоюдной радости.

На вид он оставался таким же суровым отцом, каким она его помнила с детства, но даже Артур заметил, что с возрастом характер у Симона стал мягче. Время от времени он даже балагурил с внуками, хотя в большинстве случаев их общение сводилось к тому, что дед подолгу молча сидел и с видимым удовольствием наблюдал за детьми. Симон никогда не умел общаться с малышами, даже с дочерью в раннем возрасте он всегда испытывал затруднения. К моменту их переезда в Париж ему было уже семьдесят шесть. И с этого времени у Саши началась по-настоящему самостоятельная жизнь.

Первой заботой, которую надо было разрешить семье, было жилье. Симон потряс их тем, что решил эту проблему за них. Саша собиралась подыскать квартиру на Левом берегу. Казенная квартира в шестнадцатом округе была для их разросшейся семьи уже маловата. И Симон предложил освободить для них занимаемое им крыло дома, элегантный трехэтажный флигель, в котором он жил и до женитьбы, и в браке, и все последние годы. Он объявил, что ему не нужно столько места и тяжело подниматься по лестнице, что показалось Саше совсем неубедительным. Отец до сих пор мог совершать бесконечные пешие прогулки. Тем не менее он настоял на том, чтобы переселиться в другое крыло, причем на верхний этаж, где раньше располагались конторские помещения и хранилище. Не давая никому опомниться, он принялся за ремонт, вставил чудесные мансардные окна и приобрел занятное электрическое кресло-каталку, автоматически поднимающееся и спускающееся по лестнице, чем привел в восторг внуков, тут же вознамерившихся опробовать технику в деле. Дети с восторгом катались по лестнице, а дед с умилением шагал рядом на своих старческих ногах. Саша помогала ему с ремонтом и оформлением интерьера, и ей пришла в голову одна мысль, которая отцу сразу не

понравилась. Она давно вынашивала этот план, но до сих пор он казался ей неосуществимым. Она решила расширить галерею – включить в нее раздел современного искусства. Для этой затеи идеально подходило крыло, использовавшееся раньше под второе хранилище, через двор от той части дома, где были служебные помещения и новое жилье отца. Правда, это означало бы уменьшить площади под хранение, но она уже сговорилась с архитектором относительно постройки наверху удобных стеллажей и стоек. При первом упоминании о продаже работ современных художников Симон взвился. Он не станет уродовать галерею и поганить ее благородное имя, продавая хлам, который так нравится Саше. И вообще, у всех этих так называемых художников нет и намека на талант. Чтобы его уломать, потребовался почти целый год ожесточенных споров.

И только когда Саша пригрозила уйти из галереи и открыть свой салон, Симон наконец согласился, правда, с большой неохотой и ворчанием. Саша, хоть и в несколько смягченном варианте, не уступала отцу твердостью характера и упорно стояла на своем. Едва достигнув согласия с Симоном, она перестала принимать своих художников в общей галерее, где ее отец был с ними так непочтителен. Спустя год после переезда в Париж она торжественно открыла в галерее отдел современного искусства. И, к удивлению отца, стала получать неизменно хвалебные отклики – и не просто потому, что была Сашей де Сювери, а потому, что имела безошибочное чутье на хорошее, настоящее современное искусство – точно так же, как и ее отец в отношении других эпох.

Примечательно то, что Саша одинаково хорошо разбиралась и в том, и в другом. Она отлично знала то, чем торговал отец, и столь же блестяще разбиралась в самых современных работах. К тридцати годам, то есть через три года после открытия своего отделения галереи, она превратила его в самое значительное собрание произведений современного искусства в Париже, а может быть, и во всей Европе. При этом она получала от своей работы подлинное наслаждение. И от жизни. Как и ее драгоценный Артур. Тот восхищался усилиями жены, поддерживал ее в каждом начинании, в каждом решении, в каждом вложении средств – даже больше ее отца, который хоть и уважал интересы и познания дочери, но относился к сфере их приложения весьма скептически. Но он не отрицал того факта, что ей удалось вдохнуть в галерею новую жизнь, причем исполнить это с блеском.

Артур приходил в восторг от того, насколько разная у них с женой работа. Он восхищался ее умением представить живопись как выражение радости жизни, а шутовство ее любимых авторов его забавляло. Какой контраст с сухарями-банкирами, с которыми имел дело он! Артур

сопровождал жену во многих поездках по городам, куда она ездила знакомиться с новыми художниками, а посещение художественных выставок стало его любимой формой досуга. Свой трехэтажный флигель они превратили в своеобразный музей современного искусства. А работы, которые Саша продавала в своей части галереи, были куда более доступны по цене, нежели полотна старых мастеров в галерее отца. Семейный бизнес процветал.

Саша управляла своей частью дела уже восемь лет, когда прозвучал первый тревожный звонок. Банк, в котором Артур уже был партнером, стал настаивать на его возвращении в Штаты на место управляющего. Проблема возникла, когда двое других партнеров погибли при крушении частного самолета, и теперь руководство банка сходилась в том, что лучшей кандидатуры на место управляющего, чем Артур, не найти. По сути дела, другой кандидатуры вообще не было, и у Артура не было никакой возможности отказаться. Карьера для него была не менее важна, чем для Саши, к тому же работа Артура оплачивалась весьма щедро. Надо было возвращаться в Нью-Йорк.

Объясняясь с отцом, Саша обливалась слезами, да и у того глаза были на мокром месте. Все тринадцать лет супружества Артур поддерживал ее во всех начинаниях, и теперь настал ее черед стать ему поддержкой. Она была готова. Не просить же его бросить карьеру ради нее, чтобы она могла остаться со своей галереей и со своим отцом, который, нельзя отрицать, начал заметно сдавать. Саше было уже тридцать пять лет, а Симону – восемьдесят пять, хотя он и держался молодцом. Им еще повезло, что Артуру удалось столько лет проработать в Париже без ущерба для его карьеры. Но теперь настала пора ему ехать на родину, а вместе с ним – и Саше.

Саша оказалась верна себе. Не прошло и полутора месяцев, как она выдала новую идею. До переезда в Нью-Йорк оставался месяц. Поначалу она ошеломила отца своим предложением. Он воспротивился всей душой – точно так же, как когда она затевала свою галерею. Но теперь она не прибегала ни к каким угрозам. Она умоляла. Ей пришла в голову идея открыть филиал галереи в Нью-Йорке, причем по обоим направлениям, классике и современному искусству. По мнению отца, это была бредовая затея. Галерея «Сюверии» была самой уважаемой в Париже, к ним ежедневно обращались многие американские ценители искусства. И даже музеи всего мира. Объективно говоря, никакой необходимости открывать филиал в Нью-Йорке не было, если не считать того, что Саша теперь будет жить там, жаждет помогать отцу и дальше и по-прежнему любит свою

галерею, которой отдано уже девять лет жизни.

Это был для них поворотный момент. Артур воспринял предложение жены с восторгом и целиком встал на ее сторону. В конечном итоге именно он и уговорил тестя, хоть Симон до последнего оставался убежден в безумии всей затеи. Саша предложила начать проект на свои деньги, Артур тоже хотел поучаствовать. Но в конце концов деньги дал отец – как всегда. Сразу по прибытии в Нью-Йорк она нашла для семьи квартиру на Парк-авеню, а для галереи «Сюверн, Нью-Йорк» – каменное здание на Шестьдесят четвертой улице, между Мэдисон и Пятой авеню. И, как бывало всегда, когда Саша что-то задумывала, а потом вкладывала в осуществление затеи всю энергию и упорство, план удался на славу. Приезжавший несколько раз отец признал, что место для галереи она нашла идеальное. А на торжественном открытии спустя девять месяцев Симон был преисполнен гордости. Саша была героиней нью-йоркской богемы. В тридцать пять лет она уже входила в число самых влиятельных мировых торговцев произведениями искусства, одним из которых был и ее отец, и только что вошла в состав правления музеев Метрополитен и Современного искусства, что было невероятно почетно.

Ксавье и Татьяне уже исполнилось двенадцать и десять. Ксавье любил рисовать, а Татьяна при каждом удобном случае брала в руки фотоаппарат и втихаря делала уморительные снимки взрослых. Внешне она была как маленький эльф, а Ксавье пошел в отца, только иссиня-черные волосы унаследовал от матери и деда. Красивые и ласковые дети, и оба говорили на двух языках. Родители решили отдать их в лицей в Нью-Йорке, а Татьяна только и говорила о том, чтобы вернуться в Париж. Она скучала по друзьям. Зато Ксавье без колебаний сделал выбор в пользу Нью-Йорка.

Два года пролетели на одном дыхании. Саша с упоением занималась галереей. Она часто летала в Париж, не реже двух раз в месяц. Иногда садилась на «Конкорд», летела к отцу и успевала в тот же день вернуться в Нью-Йорк, к мужу и детям. А летом она неизменно привозила детей во Францию. Навещала отца на вилле, которую он уже много лет снимал на Сен-Жан-Кап-Ферра, а сама с детьми жила в Эден-Роке. Симон обожал внуков, но в больших дозах они его утомляли. И хотя Саше не хотелось в том признаваться, отец сильно постарел. Ему уже исполнилось восемьдесят семь, и силы были уже не те.

Хочешь не хочешь, но надо было задуматься о том, как Саша будет одна управляться с делами. Она пока с трудом себе представляла, что может остаться без отца, но Симон был реалистом. Он прожил долгую жизнь и не боялся отойти от дел. Работники у него были хорошо обучены.

Придет время, и Саша сможет жить там, где ей будет удобней, в Париже или Нью-Йорке, а дела за нее там или тут будут вести другие. Конечно, придется бывать в обеих галереях и регулярно летать через океан, но выбор места жительства остается за ней – спасибо опыту и дальновидности отца. В обоих отделениях у них работали первоклассные специалисты. И все же домом для нее по-прежнему был Париж, хотя жить и работать в Нью-Йорке Саше нравилось. Теперь уже не было никаких сомнений, что Артур слишком погружен в дела банка, чтобы жить где-то, кроме Нью-Йорка. И пока он не выйдет на пенсию, они будут жить в Нью-Йорке. Хорошо еще, что Симон пока был в силах управлять французским отделением фирмы. И это – в восемьдесят семь лет! Он по-прежнему был неподражаем, хотя уже и начал сдавать. И несмотря на это, а может, как раз по этой причине, когда он в восемьдесят девять лет скончался, Саша была потрясена. Она словно бы и не представляла себе, что отец не вечен. Симон умер так, как и хотел. Обширный инфаркт за рабочим столом. Врачи сказали, он умер мгновенно. Причем сделал это сразу после подписания серьезного контракта с одним голландским коллекционером.

Вечером того же дня потрясенная Саша вылетела в Париж. Она бесцельно ходила по галерее, не в силах поверить, что отца больше нет. Похороны прошли солидно и с достоинством. Был даже президент Республики, не говоря уже о министре культуры. Пришли воздать должное покойному все сколько-нибудь значительные фигуры из мира искусства. Приехали его друзья, заказчики, зять и внуки. В холодный ноябрьский день Симона похоронили на кладбище Пер-Лашез в двенадцатом округе, на восточной окраине Парижа. Неподалеку покоились Виктор Гюго, Пруст, Бальзак и Шопен – подходящая компания.

Месяц Саша пробыла в Париже, приводя в порядок дела и разбирая вещи отца. Она могла уехать и раньше, но не находила в себе сил покинуть дом, где столько лет жил и работал ее отец. Когда она вернулась в Нью-Йорк, то все еще чувствовала себя опустошенной. Рядом с ее горем украшенные к Рождеству улицы и витрины магазинов смотрелись вызывающе. Это был тяжелый и нескончаемо длинный год. Но, несмотря на все, оба отделения галереи процветали. Следующие годы прошли в мире, счастье и плодотворной работе. Саша скучала по отцу, но постепенно пустила корни в Нью-Йорке, да и дети подросли. И, как и прежде, она дважды в месяц летала в Париж и следила за работой галереи.

Прошло восемь лет со дня смерти отца. Оба отделения галереи прочно стояли на ногах и были одинаково успешны. В пятьдесят семь Артур собирался выйти на пенсию. Он сделал солидную, плодотворную карьеру,



но, как он тайком признавался жене, работа ему наскучила. Ксавье уже было двадцать четыре, он жил и работал художником в Лондоне, выставляя свои работы в небольшой галерее в Сохо. Саше его работы нравились, но они еще не дотягивали до уровня ее галереи. Материнская любовь не была слепа настолько, чтобы не видеть, что Ксавье еще надо многому научиться. Он был несомненно талантлив, но ему недоставало мастерства. Зато он безраздельно отдавался работе. Обожал лондонский мир искусства, частицей которого был, и Саша гордилась сыном. Она была уверена: настанет день, и Ксавье станет большим художником. И надеялась, что она еще успеет выставить его работы у себя в галерее.

Четыре месяца назад Татьяна окончила Университет Брауна, защитив диплом по искусствоведению и фотографии, и только что получила место третьего ассистента известного нью-йоркского фотографа. Ее функции сводились к тому, чтобы менять пленку в его камере, варить кофе и подметать полы в студии. Мать успокаивала ее тем, что так все начинают. Никого из детей работа в ее галерее не привлекала. Они соглашались, что она делает замечательное дело, но хотели сами решать, как жить и чем заниматься. Только теперь Саша в полной мере оценила то, чему научил ее отец, какие возможности перед ней открыл и как постепенно ввел ее в свой бизнес. И она жалела, что не сможет передать эти богатства своим детям.

Иногда она думала, что со временем Ксавье захочет работать с ней в галерее, но пока это казалось маловероятным. Сейчас, когда Артур заговорил о выходе на пенсию, она физически ощутила, как ее тянет назад, в Париж, где остались ее корни. Она любила Нью-Йорк, бешеный темп и накал его жизни, но дома ей всегда дышалось легче. Домом для нее оставался Париж, несмотря на половину американской крови и на шестнадцать лет из сорока семи, проведенные в Нью-Йорке. В душе она по-прежнему была француженка. Артур против переезда в Париж не возражал, и в ту осень они стали планировать его всерьез.

Стоял октябрь, последние теплые деньки. Саша просмотрела полотна, которые галерея планировала продать одному бостонскому музею. Работы старых мастеров хранились в особняке на двух верхних этажах. На втором и третьем висели современные полотна, составлявшие славу галереи. А Сашин кабинет приютился в дальнем углу первого этажа.

Пройдясь по верхним этажам, она спустилась к себе, сунула в портфель нужные бумаги и обернулась на сад скульптур, куда выходило окно ее кабинета. Как и вся коллекция современного искусства, сад служил наглядным отражением художественного вкуса хозяйки. Она любила смотреть на расставленные в нем скульптурные композиции, особенно

когда выпадал снег. Но сейчас до снега было еще месяца два. Она взяла в руки пухлый портфель. На следующей неделе ее в галерее не будет. Утром в воскресенье она летит в Париж. Как и восемь лет назад, когда умер отец, она по-прежнему каждые две недели совершала эти рутинные поездки. И в Нью-Йорке, и в Париже она реально занималась делами, и постоянные перелеты давно стали привычным делом. Это было несложно. У нее сложился свой круг – друзья, клиенты, причем в обоих городах. И в Париже, и в Нью-Йорке Саша чувствовала себя одинаково уверенно.

Она уже собралась выходить из кабинета и размышляла о предстоящих выходных, когда раздался звонок. Это был Ксавье, он звонил из Лондона, где, судя по часам, была уже полночь. При звуке его голоса Саша улыбнулась. Она обожала обоих детей, но в определенном смысле сын был ей ближе. С ним ей всегда было проще. Татьяна же, напротив, была ближе к отцу, да и характер у нее был не сахар – в деда. Она с детства отличалась твердым и бескомпромиссным нравом и в отличие от брата с трудом шла на уступки. Ксавье с матерью были родственные души – одинаково нежные, добрые, всегда готовые простить близкого человека или друга. У Татьяны отношения с жизнью и людьми были более суровые.

– Я боялся, ты уже ушла, – сказал Ксавье. Саша прикрыла глаза и представила себе лицо сына. Очаровательный ребенок давно превратился в красивого молодого человека.

– Я как раз выходила. Ты меня в дверях поймал. А что ты делаешь дома в пятницу вечером? – Она знала, что у Ксавье в Лондоне напряженная светская жизнь, к тому же он имел слабость к хорошеньким женщинам. Их у сына было множество. Мать это всегда забавляло, она то и дело его поддразнивала на этот счет.

– Я только вошел, – пояснил он, не желая уронить репутацию.

– Один? Ты меня разочаровываешь, – рассмеялась она. – Но вечер-то хоть хорошо провел?

– Ходили с приятелем на вернисаж, потом ужинали. Все перепились, начали хулиганить, и я решил, пока нас полиция не забрала, двинуть домой.

– Весело! – Саша опустила в кресло и выглянула в окно. Как же она соскучилась по своему мальчику! – Чем же вы там занимались, что испугались ареста? – Ксавье хоть и питал слабость к женщинам, но его подружки обычно были существа безобидные и ручные. Он был просто молодой человек, любящий хорошо провести время, и временами вел себя совсем по-мальчишески, задорно и весело. Это давало его сестре повод то и дело называть себя более уважаемой и солидной особой, а возлюбленных брата она неизменно критиковала. И не упускала случая

заявить об этом не только матери, но и брату, который тут же кидался их защищать.

– На вернисаже я был с одним знакомым художником. Он малость чокнутый, но художник классный. Надо бы вас при случае познакомить. У него потрясающие абстрактные композиции. Сегодня был удачный вечер, хотя мой друг иного мнения. Ему это все быстро наскучило, и он напился. А потом усугубил, уже за ужином. – Ксавье обожал звонить матери и рассказывать о своих друзьях. Секретов от нее у него не было. А Сашу всегда забавляли рассказы о его похождениях. Сын уже несколько лет жил самостоятельно, но Саша все равно очень по нему скучала.

– Могу себе представить, – прокомментировала она со смехом. – Наверное, это было уморительно?

– Да уж, это точно. Он очень веселый. Представляешь, ма, пока мы в баре сидели, он снял штаны. Самое смешное, что никто этого не заметил, пока он не стал приглашать какую-то девчонку танцевать. Думаю, он и сам успел об этом забыть, и вдруг выходит на середину зала в трусах. Представляешь, какая-то старушка его сумочкой огрела! Так он и ее стал звать танцевать и даже пару раз крутанул вокруг себя. В жизни ничего смешнее не видел. Бабушка от горшка два вершка, а туда же – всю дорогу его сумочкой лупила. А танцует он – загляденье! – Саша слушала и смеялась, представляя себе юношу в трусах, танцующего с воинственной старушкой. – Он был с ней так учтив, мы все со смеху помирали. Но тут бармен пригрозил вызвать полицию, и пришлось его везти домой к жене.

– Так он женат? – изумилась Саша. – Сколько же ему лет?

– Он старше меня, мам. Ему уже тридцать восемь, и у него трое детей. Славные ребята. Да и жена симпатичная.

– А где же была она? – В голосе Саши слышалось явное неодобрение.

– Она терпеть не может ходить по кабакам, – небрежно бросил Ксавье. В Лондоне у него не было друга ближе Лайама Эллисона. Это был серьезный художник, но человек легкий, с фантастическим чувством юмора и страстью к розыгрышам и всевозможным проказам.

– Это нетрудно понять, – сказала Саша. – Не думаю, что мне бы понравилось ходить по ресторанам с мужем, который публично раздевается и танцует со старушками.

– Именно так мне и было сказано, когда я доставил его домой. Я еще уйти не успел, а он уже отрубился на диване. Мы с его женой пропустили по стаканчику, и я уехал. Она славная.

– Надо думать! Кто еще станет все это терпеть? Он не алкоголик? – Саша заговорила серьезно, ее встревожил рассказ сына. Вряд ли, чтобы

этот Лайам мог быть подходящим другом для Ксавье. Чему он может его научить?

– Нет, не алкоголик, – рассмеялся Ксавье. – Просто он заскучал и заключил со мной пари, что, если снимет брюки, никто этого и не заметит, по крайней мере в течение часа. Так никто и не замечал, пока его танцевать не потянуло.

– Надеюсь, ты-то в штанах сидел? – Теперь Саша говорила как мать, и Ксавье рассмеялся. Он ее боготворил.

– Успокойся, в штанах. И Лайам обозвал меня трусом. Он сказал, что поднимет ставку вдвое, если я тоже разденусь. Но я не поддался.

– И на том спасибо. Ты меня утешил. – Она взглянула на часы. В шесть они должны были встретиться с Артуром, а сейчас уже десять минут седьмого. – Извини меня, Ксавье, но я уже десять минут как должна быть дома, меня папа ждет. А сразу после ужина мы едем за город, в Саутгемптон.

– Я так и думал. Наудачу позвонил.

– И правильно сделал. Как выходные проводишь? – Она любила быть в курсе его дел, как и дел Татьяны, хотя та общалась с матерью реже. У дочери был тот период, когда хочется пошире расправить крылья. И она теперь чаще звонила отцу, чем матери. Саша не слышала ее с прошлой недели.

– Да ничего особенного не запланировано. Погода у нас стоит гнусная, я думал, может, поработаю немного.

– Хорошо. Я в воскресенье лечу в Париж. Как доберусь – позвоню. Найдется время навестить меня на неделе?

– Не исключено. Вечером в воскресенье созвонимся. Удачных выходных. И папе привет передай.

– Передам. Я тебя люблю. И скажи своему приятелю, чтобы в другой раз штанов не снимал. Вам еще повезло, что вас в участок не забрали. За нарушение общественного порядка, неприличное поведение в общественном месте... да просто за то, что слишком веселились. – Она знала, что Ксавье умеет провести время. По-видимому, Лайам ему в этом не уступал. Она уже как-то о нем слышала от сына, его друг хотел показать ей свои работы. Когда-нибудь она их посмотрит, хотя времени у нее никогда не хватает. Вечно куда-то надо бежать, а бывая в Лондоне, она едва успевает повидаться с теми художниками, кого уже представляет, и, конечно, с сыном. Она просила, чтобы Лайам прислал ей свои картины на слайдах, но он так и не удосужился этого сделать, из чего Саша заключила, что либо он не серьезен в своих намерениях, либо не чувствует себя

готовым к показу. Как бы то ни было, судя по рассказу Ксавье, это какой-то экстраординарный тип. Таких среди ее клиентов уже было несколько, и Саша вовсе не жаждала пополнять эту коллекцию, каким бы интересным человеком его ни считал Ксавье. Куда легче было иметь дело с художниками серьезными, думающими о карьере и ведущими себя как взрослые люди. Сорокалетние балбесы, снимающие штаны на публике, – одна головная боль, уж без них она вполне обойдется. – Созвонимся, Ксавье!

– Я тебе в Париж позвоню. Пока, мам, – бодро попрощался Ксавье и положил трубку. Саша улыбнулась и помчалась домой. И так уже Артуру пришлось ждать, а ей еще ужин готовить. Но поговорить с сыном было приятно. Она в спешке покидала галерею, на ходу прощаясь с сотрудниками, потом остановила такси и поехала домой, но мысли ее были с сыном.

Артур ждал ее дома, им хотелось поскорей уехать из города. В пятницу на дорогах всегда жуткие пробки, правда, к тому времени, как они поужинают, машин будет поменьше. Погода стояла роскошная. Уже октябрь, а все еще тепло и сухо. Саша откинулась на спинку сиденья и на минуту прикрыла глаза. Неделя выдалась длинная, она устала.

Квартиру, куда она сейчас ехала, уже давно пора сменить, подумала Саша в который раз. Они жили в ней уже двенадцать лет, с того дня, как приехали из Франции. Сейчас, когда дети разъехались, квартира казалась пустой и слишком просторной. Саша все пыталась уговорить Артура продать это жилье и купить квартиру поменьше на Пятой авеню, с видом на парк. Но поскольку встал вопрос о переезде в Париж, смысл в замене жилья отпал, и они решили подождать. Если переезд состоится, в Нью-Йорке им понадобится лишь временное жилье. В кои-то веки в их жизни должны были наступить какие-то изменения. Это ощущение предстоящих перемен появилось у Саши с того момента, как Татьяна получила диплом и обзавелась своим жильем. Теперь, когда дети разлетелись из гнезда, в жизни Саши образовалась пустота. Но стоило ей пожаловаться, как Артур начинал ее поддразнивать и говорил, что она – одна из самых занятых женщин в Нью-Йорке. И все же по детям Саша очень скучала. Они всегда были неотъемлемой частью ее жизни, и теперь, случалось, на нее накатывала тоска, жизнь, казалось ей, лишилась главного смысла. Хорошо еще, что они с Артуром всегда любили путешествовать, им всегда нравилось проводить время вдвоем. За двадцать пять лет супружества их любовь нисколько не угасла. Напротив, они словно стали ближе и дороже друг другу, если это, конечно, было возможно. Их взаимная привязанность

год от года росла и крепла.

Как Саша и думала, муж уже ждал ее дома. Он еще не снял белой сорочки, в какой был на работе, только рукава завернул. Пиджак был небрежно брошен на спинку кресла. Артур уже начал собирать сумку для поездки за город. У них был свой домик в Саутгемптоне, на море. Ужин Саша решила соорудить на скорую руку – холодную курятину с салатом. Они любили выезжать попозже, когда схлынет основной транспортный поток, иначе это путешествие превращалось в пытку.

– Как день прошел? – поинтересовался Артур, целуя ее в макушку. Саша обычно собирала волосы в пучок, другой прически она не признавала. Только на уик-энд, в Саутгемптоне, она заплетала длинную косу. Она любила старые вещи – вытертые джинсы, застиранные свитера, линялые футболки – и испытывала облегчение оттого, что можно хоть в эти дни не думать, что надеть. Артур обычно играл в гольф или гулял по берегу. В юности он был отличный яхтсмен и научил этому искусству детей. А еще они любили играть в теннис. Саша много времени проводила в саду или забиралась на диван с книжкой. Старалась забыть о работе, хотя иногда привозила с собой кое-какие деловые бумаги.

Как и городская квартира, загородный дом теперь стал для них велик, но здесь это воспринималось легче. Саша представляла себе, как в один прекрасный день этот дом наполнится голосами внуков, а дети станут приезжать сюда с друзьями. Этот дом всегда казался ей живым, может быть, благодаря виду на океан. А городская квартира теперь была унылой и мертвой.

– Прости, что опоздала, – извинилась она, целуя мужа, и поспешила на кухню. – Уже в дверях была, а тут Ксавье позвонил.

– Что сказал?

– По-моему, он был навеселе. Как раз вернулся из кабака, где гулял с одним из своих хулиганистых приятелей.

– Не с женщиной? – удивился Артур.

– Нет, с каким-то художником. И представляешь, снял при всех штаны.

– Ксавье? – опешил Артур.

– Да нет, этот его приятель. Очередной художник-сумасброд. – Она покачала головой и стала выкладывать курицу на блюдо.

Артур стоял рядом и болтал о том о сем, а она накрывала ужин на кухонном столе, с красивыми льняными салфетками, на красивых тарелках. Ей нравилось его ублажать, он это знал и не забывал делать ей комплименты.

– Что-то у тебя сегодня портфель больно пухлый, – заметил он и стал



накладывать салат. Вид у Артура был умиротворенный. Он обожал проводить выходные на море. Это было святое дело для них обоих. Никакие заботы не должны были вмешиваться в их воскресные планы, если, конечно, кто-то не заболел или не случилось чего-то непредвиденного. Во всех остальных случаях, в любую погоду, около семи часов они уже мчались по шоссе в Саутгемптон.

– Я в воскресенье лечу в Париж, – напомнила Саша. Они съели салат, и Саша положила мужу кусок курятины, заблаговременно приготовленной кухаркой.

– Совсем забыл. Долго пробудешь?

– Дня четыре. Может, пять. К следующим выходным буду дома.

Они вели ничего не значащую беседу, как люди, давно женатые и привыкшие быть вместе. Не говорилось ничего важного, им просто хорошо было вдвоем. Артур рассказал о чьей-то отставке и о незначительной сделке, которая пошла не по плану. Она – о новом художнике, чьи интересы они взялись представлять, молодом и необычайно талантливом бразильце. Еще сказала, что Ксавье обещал вырваться к ней в Париж. Ему это всегда удавалось, ведь он был сам себе хозяин – в отличие от сестры, целиком зависевшей от своего шефа-фотографа. Тот любил работать допоздна, а если и выдавалось свободное время, Татьяна предпочитала проводить его с друзьями. Впрочем, она же была моложе брата на два года и еще не вышла из стадии борьбы за свою независимость.

– Кто у него подружка на эти выходные? – со смешком спросил Артур. Он хорошо знал сына, не хуже, чем Саша. Она улыбнулась ему и в который раз отметила про себя, что он по-прежнему хорош собой. Высокий, поджарый, в хорошей форме, с точеными чертами лица и мужественным подбородком. Саша влюбилась в него в тот миг, как он только появился в ее жизни. А теперь любила еще сильнее. Она отдавала себе отчет в том, как ей повезло в жизни. Многие ее нью-йоркские подруги успели развестись, две из них и овдоветь, и им так и не удалось найти себе нового спутника жизни. При каждом удобном случае Саше говорили, что она везучая. Она и сама это знала. С первой встречи Артур стал мужчиной ее жизни.

– В последний раз, когда я спрашивала, это была какая-то натурщица, которую он подцепил на занятиях по рисунку, – усмехнулась Саша. Среди друзей и родных Ксавье слыл отъявленным ловеласом, вокруг него вечно вились толпы воздыхательниц, да он и сам не мог устоять перед красивой женщиной. Ксавье был необычайно хорош собой, к тому же приятный человек, и женщины находили его неотразимым. – Я уже давно перестала спрашивать, как их зовут, – продолжала Саша, убирая со стола. Муж с

нежной улыбкой следил за ее движениями. Она сложила посуду в посудомоечную машину. В последнее время они жили по-холостяцки и настоящие семейные застолья устраивали, только когда приезжали дети. А так ужинали чем-нибудь легким на кухне. Это было намного проще.

– Я тоже не спрашиваю Ксавье, как зовут его подружек, – рассмеялся Артур. – Всякий раз, как я называл очередную из них по имени, попадал впросак: оказывалось, что после этой девицы у него их перебивало уже штук пять. Теперь умнее стал. – Артур пошел переодеваться. Надел мягкие брюки защитного цвета и удобный старый свитер. Саша последовала его примеру.

Спустя двадцать минут они были готовы к выходу. Поехали на Сашином джипе. Она не стала избавляться от этой машины с отъездом детей, это был самый удобный транспорт для перевозки картин, которые ей иногда приходилось забирать у молодых художников. Сейчас она загрузила на заднее сиденье кое-какую еду и две сумки с одеждой для себя и мужа. Одежду для отдыха они оставляли в Саутгемптоне, поэтому обычно ездили налегке. Сегодня Саша взяла с собой и чемодан для поездки в Париж, и свой раздутый от бумаг портфель. В аэропорт надо было ехать в воскресенье рано утром, прямо из Саутгемптона. Она выбрала утренний рейс, чтобы прилететь в Париж в разумное время. Иногда Саша летала ночным рейсом, но на этот раз спешки не было, и она выбрала ранний рейс, хоть и не хотелось бросать Артура одного на воскресенье.

К десяти часам они уже были на месте, и Саша с удивлением поняла, как она устала. Как всегда, за рулем был Артур, ей даже удалось вздремнуть в дороге, и теперь она была рада возможности лечь спать раньше обычного. Но сначала они сидели на веранде и смотрели на океан в лунном свете. Было тепло, даже душно, а небо усеяно звездами. Едва коснувшись головами подушек, оба погрузились в блаженный сон.

Как часто бывало, когда они выезжали за город, утро Саша с Артуром отметили бурным сексом. Потом долго лежали обнявшись. С годами их взаимное влечение ничуть не ослабло, напротив – привычка быть вместе и глубокая привязанность сделали его острее и жарче. Потом Артур прошел вслед за ней в ванную и, пока она лежала в теплой воде, мылся под душем. Она обожала эти неспешные утренние часы в Саутгемптоне. После этого они спустились на кухню, и Саша приготовила завтрак, а потом была долгая прогулка по берегу. День выдался чудесный, теплый и солнечный, без намека на ветер. Первая неделя октября. Скоро осень задует холодами, но пока еще солнечно и тепло.

Вечером в субботу Артур повел ее ужинать в небольшой итальянский

ресторанчик, который они оба обожали. После ужина они опять сидели на веранде, пили вино и вели беседу. Жизнь была прекрасна и безмятежна. Спать в тот вечер они легли рано, ведь Саше предстояло встать на заре и ехать в аэропорт. Ей, как всегда, не хотелось оставлять мужа, но короткие разлуки уже стали для них делом привычным. Четыре-пять дней вдали друг от друга воспринимались как одно мгновение. Саша прижалась к мужу, и так, тесно обнявшись, они и уснули. Встать ей надо было в четыре, в пять выехать, чтобы к семи часам быть в аэропорту – самолет на Париж вылетал в девять. На место она прибудет в девять вечера по местному времени, к одиннадцати доберется домой и сумеет нормально выспаться перед рабочим днем.

В четыре прозвенел будильник. Саша сразу проснулась, прихлопнула кнопку будильника, обняла Артура и нехотя поднялась. На цыпочках в темноте прошла в ванную, надела джинсы и черный свитер. На ноги – старые удобные мокасины. Она уже давно перестала наряжаться в полет. На первом месте были соображения удобства. Обыч-но в полете ей удавалось поспать. Саша долго стояла над Артуром, потом наклонилась и ласково поцеловала в макушку, стараясь не разбудить. Тот все равно шевельнулся и улыбнулся сквозь сон. Потом прищурился, расплылся шире и притянул ее к себе.

– Любимая моя, – прошептал он сонным голосом. – Поскорей возвращайся. Я буду скучать. – Он всегда говорил ей что-то нежное, за что она любила его еще сильнее. Она поцеловала его в щеку и укутала одеялом – как всегда делала детям.

– Я тебя тоже люблю, – прошептала она в ответ. – Спи. Как долечу – позвоню. – Она всегда звонила, когда самолет приземлялся. В этот раз это произойдет еще до его отъезда в город. Саша с новой силой пожалела, что уезжает.

Как будет славно, когда после отставки Артур сможет всюду ездить с ней вместе! С этой обнадеживающей мыслью Саша притворила за собой дверь и вышла из дома. Такси она заказала еще накануне. Водитель уже ждал. Она отметила про себя, что, как она и просила, он не стал звонить в дверь. Саша сказала, в какой аэропорт и к какому рейсу ее везти, и сидела, улыбаясь своим мыслям. Она прекрасно осознавала, как благосклонна к ней судьба. Счастливая женщина, благополучная жизнь, любящий муж, которого она тоже любит всем сердцем, двое замечательных детей и две галереи, которые всю жизнь приносят ей радость и солидные средства к существованию. Чего еще желать? Саша де Сювери понимала, что у нее есть все.

## Глава 2

Перелет прошел гладко. Саша пообедала, посмотрела фильм, часа три поспала и проснулась, когда самолет приземлился в аэропорту имени Шарля де Голля. Почти все стюардессы и старший бортпроводник были ей знакомы. Пассажир она была непритязательный, человек приятный, ничего, кроме воды, в полете не пила. Как опытная путешественница, Саша хорошо знала, как предотвратить последствия смены часовых поясов. Она ела мало, пила воду, а сразу по прибытии легла спать. Наутро она встанет свежей и бодрой и думать забудет о разнице во времени. Она уже двенадцать лет совершала эти регулярные поездки из Нью-Йорка в Париж и обратно.

Погода в Париже стояла холодная и дождливая. В Нью-Йорке еще было бабье лето, а в Европе уже ощущалось приближение холодов. Ей пригодилась взятая с собой кашемировая шаль, которую, выйдя из самолета, она сразу накинула на плечи. Как всегда, машина уже ждала ее. По дороге в город Саша обсудила с шофером погоду и перелет. Дом был тих и безмолвен. Приходившая ежедневно горничная оставила для нее в холодильнике еду. Так она поступала всегда. Едва переступив порог, Саша взяла трубку и позвонила Артуру. В Америке сейчас было пять часов вечера. Он обрадовался звонку. Он как раз запирает дом в Саутгемптоне, чтобы ехать домой.

– Я соскучился, – сказал он, выслушав ее отчет о парижской погоде. Он и забыл, какие унылые там бывают зимы. – Может, лучше в Майами галерею откроешь? – поддразнил он. Он прекрасно знал, что, невзирая ни на какую погоду, Саша жаждет переехать назад, в Париж, и был внутренне готов к этому переезду сразу после своей отставки. Он с теплотой вспоминал те первые годы их семейной жизни, что прошли во Франции. Его единственным желанием было находиться рядом с женой.

– Во вторник я еду в Брюссель, туда и обратно. Надо повидаться с одним новым художником, а заодно навестить и старых знакомых, – сказала Саша.

– Главное – к выходным возвращайся домой. – Супруги были приглашены на день рождения к одной из Сашиных лучших подруг. Она в прошлом году овдовела и теперь встречалась с мужчиной, которого все как-то сразу невзлюбили. До него были и другие претенденты, но ни один не вызвал одобрения у ее друзей и подруг. Друзья желали ей поскорей расстаться с очередным незадачливым ухажером. Ее покойный муж был

близким другом Артура, болел он долго и умирал мучительно. От рака. Ему было всего пятьдесят два, жена была ему ровесницей. Теперь она мрачно шутила, что оказаться снова на выданье после двадцати девяти лет супружества – дело безнадежное. Артур с Сашей ее жалели и мирились с ее кавалерами. Саша общалась с нею теснее остальных и знала, как ей одиноко.

– Я постараюсь вернуться в четверг. В крайнем случае – в пятницу. Хочу с Ксавье повидаться, а когда он вырвется, пока неясно.

– Передавай привет от меня, – попросил Артур. Они еще немного поболтали и распрощались. Саша сделала себе салат и стала листать газеты, приготовленные для нее управляющим галереи. Потом принялась разбирать свою парижскую почту. Несколько приглашений на приемы, куча рекламных сообщений о предстоящих вернисажах, письмо от подруги. В Париже она редко посещала званые вечера, разве что когда их давал кто-то из крупных клиентов, тогда отказаться было нельзя. Она не любила куда-то ходить без мужа, ей нравилась их тихая, спокойная жизнь, нарушаемая лишь событиями в мире искусства и общением с близкими друзьями.

Как и обещала, Саша позвонила сыну, но не застала его дома. Она оставила сообщение на автоответчике. К полуночи Саша уже была в постели и быстро уснула, а утром проснулась в восемь часов, разбуженная будильником. Шел дождь, в воздухе висел туман, было сумрачно. В половине десятого, накинув плащ, Саша бегом пересекла двор и вошла в галерею, где в десять часов у нее была назначена встреча с управляющим. По понедельникам галерея была закрыта для посетителей, и можно было весь день спокойно работать. Вдвоем с управляющим, Бернаром, они сели за составление графика мероприятий на следующий год.

Пообедала она у себя в кабинете, и день прошел незаметно. Было почти шесть, когда секретарь доложил, что ей звонит дочь из Нью-Йорка. С сыном Саша общалась не в пример чаще, за сегодняшний день они уже успели дважды поговорить по телефону. Ксавье обещал приехать в среду и сходить с ней на ужин, значит, в четверг можно будет возвращаться в Америку. Саша с улыбкой сняла трубку, приготовившись к очередной порции жалоб на шефа-фотографа. Главное – чтобы дочь не бросила работу. Временами Татьяна бывала своенравной, она терпеть не могла находиться у кого-то в подчинении, а еще больше – когда с ней обращались несправедливо, а босс дочери как раз был из таких, это Саша успела заметить. Имея диплом Брауна, Татьяна могла рассчитывать на большее, чем подносить ему кофе и подметать пол в студии.

– Привет, родная, – машинально по-французски поздоровалась она и с

удивлением услышала молчание. Она решила, что связь прервалась и Татьяна сейчас перезвонит, уже совсем было положила трубку, как вдруг различила какой-то глухой звук, больше похожий на звериный, чем человеческий. – Тати? Это ты? Девочка моя, что стряслось? – Теперь она догадалась, что дочь рыдает. Она не сразу смогла ответить.

– Mamочка... Приезжай скорее! – При всей своей новоявленной самостоятельности, сейчас Татьяна говорила голосом беззащитной пятилетней девочки.

– Что случилось? Тебя уволили? – Это было единственное, что, по мнению Саши, могло повергнуть дочь в такое отчаяние. Друга у Татьяны в данный момент не было, так что о несчастной любви разговор не шел.

– Папа... – Она опять разрыдалась, а Саша почувствовала, что сердце вот-вот выскочит из груди. Что могло случиться с Артуром?

– Татьяна, говори, что стряслось. Быстро! Ты меня пугаешь.

– Он... Мне позвонили из банка. Несколько минут назад. – В Нью-Йорке было около полудня. Если бы он попал в аварию по дороге в город, позвонили бы еще вчера ночью. Артур всегда имел при себе все телефоны. Как и она.

– С ним все в порядке? – У Саши тисками сжало грудь, а Татьяна продолжала рыдать.

– У него был сердечный приступ... На работе... Они вызвали «Скорую»...

– О боже! – Саша зажмурилась и продолжала слушать. Рука, сжимавшая трубку, дрожала.

– Mamочка... Он умер. – С этими словами жизнь для Саши остановилась. Пол и потолок поменялись местами. Не отдавая себе отчета, она вцепилась одной рукой в трубку, а другой – в старый отцовский стол, словно силясь удержать равновесие. У нее было чувство, что она летит в пропасть.

– Этого не может быть. Это какая-то ошибка, – сказала Саша, как будто могла силой своего слова или воли повернуть все вспять. – Это неправда! – выкрикнула она ожесточенно. Каждую клеточку ее тела словно пронзило током. Она хватала ртом воздух.

– Это правда, – жалобно проговорила дочь. – Мне позвонила миссис Дженкинс. Его увезли в госпиталь, но он уже был мертв. Mamочка... Приезжай домой.

– Да, – сказала Саша, выпрямилась, в сомнении оглядела комнату, словно надеясь, что кто-то сейчас вырастет перед нею и скажет, что все это неправда. Но никто не появился. Она была в кабинете одна. – Ты сейчас



где?

– На работе.

– Поезжай домой. Нет, не домой. Поезжай в галерею. Не надо тебе сейчас быть одной. Расскажи там, что стряслось, они поймут. – Татьяна только плакала в ответ. Саша помнила, что в девять часов есть рейс на Нью-Йорк, тогда она будет в Америке в десять по местному. К одиннадцати будет в городе. Она знала, ее верная помощница отвезет Татьяну к своим родителям. – Вот что, Тати, оставайся на месте. Я попрошу Марси за тобой заехать. – Марси работала у Саши со дня открытия галереи. Это была добросердечная женщина сорока с небольшим лет, она никогда не была замужем и не имела детей, а потому Сашиных отпрысков любила как родных. Потом, будто вспомнив что-то в разгар вселенской катастрофы, Саша добавила: – Тати, я тебя люблю. Я прилечу первым же рейсом. – Саша положила трубку. Ее била дрожь. В каком-то секундном помешательстве она набрала номер мужниного мобильного телефона. Ответила его секретарша миссис Дженкинс. Она как раз собиралась звонить Саше, но Татьяна ее опередила. Саша еще надеялась, что к телефону подойдет Артур. Услышав голос секретарши, она поняла: это конец.

– Мне так жаль, миссис Бордман... Так жаль... Все это так внезапно... Он меня даже не позвал. Я с ним за пять минут до того говорила. А потом захожу – бумаги подписать, а он лежит головой на столе. Уже мертвый. Пробовали реанимировать, но все без толку. – Она не стала травмировать Сашу рассказом о тщетных усилиях реаниматологов, жуткая сцена до сих пор стояла у нее перед глазами. Она тоже плакала. – Я сделаю все, что от меня будет зависеть. Надо кому-нибудь позвонить? В клинику? В похоронное бюро? Какой ужас...

– Я прилечу и сама все сделаю, – сказала Саша. Или это сделает Марси. Она не хотела, чтобы посторонние люди занимались похоронами ее мужа. И сама ими заниматься тоже не хотела. А сейчас надо позвонить сыну.

Саша сообщила о случившемся своей французской секретарше Эжени, попросила забронировать ей место в самолете и собрать вещи. Та была потрясена. Даже не поверила сначала, но, увидев, какое у Саши лицо, поняла, что это правда. Саша была белая, как полотно, и вела себя как человек в состоянии глубокого шока. Она принялась набирать номер Ксавье, но руки у нее дрожали и не слушались ее.

После этого Эжени вышла, чтобы через минуту вернуться с чашкой чая, а потом отправилась заниматься авиабилетом. Саша к этому моменту

уже в слезах сообщала сыну новость, которая повергла его в не меньший шок. Он предложил прилететь в Париж и вместе лететь дальше, в Америку. Но был риск разминуться, если его рейс вдруг по какой-то причине задержится. Она велела сыну лететь прямым рейсом в Нью-Йорк, чем скорее, тем лучше. Отцу этим, конечно, уже не поможешь, но ей и Татьяне будет легче с ним рядом. Ксавье согласился с матерью и, потрясенный, положил трубку.

Эжени упаковала вещи и отменила все планы на последующие дни. Поездка в Брюссель была отложена. У Саши в одночасье рухнула вся жизнь. В голове у нее был сумбур, да она и не пыталась сейчас ни о чем думать. Секретарша и управляющий галереи довели ее до аэропорта и, хлопоча над ней, как заботливые родители, посадили в самолет. Когда она вошла в салон, они потихоньку объяснили старшей стюардессе, что у нее стряслось. Оба тревожились, как Саша выдержит перелет. Бернар предлагал лететь вместе с ней, но Саша мужественно отказалась и сразу об этом пожалела, едва лайнер оторвался от земли. Ее охватила такая паника, что она стала опасаться, как бы у нее самой не случился сердечный приступ. Видя, как Саша побледнела и покрылась испариной, стюардессы посоветовались и укутали ее пледом, а пассажира с соседнего кресла попросили пересесть. Старший бортпроводник какое-то время посидел рядом с ней. На вопрос о транквилизаторах Саша ответила, что не только не возит их с собой, но и вообще никогда не пьет. Но раньше она и мужа не лишалась в один миг. Когда умер отец, все было по-другому, она страдала, но совсем не так. Ведь Симону было восемьдесят девять, и он много раз предупреждал ее, что когда-то это произойдет, так что внутренне она была к этому готова. До какой-то степени. Теперь было совсем другое дело. Артур. Только вчера он сказал ей, как сильно ее любит. Только вчера она оставила его спящим в их доме, и все казалось таким незыблемым. И вот теперь его нет. Это было невозможно осмыслить. Это происходило не с ними. Но Саша понимала, что это уже случилось. Такое чувство полной потерянности и испуга она испытала лишь однажды, когда в возрасте девяти лет лишилась матери. Сейчас она снова чувствовала себя маленькой девочкой. Сиротой. Всю дорогу до Нью-Йорка она проплакала. Ее встречала Марси – ей позвонил из Парижа Бернар и сообщил номер рейса. Едва Саша прошла таможню, как увидела ее лицо. Татьяну та оставила у себя дома с кем-то из подруг.

Марси не спрашивала, как Саша себя чувствует. В этом не было нужды. Саша едва могла говорить. Марси знала ее как в высшей степени энергичную женщину, но сейчас Саша была абсолютно беспомощна.

Верная секретарша обняла ее, прижала к себе и повела на улицу. Саша плакала, не стыдясь посторонних. Они сели в машину, и шофер погнал в город. Саша не могла говорить, но на полпути ее словно прорвало, она принялась задавать вопросы, которые сейчас не имели никакого значения. Артура не вернуть. Он ушел. Без предупреждения. Без звука. Не попрощавшись ни с женой, ни с детьми. Его больше нет.

Через полчаса она уже обнимала дочь. Смотреть на эту сцену без слез было невозможно. Марси тихонько плакала. Не зная, чем помочь, она наделала бутербродов, но никто к ним даже не притронулся. Разлила по чашкам и стаканам воду и кофе – но никто не пил. Она попыталась предложить Саше вина, но та отказалась. А в два часа ночи прибыл из Лондона Ксавье. Из аэропорта его привез приятель, тоже молодой художник. Этот парень остался стоять в дверях, когда Ксавье вошел в дом и кинулся к матери. Он обнял мать и сестру, и они втроем зарыдали. У Марси разрывалось сердце. Всю ночь они проговорили. Приготовленную Марси еду ел только друг Ксавье.

А утром Саша поехала в клинику – она хотела побыть с мужем наедине. До этой минуты Саша не могла себе представить Артура мертвым, не могла поверить, что его больше нет. Она была похожа на привидение. Но она не плакала. Она была в глубоком шоке. Саша простилась с любимым человеком, сказала ему все слова любви и скорби. И ей казалось, что Артур слышит ее. Потом надо было ехать в похоронное бюро, чтобы сделать необходимые распоряжения. Потом к ним домой приехал священник. И все это время рядом с Сашей была верная Марси. Ксавье поехал к сестре. Когда священник ушел, Саша, обессиленная и опустошенная, повернулась к Марси.

– Поверить не могу, что все это происходит наяву. Все жду, что мне скажут, что это страшный сон. Но это правда, да, Марси?

Та утвердительно кивнула.

Кое-как этот день они пережили. Саша делала все необходимое как зомби, но находила в себе силы, чтобы утешить детей. Вечером они сели поужинать. Татьяна легла спать в своей старой спальне, а Ксавье ушел с друзьями. Саша одна сидела в гостиной и смотрела в пустоту. Она не могла заставить себя встать и пойти в спальню, ей нужен был муж и больше никто. Когда в изнеможении она все же прилегла, уснуть все равно не удалось, она зарылась лицом в пахнущую его туалетной водой подушку и заплакала. Верная Марси так и не ушла к себе, она легла рядом – на диване. Вечером Саша несколько часов провела на телефоне, обзванивая друзей семьи и сообщая о предстоящих похоронах. Позвонила и в Париж. Многие

сотрудники галереи собирались приехать на похороны.

Марси заказала цветы, Саша выбрала музыку. В течение всего дня заезжали друзья и предлагали помощь. Из близких друзей и сослуживцев Артура выбрали тех, кто понесет гроб. Еще Саше надо было подобрать траурный костюм. Когда она это делала, ей все время казалось, что сейчас она упадет в обморок. Словно в забытии одевалась она на церемонию. Все остальное она вспоминала как в тумане.

После похорон все собрались у Саши в доме. Саша что-то говорила друзьям, отдавала какие-то распоряжения, но в ее сознании не запечатлелось ничего, кроме нереальности происходящего и глухой тоски. Она все еще пребывала в шоке. И дети тоже. Они цеплялись друг за друга, как люди, оказавшиеся за бортом тонущего корабля. И у Саши было такое же ощущение. Но самое тяжкое ждало их на следующий день. Надо было жить дальше, только уже без Артура. Из дня в день испытывать эту муку. Выдержать это было невозможно. Это было все равно что лечь на операционный стол без наркоза. Саша не могла себе представить, как будет каждое утро просыпаться и не видеть рядом любимого лица. И так – до конца дней. Все самое дорогое и чудесное рассыпалось, вмиг превратившись в прах. Жизнь без Артура не имела смысла, просыпаться по утрам стало невыносимо тяжело, у Саши не было сил снова включаться в жизнь, ждать абсолютно нечего, не для чего жить, разве что для детей.

Через две недели Ксавье вернулся в Лондон. Он часто звонил. Татьяна вышла на работу еще раньше. Саша звонила ей ежедневно, но дочь каждый раз разражалась слезами. Если не считать деликатного сочувствия подчиненных и преданности Марси, единственным утешением для Саши служили разговоры с теми из ее подруг, кто пережил подобное горе. Она общалась с ними сначала через силу, эти беседы повергали ее в депрессию, но по крайней мере она видела, что каждая из них так или иначе приспособилась к новой жизни. Правда, в этой жизни их не ждало счастье и радость.

Алана Аппельбаум, чей муж дружил с Артуром и чей день рождения Саша пропустила из-за похорон, сразу сказала, что первый год будет особенно мучительным. Да и потом в любой момент может накрыть нежданная тоска. Но когда минул год со смерти мужа, Алана буквально заставила себя снова вести светский образ жизни. Она не избегала новых знакомств с мужчинами, правда, ни одного достойного человека она пока не встретила, но она хотя бы не сидела дома одна и не оплакивала свою загубленную жизнь. По теории Аланы, даже самый захудалый поклонник лучше одиночества.

Сашина французская подруга, потерявшая мужа три года назад в результате несчастного случая на горнолыжном курорте, смотрела на проблему иначе. Она считала, что лучше быть одной, чем с каким-то недоумком. Ей было сорок пять, овдовела она в сорок два и была убеждена, что приличного спутника жизни уже не найти – они все «разобраны». А те, что есть, – либо глупы, либо непорядочны. Она не уставала повторять, что жить одной лучше. Но Саша отлично знала, что в последние годы подруга много пьет. И часто, звоня Саше, чтобы ее утешить – и при этом всегда забывая про разницу во времени, – она оказывалась пьяна. Не так-то, выходит, ей и хорошо одной.

После этих звонков Саша говорила Марси:

– Может быть, спиться – лучший выход?

Слушать подруг было невыносимо. А разведенных – и того хуже. Тем не нужно было жить с нестерпимым горем, можно было спрятаться за свою ненависть к бывшему мужу, особенно если тот ушел к молодой. Саша слушала, и ей делалось страшно. В результате она стала сторониться своих приятельниц, замкнулась и попыталась забыться в работе. Порой это помогало. Но в большинстве случаев – нет.

Первое Рождество без Артура превратилось в череду больших и маленьких испытаний. К ней приехали Ксавье и Татьяна, и в полночь все трое сидели за столом в слезах. Подарки никто не торопился, как бывало прежде, открывать. И все-таки дети доставили Саше радость. Татьяна подарила ей дивный кашемировый палантин – Саша все время мерзла, должно быть, из-за того, что плохо спала и почти ничего не ела. А Ксавье привез серию художественных альбомов, о которых она давно мечтала. Но что за Рождество без Артура?

На другой день дети уехали с друзьями кататься на лыжах. А в новогоднюю ночь она с вечера приняла снотворное и проспала до двух часов дня, радуясь, что удалось пропустить праздники. Никаким особым образом они с Артуром Новый год никогда не отмечали, но по крайней мере они всегда были вместе.

Только к маю Саша постепенно начала приходить в себя. Прошло уже семь месяцев после смерти Артура. Все это время Саша раз в месяц летала в Париж, где ее дни были до предела насыщены делами, а вечера она проводила дома – в одиночестве. И как можно скорее она возвращалась в Нью-Йорк. По возможности Саша перепоручала дела управляющим обеих галерей и была благодарна им за помощь и понимание. Без их участия ей пришлось бы нелегко. Она до сих пор чувствовала себя потерянной. А хуже всего были воскресные дни, будь то в Париже или в Нью-Йорке, ведь

заниматься делами в эти дни она не могла. В Саутгемптоне Саша не была с того дня, как умер Артур. Не могла она там находиться без него. Но и продавать дом она не хотела. Пусть все останется как есть. Саша сказала детям, чтобы пользовались домом на свое усмотрение. Она вообще не могла решить, как ей жить дальше. Работа больше не приносила радости, но хотя бы служила единственным утешением. Все остальное было сплошное бездонное отчаяние. Впервые в жизни она испытывала такую горечь и безнадежность.

Оба управляющих и даже Марси уговаривали ее побольше общаться с друзьями. Саша месяцами никому не звонила, разве что только по делам галереи. Да и деловые звонки она старалась по возможности поручать другим сотрудникам. Ей ни с кем не хотелось говорить, а тем более встречаться.

Но вот в мае вдруг в ней произошел какой-то перелом, Саша наконец почувствовала себя лучше. К своему удивлению, когда в июне Алана пригласила ее на ужин, Саша согласилась, правда, тут же об этом пожалела. А когда настал день отправляться к подруге, пожалела еще больше. Ей совсем не хотелось думать о нарядах и светском общении. Марси постоянно твердила, что Артур бы не хотел, чтобы она запиралась в четырех стенах, что он пришел бы в ужас, если б увидел, в каком она состоянии. Саша похудела почти на двадцать фунтов. Те, кто ее не знал, считали, что она отлично выглядит, но им было невдомек, в чем здесь дело. В их представлении стройность была синонимом хорошей формы, даже если ее причина – большая утрата.

И вот июньским вечером Саша впервые появилась на людях. Она надела брючный костюм из черного шелка и туфли на каблуках, а волосы, как всегда, забрала в пучок. Бриллиантовые серьги были последним рождественским подарком Артура. Вдевая их в уши, Саша заплакала.

Большинство приглашенных были Саше знакомы. У Аланы появился новый ухажер, на сей раз на удивление приятный. Он был искренне рад знакомству с Сашей. Оказалось, что он коллекционирует современную живопись и даже пару раз покупал что-то у нее в галерее. Испытание началось тогда, когда выяснилось, что Алана попросила его привести с собой друга, чтобы тот составил пару Саше. Друг был умен и даже интересен как собеседник, если не считать того, что он терзал Сашу вопросами, как если бы она пришла к нему на свидание, назначенное по Интернету. Ей бы такое и в голову не могло прийти ни сейчас, ни когда-нибудь еще. Про Алану она знала, что та не раз ходила на такие свидания, одна мысль о которых повергала Сашу в ужас. Нет, она ни с кем не станет



встречаться, ни с этим «другом», ни с кем другим. Она всегда будет помнить своего Артура.

– И сколько у вас детей? – спрашивал тем временем новый знакомый. Гостей как раз пригласили к столу, и Саша подумала, не сбежать ли, сославшись на внезапный приступ мигрени. Почему они не оставят ее в покое? Ее раны еще не зажили. Ей не нужна замена Артуру. И никогда не будет нужна.

– У меня двое взрослых детей, – холодно ответила она.

– Это прекрасно, – обрадовался собеседник. Он уже успел сообщить, что работает биржевым маклером и вот уже четырнадцать лет как в разводе. На вид ему было лет пятьдесят, то есть на пару лет больше, чем ей.

– Ничего в этом хорошего нет, – грустно улыбнулась она. – Дети выросли и покинули наш дом. Я страшно скучаю по тому времени, когда они были маленькие и жили со мной. – Ее слова повергли его в недоумение.

– Но вы ведь не планируете больше иметь детей? – У нее было такое чувство, будто ее собеседник заполняет опросный лист.

– Я бы с удовольствием, но я вдова. – По ее мнению, это был исчерпывающий ответ, но собеседник думал иначе.

– Вы вполне можете снова выйти замуж. – Он с легкостью списал Артура в архив и двинулся дальше. Но не Саша.

– Я не собираюсь снова замуж, – заявила она сердито.

Хозяйка рассадила гостей, и Саша с раздражением отреагировала на то, что брокер сидит рядом с ней. Алана явно сделала это с расчетом.

– Как долго вы были замужем? – возобновил он свои расспросы.

– Двадцать пять лет, – сухо ответила Саша. Какой надоедливый!

– Что ж, тогда понятно, почему вы не хотите снова замуж. Надоело небось за столько-то лет, а? Я был женат одиннадцать лет, и мне хватило.

Саша с удивлением посмотрела на него и надолго замолчала.

– Мне мой брак не надоел, – твердо заявила она наконец. – Я своего мужа очень любила.

– Сочувствую, – проговорил он, принимаясь за закуску. Это была единственная передышка. – Скорее всего, вы вспоминаете свой брак в более радужном свете, чем оно было на самом деле. Такие иллюзии характерны для большинства овдовевших женщин. После смерти бывший супруг представляется чуть ли не святым. А при жизни отношения были куда более прозаическими, если не сказать более резко...

– Могу вас уверить, – возмутилась Саша, – что я была без ума от своего мужа. И это чистая правда, а никакая не иллюзия. – Ее тон не

оставлял сомнений в искренности.

– Хорошо, хорошо, – растерялся сосед. – Верю на слово. И сколько у вас было романов после смерти мужа?

В этот момент на них посмотрела Алана и, видя, какое у Саши лицо, догадалась, что ее затея на грани провала. Саша сидела вся белая от возмущения.

– У меня не было ни одного романа, и не собираюсь их заводить. Никогда. Мой муж умер всего восемь месяцев назад, и я сегодня в первый раз вышла в общество!

Сосед уставился на нее в глубоком изумлении.

– Бог мой, да вы просто девственница! – Он произнес это так, словно говорил о чудачестве, но, взглядевшись в Сашино лицо, понял, что в этом скорее ее превосходство. Саша не растерялась:

– Ошибаетесь, я не девственница, как вы выразились. Я сорокавосьмилетняя вдова, которая очень любила своего мужа. Я ясно выразилась?! – С этими словами она повернулась к нему спиной и заговорила с соседом с другой стороны, давнишним знакомым. Он был женат, и Саша с Артуром всегда симпатизировали этой паре.

– С тобой все в порядке? – Старый приятель сочувственно заглянул в ее пылающие гневом глаза. Он говорил вполголоса, а у Саши глаза были на мокром месте. Она лишь кивнула в ответ. Этот тип совершенно вывел ее из себя. Наглец! Вот какова участь вдовы. Может, в будущем стоит говорить всем незнакомым, что она замужем? Быть «девственницей» ей совсем не улыбалось. Это означало растоптать ее чувство собственного достоинства, которое, будучи женой Артура, она принимала как само собой разумеющееся. Она поняла, что не просто потеряла близкого человека, но и в одночасье стала беззащитной, лишившись опоры в любящем супруге и надежного щита в виде брака.

– Все в порядке, – тихо проговорила она.

– Саша, я тебе сочувствую, – сказал он и погладил ее по руке, отчего слезы ручьем хлынули по ее щекам, так что пришлось срочно искать в сумочке платок. В последнее время Саша постоянно в нем нуждалась.

Весь ужин она лишь ковыряла вилкой в тарелке и, едва гости встали, чтобы проследовать в гостиную, удалилась, призвав все свое достоинство. Саша даже не нашла в себе сил проститься с Аланой, решив, что позвонит ей утром.

Ей не пришлось никому звонить. Алана сама позвонила ей в офис. Была суббота, но в последнее время Саша и по субботам приезжала в галерею. Поездки к морю на выходные остались в прошлом.

– Что у вас там вчера произошло? – жалобно спросила Алана. – Он очень симпатичный человек, если присмотреться. И ты ему очень понравилась. Он сказал, ты была неотразима! – Это сообщение повергло Сашу в еще большее уныние.

– Очень мило с его стороны. Алана, зря ты мне искала пару. Я приехала к тебе на ужин, а не на свидание.

– Ты не можешь всю жизнь быть одна. Саша, рано или поздно тебе придется устраивать свою жизнь. Ты еще молодая. И если взглянуть правде в глаза, вокруг не так много достойных мужчин. А этот как раз из таких. – Алана искренне так считала. За последний год она не раз доказала, что ее система ценностей претерпела значительные изменения после перенесенной утраты.

– Мне не нужен никакой мужчина, – оборвала подругу Саша. Она любила Алану, вернее – ту, какой она была раньше, и ей было больно видеть, в кого она превращается. Было такое впечатление, что стоило ей остаться вдовой, как мгновенно испарились и ее вкус, и собственное достоинство, и способность объективно оценивать окружающих. Саша прекрасно понимала, что каждая женщина переживает свое вдовство по-разному. К тому же у Аланы были серьезные финансовые проблемы, и ей был необходим муж, способный их разрешить. А мужчины это чувствуют, как говаривал Артур. Он называл это «запахом паники». Мужчины этот запах не выносят и стараются держаться от таких женщин подальше.

– Конечно. Тебе нужен Артур, – сказала Алана, посыпая Сашины раны солью. – Если хочешь знать правду, то мне тоже нужен мой Тоби. Но их нет, Саша, и никогда уже не будет. Мы обречены доживать свою жизнь без них. И надо сделать все возможное, чтобы с честью выйти из ситуации.

– Я к этому пока не готова, – осторожно произнесла Саша. Она не стала говорить подруге, в какое нелепое и глупое положение та себя ставит. – Может, как раз лучше остаться одной. Я не могу себе даже представить, что стану с кем-то встречаться.

– Саша, тебе сорок восемь лет. Мне – пятьдесят три. Мы еще не старухи, чтобы век куковать в одиночку. – Когда Артур был рядом, Саша никогда не задумывалась о своем возрасте. А теперь, когда его не стало, она ощутила себя старой рухлядью.

– Не знаю, Алана, что тебе на это сказать. Но твердо знаю, что на данный момент я скорее соглашусь умереть, чем заведу роман. – Саша говорила абсолютно искренне.

– Наберись терпения. Дай мужикам шанс. Рано или поздно найдешь того, кто тебе нужен. – А посмотреть на тех мужчин, с кем встречалась в

последний год сама Алана – разве что за исключением последнего... Да с такими придурками ни одна нормальная женщина встречаться не станет. Если, конечно, речь не идет о деньгах. У Аланы оказались совершенно иные запросы, чем у Саши. Саше нужно было одно: пережить утрату Артура. – Пройдет пара месяцев, и ты будешь смотреть на вещи совсем по-другому. Главное – пережить первый год. Потом все наладится. Сама станешь мужчинами интересоваться.

– Не дай бог! У меня есть дети, есть мои галереи, есть мои художники. – Впрочем, теперь, без Артура, для нее имели значение только дети. На работе она концентрировалась с трудом. Единственный плюс – что надо было выходить из дома, будь то в Нью-Йорке или в Париже. Но ничто в жизни ее больше не радовало.

– Этого недостаточно, и ты это знаешь! – увещевала ее Алана.

– Для меня достаточно, ты же меня не один год знаешь!

– Ну а для меня – нет, – решительно заявила Алана. – Я хочу найти хорошего человека и выйти за него замуж. – «Или хотя бы богатого», – мысленно добавила она. Но для Саши это тоже был не аргумент. – Проскучаешь еще полгода, а там и сама начнешь к ним приглядываться.

– Надеюсь, этого не случится, – раздраженно ответила Саша. Одна эта мысль повергала ее в тоску.

– Посмотрим еще, – проговорила Алана многозначительно. – Одно могу сказать тебе точно: встретить достойного мужчину в наши дни – большая проблема. – Саша все это уже не раз слышала. Это ей все подруги говорят. Но эта проблема к ней не имела никакого отношения.

На следующей неделе Саша улетела в Париж и на сей раз провела там целых две недели. Она впервые за много месяцев навестила своих художников сразу в нескольких европейских городах – Брюсселе, Амстердаме и Мюнхене. А по дороге домой заехала в Лондон и повидалась с сыном. Он уже почти оправился от потери отца и работал над несколькими интересными картинами. На Сашу они произвели сильное впечатление. Она назвала сыну галерею, с которой, по ее мнению, ему следовало связаться. Ксавье был явно доволен. Он не хотел выставляться в «Сювери» и пользоваться протекцией матери, он хотел пробиваться самостоятельно.

За последние несколько месяцев Ксавье не раз напоминал матери о своем чудаковатом друге Лайаме Эллисоне. Он утверждал, что это самый талантливый из известных ему художников, и хотел, чтобы Саша непременно посмотрела его работы.

– Охотно это сделаю, но пусть сначала пришлет слайды. – Ей не

хотелось терять время, она привыкла составлять первоначальное впечатление по слайдам. Но сколько бы она ни повторяла это Ксавье, его друг так и не удосужился ничего прислать. По словам Ксавье, тот робел. Вообще-то это было характерно для начинающих художников, да и для более зрелых тоже, но, судя по рассказам Ксавье, его приятеля никак нельзя было назвать застенчивым. Всякий раз, как Ксавье ударялся в какое бы то ни было распутство, за ним неизменно стоял Лайам. Совсем недавно, воскресным днем, они вместе отправились пообедать, перебрали спиртного, доехали на такси до аэропорта и на четыре дня рванули в Марракеш. По словам Ксавье, это были лучшие четыре дня в его жизни. Вернувшись, он сразу позвонил матери. Саша уже начинала нервничать – сын пропал чуть ли не на неделю.

– Дай угадаю, – сказала она, когда он наконец подал голос и сообщил, где успел побывать. – Ты ездил со своим Лайамом. – Теперь она всегда знала: если Ксавье затеял какую-то авантюру, то наверняка рядом с ним был Лайам. – Твой друг определенно чокнутый. А вот жена у него, должно быть, просто святая.

– Она и вправду очень хорошая, – согласился Ксавье. – Хотя временами теряет терпение. Она работает и рассчитывает, что он будет смотреть за детьми. А вместо этого – сама видишь...

– Так она еще и семью содержит?! – изумилась Саша. Знала она таких художников, правда, не столь охочих до веселья и разгула – по крайней мере, если судить по рассказам Ксавье. – На ее месте я бы его просто убила.

– Не сомневаюсь, такое желание у нее не раз возникало. Поездка в Марокко явно не была звездным часом их брака.

– Ничего удивительного. Тебя послушать – так он в точности как те ребята, с которыми я тебе еще в детстве играть запрещала, потому что они вечно втягивали тебя в какие-то истории. Когда-нибудь ты с ним вляпаешься. Или он сам вляпается в какую-нибудь пакость.

– Да нет, мам, он парень добродушный и никогда ничего опасного не сделает. Просто любит хорошо время провести и ненавидит, когда его призывают к порядку. Думаю, его в детстве запретами замучили. У него на них аллергия. Он натура свободолюбивая.

– Похоже на то. Жду не дождусь, когда с ним познакомлюсь, – саркастически заметила Саша. Она интуитивно полагала, что, если слайды все-таки придут, его работы ей, скорее всего, не понравятся. Не нужна ей такая головная боль. Хотя порой люди с таким темпераментом действительно оказываются исключительно талантливы. Саша была

убеждена: таким художникам, как Лайам, требуется узда и плетка, иначе они про работу забывают. Правда, Ксавье говорил, что Лайам к работе относится очень добросовестно и серьезно. Зато во всем остальном он полный разгильдяй. Ксавье все же не оставлял надежды познакомить мать со своим другом. Он был убежден, что для полотна Лайама «Сюверн» – правильное место.

Июль Саша провела в Нью-Йорке, но на море так и не съездила. Она не могла себя заставить войти в этот дом и сказала Татьяне, чтобы та пользовалась им, как ей захочется. Даже посмотреть на дом у Саши не было никакого желания. А в августе она на две недели уехала в Сен-Тропе погостить у друзей. Она остро чувствовала свое одиночество, ее словно лишили корней. Конец месяца она провела в своем парижском доме, который теперь был непривычно просторен. Весь мир для нее без Артура стал неудобен и просторен. Жизнь стала как пара туфель, которые больше не годятся. Никогда в жизни она не чувствовала себя такой маленькой и уязвимой. Когда умер отец, рядом с ней был Артур, она испытала тогда и боль, и горе, но пустоты не ощутила. Теперь рядом не было никого, одни воспоминания да редкие встречи с детьми.

В конце августа Саша вернулась в Нью-Йорк и первого сентября наконец нашла в себе смелость съездить в Саутгемптон. Почти год она здесь не была, и в каком-то смысле была рада этой поездке. Саша будто заново открыла для себя частичку Артура, ту самую, которой ей так не хватало. В шкафу еще были его вещи, а постель словно хранила тепло их последней ночи. В то утро, когда она уезжала, он шепнул ей, что любит, она поцеловала его, и он тут же опять уснул. Здесь жили воспоминания, и Саша провела много часов, думая о муже, вспоминая их жизнь и гуляя вдоль моря. И именно здесь она наконец поняла, что начинает выздоравливать.

После выходных Саша вернулась в галерею другим человеком. Вот уже месяц, как она вынашивала одну идею, но решения пока не приняла. Они задумывали это еще с Артуром, а сейчас ей захотелось это осуществить. Ее потянуло домой. Жить без Артура в Нью-Йорке ей было тяжело.

Сентябрь прошел в хлопотах по организации двух выставок, одной из которых она занималась лично. Саша никогда не пускала выставки на самотек, всегда сама выбирала работы и место для них, стараясь, чтобы контрасты и сочетания подчеркивали выигрышные стороны того или иного полотна. В этом ей не было равных, и эти хлопоты доставляли ей удовольствие. Еще она провела встречи с несколькими старыми клиентами, заседала в музейных советах, делала распоряжения насчет поминок по

случаю годовщины смерти Артура. Обещал прилететь Ксавье. Как и следовало ожидать, это было тяжелое мероприятие для всей семьи. Собрались его коллеги по работе, партнеры, дети, близкие друзья. Трудно было поверить, что прошел уже год.

После поминок Татьяна объявила, что ушла с работы и собирается на несколько месяцев отправиться с друзьями в Индию. Она хотела сделать серию экзотических снимков, с тем чтобы, вернувшись, поискать работу в журналах. К Рождеству дочь обещала быть дома. Татьяне уже было двадцать три, и она жаждала расправить крылья, что немного тревожило Сашу, но другого выхода, как дать ей волю, она не видела. Потом она рассказала детям о своих планах. Она решила перебраться жить в Париж, заняться вплотную галереей, а сюда наезжать, как делала все эти годы, только в обратном направлении. С самой смерти Артура она желала одного: вернуться к истокам. А если еще и Татьяна уезжает, то в Европе ей быть прямой резон – хоть к сыну будет поближе. Татьяну решение матери озадачило, а Ксавье – обрадовало.

– Думаю, это пойдет тебе на пользу, – согласился он с доводами матери. Весь этот год она его очень беспокоила. Ему и раньше всегда казалось, что в Париже Саша чувствует себя счастливее. Может быть, так будет и теперь? С Америкой связаны слишком тяжелые воспоминания.

– Квартиру продашь? – спросила Татьяна с тревогой. Она редко здесь появлялась, но было приятно знать, что отчий дом существует. О планах отца подать в отставку и уехать во Францию она ничего не знала, как и о том, что они собирались продать квартиру и купить что-нибудь поменьше для коротких наездов.

– Пока не стану. Пригодится, когда буду приезжать.

Дочь вздохнула с облегчением. Вообще-то переезд в Европу мало что изменит для Саши. Просто центр ее деятельности переместится в Париж, а сути это не изменит. Ее многое связывало с обоими городами, она жила так вот уже тринадцать лет. Управляющие в обеих галереях были первоклассные, вели дела наилучшим образом и, где бы она ни находилась, постоянно были на связи. Ей не придется подлаживаться под новый уклад жизни.

С переездом Саша решила повременить до ноября. Октябрь в Нью-Йорке – оживленный месяц в мире искусства. Надо было участвовать в заседаниях музейных советов, организовывать выставки, а к тому же, прежде чем уезжать, ей хотелось повидаться кое с кем из американских друзей. Она почти год ни с кем не общалась. Саша собрала гостей в честь Аланы – та как раз объявила о своей помолвке с тем самым человеком, с

которым встречалась с июня. Алана была счастлива устроить свою личную жизнь и излучала радость. Жених тоже казался вполне счастливым. И конечно, верная себе, Алана не удержалась и спросила, не созрела ли Саша для романа. Этот вопрос она задавала ей всякий раз.

– Пока нет. – Саша улыбнулась и отошла. «Не дожدهшься», – прибавила она про себя. Последний уик-энд перед отъездом она провела в Саутгемптоне, а День благодарения отметила с друзьями. Ксавье был у себя в Лондоне, а Татьяна путешествовала с друзьями по Индии. Саше было легче в праздничный вечер уйти из дома, чем сидеть одной. В чужом доме праздник не был таким личным, таким семейным. Год назад, когда они впервые отмечали День благодарения без Артура, боль утраты была еще совсем свежа, и это было очень тяжело. В этом году стало намного легче. Среди гостей Аланы Саша с радостным удивлением встретила своего старинного знакомого Джона Мередита и с еще большим удивлением узнала, что он только что развелся после тридцати четырех лет брака. Джон был ровесник Артура, они не виделись лет десять. За ужином Джон по секрету признался Саше, что его жена превратилась в алкоголичку и в последние двадцать лет имела серьезные проблемы с психикой. Избавившись от этого кошмара, он испытал облегчение, хотя это и было очень и очень непросто. Джон явно огорчился, когда Саша сказала о том, что переезжает жить в Европу. Они увлеченно проговорили весь вечер, и Саша заметила, что хозяйка дома поглядывает на них с надеждой. Она пригласила их обоих не случайно, в этой компании они были единственными, кто пришел без пары. А еще больше Саша удивилась, когда на следующий день Мередит ей позвонил. Она как раз собирала вещи в дорогу. Лететь надо было уже завтра.

– Я тут подумал, не сводить ли тебя в ресторан? – с сомнением и долей смущения предложил Джон. Саша с Артуром всегда были ему симпатичны, но из-за проблем с женой он редко встречался с друзьями. Сейчас в его голосе явно слышалось напряжение и неуверенность.

– Я бы с удовольствием, – ответила Саша. Она знала, что, поскольку она уезжает, ничего у них не получится, да и в любом случае бы не получилось. Они просто старые друзья, не более того. – Увы, я завтра улетаю в Париж. Домой, – облегченно прибавила она. Теперь Саша не сомневалась в правоте своего решения. Даже дети ее поддержали.

– Жаль! Я-то думал тебя куда-нибудь сводить. Поужинали бы вместе. – Джон был искренне рад возобновлению их знакомства. Да и сама Саша готова была признать, что он ей симпатичен. Просто он был не Артур, а никто другой ей не нужен.



– Я раз в месяц буду прилетать в Нью-Йорк. Ты обязательно должен прийти ко мне в галерею на вернисаж, – уклончиво произнесла она, и он обещал.

– Если буду в Париже, я тебе позвоню. Я иногда там бываю по делам. – Но ему был нужен кто-то более близкий – и в географическом, и в душевном плане, и Саша знала: он ей больше не позвонит. Впрочем, ей было все равно. Он пожелал ей удачи, а наутро она села в такси и поехала в аэропорт. Еще не было и девяти, как самолет взмыл в небо, а через полчаса Саша мирно уснула. Она вылетела из Нью-Йорка ясным свежим днем, а в Париж попала в дождь и слякоть. Да, парижские зимы бывают очень унылыми. Но она все равно была рада вернуться домой. Так, под звуки дождя, она и уснула в своей парижской кровати.

Проснувшись в воскресенье утром, Саша обнаружила, что туман только что не лежит на крышах домов. Было пасмурно и холодно, в доме и то чувствовалась сырость. Вечером она легла спать в холодную постель и промерзла до костей. На мгновение Саша заскучала о своей теплой и уютной нью-йоркской квартире. Она вдруг поняла, что, куда бы она ни ехала, всюду за ней неотступно следует ее печаль. И было совсем неважно, в каком городе жить и в какой постели спать. Где бы она ни находилась, в любой стране и в любом городе ее постель была пуста и она была совершенно одна.

## Глава 3

В декабре в Париже у Саши было много дел. Дела галереи шли успешно. Она успела повидаться со множеством важных клиентов, которые либо хотели что-то приобрести, либо, наоборот, спешили продать до Нового года. Чуть не каждый день она говорила по телефону с сыном. Она купила себе и детям горнолыжный тур в Сен-Мориц. Ехать надо было на следующий день после Рождества. Там у нее тоже было запланировано несколько важных встреч.

В Париже светская жизнь носила куда более официальный характер, чем в Нью-Йорке. В Америке среди ее заказчиков было много преуспевающих людей, что отнюдь не мешало их неформальному общению. За долгие годы многие стали ей близкими друзьями. Это были интересные люди, очень разные по происхождению и по роду занятий. В Париже действовали свои, европейские, законы. Крупные клиенты галереи были, как правило, из аристократических родов, нередко титулованные особы, либо имели состояние, которое создавалось веками, как у Ротшильдов, а были и просто любители жить на широкую ногу, и многие знавали еще ее отца. Здешние приемы отличались большей пышностью и церемонностью, чем в Америке. И здесь было труднее отказаться от приглашения, поскольку ее, как правило, приглашали те, кто приобретал у нее дорогостоящие картины. Саша чувствовала себя обязанной отвечать на приглашения. Когда она жаловалась на это сыну, тот говорил, что это ей на пользу. Но она, даже в свои годы, зачастую оказывалась самой молодой из приглашенных, и, как правило, эти вечера нагоняли на нее скуку. И все равно она их посещала – в интересах бизнеса. И всякий раз с радостью возвращалась домой.

Как-то в середине декабря, в такой же серый холодный день, Саша работала у себя в кабинете. Секретарша доложила, что к ней приехал заказчик. Она виделась с ним накануне на званом ужине. Он хотел купить что-нибудь солидное из фламандцев, и она была приятно удивлена, что это не осталось пустым разговором. Саша вышла из кабинета встретить его и показала несколько картин. Тот заинтересовался.

Визит продолжался два с половиной часа, и всем, кроме Саши, было понятно, что гостя не меньше заинтересовала хозяйка галереи. Он пригласил ее завтра поужинать у Алена Дюкасса, дескать, чтобы обсудить предстоящую покупку. Это был один из лучших парижских

ресторанов, Саша заранее знала, что ужин продлится не менее трех или четырех часов, и приготовилась поскучать ради миллионной сделки.

– Сдается мне, его не только картины интересуют, – пошутил Ксавье, когда она сообщила ему о приглашении.

– Не говори глупостей, твой дед без конца ходил на такие встречи. И поверь мне, за ним никто не пытался ухаживать. – На самом-то деле было несколько таких попыток. После смерти ее матери. Но Саша не помнила, чтобы отец к кому-то проявлял романтический интерес. Как и она, Симон хранил верность своей жене до последнего вздоха. По крайней мере, у нее осталось такое впечатление. Она никогда не говорила с отцом на эту тему. Если в его жизни и были женщины, то Симон де Сювери это тщательно скрывал.

– Кто знает, кто знает... – продолжал Ксавье. Ни он, ни сестра не желали матери одинокой старости. – Ты у нас красавица, к тому же совсем еще не старая.

– Старая, старая. Мне уже сорок восемь лет.

– По мне, так совсем молодая. Один мой приятель встречается с дамой намного старше тебя.

– Мерзость какая! Это называется совращением малолетних, – рассмеялась она. Ей казалась дикой сама мысль об отношениях с более молодым мужчиной.

– Но ты же не стала бы возражать против романа твоего ровесника с молодой женщиной?

– Это совершенно другое дело! – искренне воскликнула она, и Ксавье засмеялся.

– А вот и нет! Мы просто привыкли так к этому относиться. Это абсолютно то же самое, что женщина в возрасте и молодой мужчина.

– Не хочешь ли ты сказать, что твоя последняя пассия вдвое старше тебя? В таком случае даже слышать об этом не желаю. – Слава богу, она знала, что его романы долго не длятся. Две недели от силы. Такой характер. Женщин ее сынок менял как перчатки.

– Нет, такой вариант я еще не опробовал. Но если бы мне понравилась немолодая женщина, я бы не видел ничего предосудительного в том, чтобы закрутить с ней роман. Мам, не будь такой ханжой!

Ханжой Саша отнюдь не была, напротив, сыну всегда импонировал ее современный взгляд на вещи, в том числе на его похождения. В этом смысле она была настоящая француженка и никогда не возражала против его чересчур активной личной жизни. Да и в более раннем возрасте, когда Ксавье еще ходил в школу в Нью-Йорке и водился с американскими

друзжками, она была куда более либеральной, чем многие мамы. Покупала ему и его приятелям презервативы и оставляла в большой каменной вазе у сына в комнате. Обходилась без лишних вопросов, но запасы регулярно пополняла. В таких вопросах Саша предпочитала быть реалисткой. Настоящая француженка.

– Предупреждаю: если вздумаешь жениться на тетке вдвое старше тебя, я на свадьбу не приду. Тем более если это окажется кто-то из моих подруг.

– Никогда не знаешь, как обернется. Я только хочу сказать, не надо тебе запираяться от людей. – Ксавье был уверен, что у нее до сих пор никого нет. Они были настолько откровенны друг с другом, что в противном случае он бы об этом знал.

– Что ж, пожалуй, начну общаться с местными юнцами. Или раздавать свой телефон лицеистам. Если не найду кавалера, так хоть усыновлю кого. – Она смеялась над ним и над его нелепыми советами. Надо же такое удумать – зрелая женщина и юный парнишка. Пускай молодой человек. Саша привыкла видеть рядом с собой более зрелого мужчину.

– Мам, когда ты захочешь завести роман, уверен, в кандидатах недостатка не будет, – невозмутимо заявил Ксавье.

– Не нужен мне никакой роман, – отрезала Саша уже без смеха. Она не хотела развивать эту тему ни с сыном, ни с кем-либо еще.

– Да я уж знаю. Но, может, со временем... – Отца нет уже четырнадцать месяцев, и Ксавье, как никто другой, знал, как ей одиноко. Она изо дня в день ему звонит, и он всегда слышит в ее голосе грусть. Ему было больно на мать смотреть. Татьяна сейчас далеко, и все общение с мамой лежит на нем. И она, как ему кажется, намного с ним откровеннее. Между ними существовали те доверительные отношения, какие нередко бывают у матери с сыном. Они были настоящими друзьями.

Саша сказала, что на следующей неделе летит в Нью-Йорк, где у нее заседание совета, а к Рождеству вернется.

Ксавье и Татьяна должны были прилететь в Париж в день Рождества. А еще через день они все уезжали в Сен-Мориц. Сашин потенциальный клиент имел там дом. Саша надеялась, что до отъезда сделка с ним будет заключена.

На другой день он заехал за ней и повез к Алену Дюкассу в «Плаза Атене». Саша предпочла бы поужинать просто, но элегантно в «Вольтере», но бизнес есть бизнес, не ей здесь выбирать. Саша поняла, что ее клиент хочет произвести впечатление. Но ее никогда не волновала изысканная еда, сколько бы звездочек ни имел шеф-повар. Кстати, у Алена Дюкасса их

было три.

Как и можно было предположить, еда была потрясающая. Разговор завязался легко и не разочаровал Сашу. Сделка казалась на мази. Гонзаг де Сен-Маллори повез Сашу домой. Приятный, образованный, богатый, имеет графский титул, правда, невероятный сноб. Граф де Сен-Маллори. Он дважды был женат, имел пятерых детей – по крайней мере, которых сам признавал. А еще Саше было известно о трех его отпрысках, которых он признавать отказывался. Во Франции, а тем более в Париже, сплетни расходятся быстро. О похождениях графа ходили легенды, все его любовницы были прекрасно обеспечены.

– Я тут подумал, не повесить ли мне на пробу эту картину в моем доме в Сен-Морице, прежде чем принять окончательное решение, – задумчиво произнес граф, когда они ехали в его «Феррари». Такие машины в Париже были редкостью, из-за тесноты на улицах парижане предпочитали что-то более компактное. У Саши был крохотный «Рено», его было удобно парковать и маневрировать на дороге. Саша не испытывала ни малейшего желания кичиться дорогой машиной в Париже, да и где бы то ни было. – Может, вы могли бы заехать и высказать свое мнение? – предложил он, подруливая к особняку, где располагалась Сашина галерея и ее дом.

– Это будет нетрудно, – согласилась она. – Мы можем отправить полотно к вам в Сен-Мориц, а через две недели я тоже буду там с детьми. – При этих словах лицо у него вытянулось.

– Я надеялся, вы остановитесь у меня. Может, детишек в другой раз свозите? – Он с легкостью решил вопрос с чужими детьми. Но Сашу такой вариант не устроил.

– Боюсь, это невозможно, – ответила она, глядя ему прямо в глаза, чтобы не оставалось недомолвок. – Поездка запланирована давно. Да и вообще, провести отпуск с детьми для меня большая радость. – Она хотела дать ему понять, что он напрасно старается. И ее дети здесь ни при чем. У нее не было желания смешивать бизнес с удовольствием, и уж тем более – с этим распутником. В свои пятьдесят четыре граф славился связями с молоденькими дамами.

– Я полагаю, продать картину в ваших интересах? – столь же определенноотреагировал Гонзаг. – Надеюсь, вы меня понимаете, мадам?

– Я вас понимаю, граф. Картина выставлена на продажу. Картина, но не я. Даже если цена – миллион долларов. Когда буду в Сен-Морице, с удовольствием заеду и взгляну, как она смотрится, – добавила она чуть мягче. Но граф уже кипел. Оба выразились предельно ясно. И ему не понравилось то, что он услышал. Женщины ему никогда не отказывали, тем

более в таком возрасте. Да для нее была бы честь, если бы он с ней переспал! Печальная, одинокая женщина. По-видимому, не настолько одинокая, как ему казалось. И не настолько жаждущая этой сделки.

– В этом нет нужды, – ледяным тоном ответил он. – Я решил не покупать картину. К тому же у меня есть серьезные опасения, что это подделка. – С этими словами он вышел из машины, чтобы, как того требуют приличия, открыть ей дверцу. Но Саша его опередила и уже стояла на тротуаре.

– Благодарю за чудесный ужин, – сухо произнесла она. – Вот уж не думала, граф, что вы, с вашей репутацией, покупаете себе женщин, да еще за такие деньги. Я полагала, что мужчина с вашим обаянием и умом в состоянии заполучить их бесплатно. Спасибо еще раз за приятный вечер. – Не давая ему опомниться, она подошла к калитке, набрала код и вошла во двор. Через несколько секунд раздался рев мотора. Саша вошла в дом. От возмущения ее трясло. Этот подонок думал купить ее вместе с картиной. Решил, что она так рвется продать полотно, что согласится лечь с ним в постель. Это уже переходит все границы. При Артуре никто и думать не смел так с ней обращаться. Охваченная дрожью, Саша позвонила сыну и рассказала ему, что произошло. Когда она передала свои последние слова, Ксавье злорадно рассмеялся:

– Мать, ты великолепна! Радуйся, что он напоследок не сбил тебя своим «Феррари».

– Уверена, он бы с удовольствием это сделал. Какой же гад!

Ксавье опять засмеялся:

– Да уж! Но ты должна быть польщена. Я слышал, он гуляет с девицами моложе нашей Татьяны. Он тут у нас часто появляется, в «Аннабель».

– Меня это не удивляет. – Ксавье назвал известный ночной клуб в Лондоне, излюбленное место развлечений светской публики, в том числе богатых старичков в окружении юных девиц. Они с Артуром там тоже в свое время бывали и даже являлись его постоянными членами. – Почему мужчинам это всегда сходит с рук?

– Многим женщинам это нравится. Думаю, с ним охотно переспали бы многие владелицы галерей, если бы наградой была столь крупная сделка.

– Ну да, а на другой день картину он бы вернул. – Еще в самом начале ее работы отец предупреждал ее о такого рода клиентах. Гонзаг де Сен-Маллори был всего лишь один из многих, к тому же не умел себя вести, по крайней мере с Сашей.

Она легла в постель, но все никак не могла успокоиться. А наутро

объявила управляющему, что сделка с графом не состоится.

– Да? Но ведь ты с ним вчера в ресторан ходила? – удивился Бернар.

– Ходила. Он очень плохо себя вел, пусть радуется, что по морде не схлопотал. Как выяснилось, он рассчитывал приобрести картину в комплекте с моими услугами. Решил, видите ли, что я в Сен-Морице буду жить у него, а отдых с детьми отложу на другой раз.

– И ты отказалась? – воскликнул Бернар с деланным изумлением. – Какой же из тебя торговец, Саша? Господи, подумать только – миллион долларов! Как безответственно ты относишься к делу своего отца! – Он любил над ней подшутить. За пятнадцать лет совместной работы они стали добрыми друзьями.

– Заткнись, Бернар, – усмехнулась Саша и проследовала в кабинет. Никогда в жизни она не получала столь оскорбительных предложений. Через неделю, в Нью-Йорке, она рассказала об этом своей тамошней управляющей. Та была шокирована.

– Американцы себе такого не позволяют, – заявила Карен, защищая своих соотечественников.

– Да некоторые американцы позволяют себе кое-что похуже. Я начинаю думать, что дело не в национальности, хотя, надо признать, французы в этом плане ведут себя более раскованно. Но уверена, здесь тоже такое случается. Тебе разве никогда не намекали, что для того, чтобы продать какую-то картину, неплохо бы переспать с потенциальным покупателем? – Саша усмехнулась. Теперь вся эта история представлялась ей в комическом свете.

Немного подумав, Карен покачала головой:

– Не думаю. Может, намекали, да я не уловила?

– И как бы ты в таком случае поступила? – продолжала подтрунивать Саша.

– Лично я переспала бы да еще заплатила бы ему миллион долларов, – вступила в разговор Марси. – Я видела его фотографии в каком-то журнале. Красавчик, что и говорить!

– Да, недурен, – равнодушно согласилась Саша. На ее вкус, Артур был куда красивее. Этот лоценький французский граф не произвел на Сашу никакого впечатления. Она предпочитала совсем другой тип мужчин. Ей всегда казался очень привлекательным актер Гари Купер. Но идеальная внешность была, конечно, у ее Артура. Мужчинам типа этого Гонзага де Сен-Маллори грош цена, она их хорошо знает.

Саша провела в Нью-Йорке три дня. Из-за множества дел время пролетело незаметно. Она повидалась с несколькими художниками и

солидными клиентами и посетила заседание музейного совета, ради которого, собственно, и прилетала. Первые два вечера провела дома, разбирая вещи Артура. Саша с самого начала дала себе слово что-нибудь из них сохранить. Потребовалось четырнадцать месяцев, чтобы она наконец нашла в себе силы этим заняться, и теперь ее шкафы выглядели непривычно пустыми. Но дальше откладывать она не хотела.

Накануне отъезда Саша поехала к друзьям на вечеринку по случаю приближающегося Рождества. Рождество в Нью-Йорке теперь было для нее и радостным, и грустным одновременно. Она вспоминала, как возила детей в Рокфеллер-Центр на каток, как два года назад они отмечали с Артуром последнее в его жизни Рождество.

Саша охотно общалась с друзьями, но ей надоело объяснять, почему в ее жизни до сих пор нет мужчины. Казалось, всех волнует только этот вопрос. Как будто без мужчины она не представляет собой никакой ценности. У нее появлялся комплекс неудачницы: муж умер, и она теперь одна. Глядя на супружеские пары, Саша чувствовала себя единственной одинокой женщиной в городе. Возвращение в Париж принесло ей облегчение. И еще она пребывала в радостном волнении от предстоящей встречи с детьми.

До их приезда она успела приготовить рождественского гуся и даже нарядить елку и украсить дом. С Татьяной она не виделась целых два месяца и ждала ее с особенным нетерпением. Дочь выглядела прекрасно, ее поездка удалась на славу. Ей не терпелось показать маме фотографии. Они как раз рассматривали снимки, когда Ксавье стал рассказывать о мамином приключении с графом.

– А ты в курсе, что мама чуть не отменила нашу поездку в горы? – начал он. – Собралась ехать без нас, и все ради продажи за миллион долларов картины одному французскому графу.

– Вот врун! – рассмеялась Саша и рассказала, как все было на самом деле. Дочь пришла в ужас от того, что какой-то французский плейбой пытался уложить ее мать в постель, искушая миллионной сделкой.

– Мам, какой ужас! – возмущалась она. Татьяна отлично представляла себе, какое унижение пережила ее гордая мать.

– Никакой не ужас, – со смехом возразил Ксавье. – Уверен, в глубине души мама была польщена.

– Ах ты, гнусный шовинист! – накинулась на него Татьяна. – «Польщена»! Больше ничего не придумал?

– Ладно, ладно, не шуми. Вот поеду и начищу ему физиономию. Адресок дашь? – повернулся Ксавье к матери.



– Зря я тебе рассказала. До конца дней будешь мне теперь это вспоминать?

– Буду. А кстати, все время забываю сказать. Лайам наконец решился выслать тебе слайды. Я их видел. Отличные работы, – похвалил Ксавье.

– Буду ждать. – Саша знала, что у сына неплохой вкус, хотя порой он и пытается за ее счет продвинуть своих дружков. Она пока не представляла, что это будут за работы, но взглянуть не мешает. Сколько уже лет она слышит об этом художнике. А еще больше – о его проделках.

– Уверен, тебе понравится, – заверил сын. Саша молча кивнула, не желая давать ему напрасные надежды.

– Как, говоришь, его фамилия? – спросила она, в который раз забыв ее, хотя Ксавье часто ее называл.

– Лайам Эллисон. Он вообще-то американец. Из Вермонта. Но в Лондоне живет с тех пор, как получил диплом.

– Запомню. Если слайды мне понравятся, в следующий раз, как буду в Лондоне, постараюсь с ним встретиться. – Временами Ксавье наводил ее на подлинные находки, а вдруг так будет и в этот раз? Саша никогда не ленилась посмотреть новые работы еще неизвестных художников. Потому и репутацию себе заработала. В Саше была авантюрная жилка и верный глаз. Но ее одолевали сомнения – с такими людьми, как этот Лайам, каши не сварить. После всего, что ей рассказывал сын, трудно было бы сделать другой вывод.

Вечером они отправились на рождественскую службу, а весь следующий день провели втроем. Татьяна привезла матери роскошное сари в подарок и изящные золотистые сандалии. А Ксавье купил для нее золотой браслет у лондонского антиквара. Такие подарки ей обычно делал отец, а на этот раз дети тронули ее до глубины души.

Прощаясь с детьми перед сном, она внимательно на них посмотрела и сказала:

– Я самая счастливая женщина на свете – у меня есть вы!

И это было сказано со всей искренностью. Она впервые за много месяцев действительно чувствовала себя счастливой.

## Глава 4

Они прекрасно провели время в Сен-Морице, хоть дети и не переставали напоминать ей о графе. Остановились они в «Палас-Отеле» в роскошных апартаментах. Саша любила иногда побаловать детей, особенно на каникулах. Они с Артуром всегда их баловали. Они не переставали благодарить судьбу за то, что у них есть такая возможность, и бережно хранили воспоминания обо всех семейных поездках. На этот раз такой поездкой стал Сен-Мориц. Только теперь их было трое.

Саша каталась и с детьми, и одна. Ксавье был непревзойденный лыжник, Татьяна каталась не хуже, но уступала ему в бесстрашии. Они завели кучу приятелей и каждый вечер куда-нибудь уходили. Саша по большей части ужинала одна в номере. Ее это ничуть не огорчало. У нее были с собой книги, а бурная ночная жизнь ее не привлекала. В Париж она вернулась отдохнувшая, умиротворенная и счастливая. Татьяна пробыла еще несколько дней, она спешила в Нью-Йорк, где собиралась искать работу, а Ксавье побыл на пару дней дольше, после чего укатил в Лондон. Еще до его отъезда прибыли слайды Лайама Эллисона, и, к удивлению Саши, они оказались весьма интересными. Они произвели на Сашу сильное впечатление, но, прежде чем принять решение и взяться представлять интересы Лайама, нужно было взглянуть на сами картины.

– Постараюсь приехать на той неделе, в крайнем случае – через неделю, – пообещала Саша сыну. Но поездка состоялась лишь в конце января. В Лондоне ей предстояло повидаться с тремя художниками, чьи картины она выставляла, и познакомиться с Лайамом Эллисоном. С некоторой тревогой Саша запланировала эту встречу на последний вечер перед отлетом в Париж. После всего, что она знала о нем от сына, представлять его интересы ей отнюдь не хотелось, но не оценить его талант было невозможно. Саша понимала, что познакомиться придется. И нисколько не пожалела об этом, когда оказалась у него в студии.

В студию Лайам повел ее сам. Он был взволнован и напряженно улыбался. С Сашей приехал Ксавье и теперь ободряюще похлопывал приятеля по плечу. Он знал, что друг очень волнуется. Саша держалась подчеркнуто сухо и деловито, почти сурово. Она была вся в черном – брюки, свитер, сапоги, и, как всегда, ее цвета воронова крыла волосы были собраны в пучок. Пожимая ей руку, Лайам сам подивился тому, какой ужас ему внушает эта миниатюрная женщина. Почему-то ему казалось, что

оценка его работ из ее уст, какой бы она ни была, определит всю его дальнейшую жизнь. Если она их забракует или сочтет не соответствующими уровню ее галереи, это станет для него физическим ударом. Лайам смотрел, как она ходит по студии, и чувствовал себя беспомощным и беззащитным. Саша вежливо поблагодарила его за приглашение. Ему было невдомек, что за ее внешней строгостью скрывается на самом деле большое смущение. Ее интересовала не столько личность художника, сколько его произведения. Но она не могла не признать, что и сам Лайам производит сильное впечатление. Она много слышала о нем от Ксавье и знала, какой он взбалмошный и неуправляемый человек. Единственным сдерживающим фактором для него служили жена и дети. В глубине души Саша надеялась, что, будучи отцом семейства, Лайам не может быть таким уж безответственным типом. Ксавье никогда не говорил, что тот гуляет направо и налево. По его словам, Лайам был человек неуправляемый и большой хулиган, никакие правила для него не существуют. Любая попытка указать ему, как себя вести, встречает сопротивление и воспринимается как желание его притеснить. Если верить Ксавье, Лайам был убежден, что художник не может подчиняться общепринятым правилам и нормам и волен делать все, что заблагорассудится. Ей был знаком такой подход, но с подобными личностями бывает тяжело иметь дело. Они работают, только когда им этого хочется, а когда нет – резвятся вволю и в результате никогда не выдерживают оговоренных сроков. Такие мужчины ждут, чтобы с ними нянчились, как с малыми детьми. Судя по всему, его жена делала это охотно. Саша же не имела никакого желания становиться чьей-то нянькой, даже такого обаятельного красавца. Если он серьезно относится к работе, к своему таланту, то пусть и ведет себя как взрослый человек. Пока же, насколько можно было судить по рассказам Ксавье, Лайам еще не повзрослел. Но в конечном итоге определять их отношения будут его работы.

Саша неторопливо прошла к дальней стене студии, где Лайам развесил несколько больших картин. На мольбертах стояли три работы поменьше. Полотна произвели на Сашу потрясающее, мощное впечатление, он смело пользовался цветом, а большие размеры картин лишь усиливали воздействие. Она долго смотрела на картины и едва заметно кивала головой, а он стоял, затаив дыхание. Ксавье знал, что Сашино молчание – это хороший знак. Но этого не знал Лайам. Он следил, как Саша внимательно изучает его картины, и обмирал от страха. Когда она наконец повернулась к нему, у него буквально перехватило дыхание. Саша

произнесла пять слов: «Картины великолепные. Я их беру». Потом он признался ей, что в этот момент чуть не упал в обморок. Он издал победный вопль, схватил ее и закружил по комнате, оторвал от пола и наконец, с глупой улыбкой на лице, поставил на место.

– Господи, поверить не могу! Я вас обожаю! Бог мой! Я уж думал, вы все забракуют, скажете, что все это гроша ломаного не стоит.

– Стоит! Еще как стоит! – Она улыбнулась. Саша радовалась за него и была благодарна Ксавье за то, что он нашел Лайама и вытащил ее сюда. – Работы превосходные. Вы так чувствуете цвет, так передаете его, что дух захватывает. У меня даже слезы навернулись. Но имейте в виду, раньше, чем через год, выставку мы вам устроить не сможем. У нас все наперед расписано. Я хочу выставить вас не в Париже, а в Нью-Йорке.

Парижские выставки всегда проходили более камерно. Все значительные выставки современного искусства Саша предпочитала делать в Нью-Йорке. Ксавье отметил про себя и этот добрый знак, надо будет потом Лайаму сказать. Он не хотел выдавать все Сашины секреты при ней. Сейчас он искренне радовался, что устроил эту встречу. Он тоже считал Лайама потрясающим художником и был счастлив, что его мать поделила его мнение.

– О господи! – опять выдохнул Лайам, сел на пол и чуть не расплакался. Он шел к этому часу почти двадцать лет, и вот его звездный час настал. У него будет своя выставка в галерее «Сювери» в Нью-Йорке! Обалдеть! В это невозможно поверить! И у него в студии сидит сама Саша де Сювери и нахваливает его картины. А Саша уже рассказывала о том, как много ему придется потрудиться, чтобы подготовить выставку. – Как мне вас благодарить? – Он взирал на нее с таким благоговением, будто она была материализовавшимся чудом. Он ощущал себя ребенком, которому явилась сама Дева Мария.

– Моей наградой станут ваши новые картины. Я на всякий случай привезла с собой текст контракта. Если хотите, покажите своему адвокату. Я вас торопить не буду. Спешки нет. – Не в ее правилах было настаивать на немедленном подписании.

– Ничего себе – «спешки нет»! А вдруг вы передумаете? Где ваш контракт? Давайте сюда, я подпишу. – Он был на седьмом небе. Саша смотрела на него, и он казался ей таким же мальчишкой, как ее сын.

Из анкетных данных, что он прислал вместе со слайдами, она знала, что ему тридцать девять лет. Но, глядя на него, в это трудно было поверить. Учился он вместе с несколькими уже известными художниками. Несколько раз выставлялся в небольших галереях. Но внешне был очень молоджав. В

нем было что-то раскованное, что-то вольное и юное. Высокий, долговязый, красивый. Прямые белокурые волосы он обычно носил распущенными. Сегодня, готовясь к встрече с ней, он завязал их в хвост. Лицо гладкое и совсем молодое. Сильные плечи, длинные, изящные руки. Сейчас он, как мальчишка, скакал по студии в заляпанных краской джинсах и майке. И, как капризный ребенок, требовательно смотрел, ожидая подписания деловых бумаг.

– Документы у меня в отеле, – успокоила его Саша, вдруг почувствовав себя мамашей. Теперь, когда им предстояло сотрудничество, она ощутила ответственность за него. – Перед отлетом я вам завезу. Или пришлю с посылным. Я не передумаю, Лайам, не беспокойтесь. Я никогда не меняю своих решений. – Саша говорила ровно, ее тронуло его волнение. Он сказал, что это решающий момент в его жизни. Она так не думала, но была рада, что он придает этому такое большое значение. Именно поэтому Саша любила работать с начинающими художниками. Она давала им шанс – шанс прославиться. Это была самая приятная часть работы с молодыми. Впрочем, Ксавье прав, не такой он и молодой, но ведет себя как четырнадцатилетний подросток, а выглядит на двадцать пять, даром что ему почти все сорок. Саше он казался ничуть не старше Ксавье, отчего она поневоле отнеслась к нему по-матерински. – Жене контракт не хотите показать?

В студии царил такой беспорядок, что было ясно, что живет он не здесь. Никаких признаков жены и трех детей она здесь не заметила. Саша решила, что они все живут где-то в другом месте, хотя его запачканная красками одежда была повсюду. Наверное, это рабочая одежда, решила она. Логично было предположить, что существует какое-то более опрятное и уютное жилище.

– Она в Вермонте, – смущенно произнес Лайам. – Как подпишу, пошлю ей копию. Она глазам своим не поверит. – Он переводил взгляд с Ксавье на Сашу и обратно.

Лайам налил по бокалу вина, все трое были очень довольны. Саша только пригубила, а Лайам залпом влил в себя полбокала. Он был в эйфории. Для галереи он был настоящей находкой. Сейчас, как никогда, Саше захотелось, чтобы сын тоже вошел в семейный бизнес. Он явно унаследовал верный нюх на талант. Это у них от Симона. Но Ксавье хочет жить в Лондоне и писать картины, а не торговать ими в Париже или Нью-Йорке. Может, когда-нибудь они и в Лондоне откроют галерею. Впервые за много лет ей пришла мысль о расширении бизнеса. Но пока что Ксавье слишком молод для такой ответственной работы. Надо подождать. Ему еще

двадцать пять, впрочем, сама она вошла в бизнес, когда была всего на год старше, в двадцать шесть, правда, ее плотно опекал отец.

– Могу я вас пригласить поужинать? – предложил Лайам. – Надо отметить такое событие. – Вид у него был такой, словно он вот-вот взорвется от радости, улыбка не сходила с его лица.

– Я бы с радостью, но... – многозначительно произнес Ксавье, и Саша поняла, что он имеет в виду очередное свидание. Да, какой уж тут бизнес... Она-то в его возрасте уже была замужем, работала в Метрополитен и имела двоих детей. Для Ксавье все это в далекой перспективе.

Саша недолго колебалась. Она рассчитывала сегодня ужинать с сыном и не подозревала, что у того другие планы. Но это для него типично. Она повернулась к Лайаму:

– Давайте лучше я вас свожу поужинать, Лайам. Я теперь ваш агент, вы не должны за меня платить. И нам надо поближе познакомиться, – проговорила она. Лайам был удивлен: он-то видел в ней строгую деловую женщину – и вдруг это предложение... И при всем при том Саша сразу расположила к себе Лайама своей естественностью. Она излучала стабильность и надежность и в то же время в ней не было и тени самоуверенности и неприступности. Поначалу Лайам боялся встречи с Сашей, ее репутация повергала его в трепет. Но личное знакомство развеяло все страхи Лай-ама.

Саша вдруг засомневалась, есть ли у него подходящий костюм. По опыту она знала, что у многих молодых художников и костюма приличного нет, чтобы пойти в ресторан. Лайам, очевидно, был из их числа. Хотя внешними данными господин его не обидел – Лайам действительно был хорош собой.

– Я с удовольствием. Заодно и контракт подпишу, – проговорил он с ослепительной улыбкой.

– Сначала вы должны ознакомиться с ним, – наставляла Лайама Саша. – Убедиться, что он вас устраивает. Не нужно спешить его подписывать, сначала внимательно прочитайте, а еще лучше покажите юристу.

– Да я вам в рабство готов сдаться, вы только скажите. Или пожертвовать частью своего мужского достоинства, причем лучшей, – не моргнув глазом, заявил он. Саша опешила. Впрочем, от молодых художников она и не такое слышала.

– Вообще-то в этом нет необходимости, – сказала она строго. – Насколько я помню, анатомические подробности в контракте не обозначены. Так что можете оставить свое мужское достоинство при себе.

Уверена, ваша жена будет только рада. – Лайам усмехнулся, но не ответил. Он дерзко и даже с каким-то вызовом смотрел на Сашу. Совсем как самонадеянный красивый мальчишка, которому море по колено. А ведь этот дерзкий красавец еще и чертовски талантлив! – Где бы вы хотели ужинать? – Ксавье она бы повела в аристократический ресторан, но ее сын был человеком иного воспитания, имел смокинг и хорошие манеры. С Лайамом все было иначе, тот и вести себя не умел, и на одежду ему было наплевать. Что удивляться? Типичный голодный художник. Впрочем, если она возьмется за дело, голодать ему осталось недолго. В Нью-Йорке, не сомневалась Саша, он произведет фурор, а со временем и Париж покорит. Лайам – настоящая находка, подлинный талант, способный на большие свершения.

– Я бы все же хотел пригласить вас сам, в знак благодарности. – Лайам был настроен решительно, и его настойчивость тронула сердце Саши. – По этому случаю я даже нарядиться готов.

– Нарядиться, говорите? И как же? – Она заговорила тоном матери. Почему-то он пробуждал в ней материнские чувства. Он был совершеннейший мальчишка, и Саше захотелось защитить его, помочь. Она была взволнована тем, что станет с ним работать и поможет ему прославиться. Это ее большое открытие. Сегодняшняя встреча была событием не только для него, но и для Саши тоже.

– У меня есть костюм и пара хороших рубашек. Одна из них даже чистая. Второй я, кажется, машину недавно полировал. – Он бросил на Сашу насмешливый взгляд, Саша расхохоталась. В его озорстве была очаровательная неотразимость. Он напомнил ей Ксавье, когда тому было лет четырнадцать и он стремился поскорее вырасти. Ксавье это удалось, а вот Лайам, по-видимому, так и не повзрослел.

– Тогда пойдем к Гарри, – предложила она. Бар «Гарри» был ее любимым ресторан в Лондоне, он принадлежал тому же владельцу, что и клуб «Аннабель», и они с Артуром часто захаживали туда.

– Ну и ну! Поверить не могу, что это происходит со мной. А ты? – повернулся он к Ксавье. Тот от души радовался за приятеля. Все вышло даже лучше, чем он рассчитывал. Ксавье был необычайно доволен и благодарен матери, что дала Лайаму шанс.

– А я могу, – бесхитростно ответил Ксавье.

– Да, старик, я перед тобой в долгу. – Лайам протянул ему руку. «Ну, чисто мальчишки в спортивной раздевалке», – подумала Саша и мысленно понадеялась, что в ресторане Лайам не начнет выкидывать номера. От этих художников только и жди, недаром она редко выходит с ними в свет. Но в

данном случае она решила рискнуть. В нем было что-то невинное и трогательное, а если он вдруг разбуянится – что ж, тогда она его приструнит. К своим художникам, и не только к молодым, Саша относилась, как к детям. Она ощущала себя в известной степени их матерью, что требовало от нее большой душевной работы, но как раз это она и любила в своем деле. Художники были как цыплятки, а она – как наседка. А Лайам, хоть и был ненамного ее моложе, явно нуждался в материнской опеке.

– Договариваемся на восемь. В половине восьмого мой шофер за вами заедет, а потом заберете меня из отеля. Я буду ждать в фойе, – сказала она и вместе с сыном покинула студию.

– Не забудь, мам, контракт прихватить, – напомнил сын, спускаясь по лестнице.

Лайам с волнением ожидал предстоящего ужина. Надо было обсудить с Сашей будущую выставку, расспросить поточнее, какие работы она от него ждет. Чтобы показать все, на что способен, он готов был целый год вкалывать, как галерный раб. Он ее не подведет. Это его шанс, и он это прекрасно понимает. Ради этой минуты он трудился всю жизнь. И как бы ни распоясывался в личной жизни, а особенно в кутежах с Ксавье, к работе Лайам всегда относился со всей серьезностью. Он с детства знал, что рожден рисовать. С ранних лет это ставило его особняком от сверстников. Та же картина повторялась и в подростковом, и в более зрелом возрасте. Он понимал, что устроен не как все, но это его мало беспокоило. Мать всегда была на его стороне и настаивала на том, чтобы он был верен своей мечте. Другие родственники далеко не так радовались его дарованию, и даже отец относился к нему как к белой вороне. Из-за этого между ними всегда были трения. Такое впечатление, что его талант сумела разглядеть только мать. Другие же – отец, братья, даже друзья – воспринимали его ранние рисунки как проявление странности, пустую затею. Отец называл их хламом, братья – мазней. Его отлучали ото всех дел, и только в живописи он находил утешение. Как все, кто с детства испытал душевные страдания, Лайам был намного глубже, чем казался. Саша пока не могла этого знать, но что-то особенное она в нем почувствовала. Все ее знакомые художники прошли через большие испытания, кому-то пришлось много страдать. В конечном итоге, несмотря на тяжелую жизнь в обычном понимании, это обогащало их творчески, делало их работы, как и их самих, глубже и содержательнее. Рано оставшись без матери, она хорошо их понимала и глубоко сочувствовала их переживаниям. Она понимала их лучше, чем сама осознавала. Между ними словно существовала невысказанная гармония.



– Я так и думал, что тебе его работы понравятся, – сказал Ксавье, направляясь к машине. Он был очень доволен. – Лайам невероятно талантливый, по-моему, он и сам не понимает насколько. – Ксавье искренне гордился своим другом.

– Да, это бесспорно. – Саша ни на миг не сомневалась, что приняла верное решение, и была рада находке сына. Можно было только гордиться, что у мальчика такой верный глаз.

– И парень он хороший, – продолжал Ксавье. – Порядочный, честный. Любит жену и детей. Временами чудит, но человек все равно хороший. Он сумасброд, но безобидный.

– Жаль, что его жена в Вермонте. Я бы хотела с ней познакомиться. По спутнику жизни можно многое сказать о человеке, – негромко прибавила Саша, и Ксавье ответил не сразу:

– Она у него потрясающая. Они женаты с незапамятных времен. Но она уже довольно давно переехала в Вермонт.

– Как это понимать? – недоуменно взглянула Саша. – Они женаты? Или она от него ушла?

– Думаю, ответить надо утвердительно на оба вопроса. Они по-прежнему женаты, но, кажется, решили немного отдохнуть друг от друга. Что-то в этом роде. Он об этом говорить не любит. Она каждое лето ездила в Вермонт к родителям. А в этом году так и не вернулась. Он говорит, она решила побыть там подольше. Она еще в июле уехала. Он отличный парень, но, думаю, жизнь с ним не сахар. Она помогала ему закончить учебу, работала горничной на курортах. А здесь была секретаршей. Она тянет на себе и его, и детей и мирится со всеми его выкрутасами. Не думаю, что он когда-нибудь с ней разведется, но то, что ей было нелегко волочить семью из пяти человек, это факт. Я надеюсь, она все же вернется. Она славная женщина. И он ее любит, я знаю.

– Может быть, хоть теперь в его жизни что-то изменится, – задумчиво проговорила Саша. Старая история! И очень, увы, банальная! Большинство художников доводит жен до белого каления, знай себе малюют, пока те их содержат. Это не первый брак, принесенный на алтарь искусства. Все это она слышала уже много раз. – Если это ему как-то поможет, я бы могла выплатить кое-какой аванс. Послушаем, что он скажет сегодня за ужином. Может, им удастся наладить супружеские отношения.

– Это наверняка поможет, мам! Момент как раз очень удачный. В будущем году их старший сын поступает в колледж. Деньги им ох как нужны!

– Будем надеяться, что нам удастся добыть ему кучу денег. Только это

не в одночасье происходит. – Впрочем, оба знали, что бывает и такое. После того, что она только что услышала, Саша надеялась, что с Лайамом случится именно так. Ясно, что его семья заслужила это не меньше, чем он сам. Тем более раз мальчику надо продолжать учебу. Невозможно представить Лайама отцом студента. Скорее его самого можно принять за студента.

Ксавье еще раз обнял мать и пообещал наутро составить ей компанию за завтраком. Они стоворились на десять, так как с утра ей надо было сделать несколько звонков. В аэропорт надо выезжать в двенадцать, и последние часы в Лондоне ей хотелось провести с сыном.

– Смотри, не шали там! – нарочито строгим голосом сказала Саша. Ксавье со смехом кивнул и удалился. По крайней мере, сегодня он будет не с Лайамом, утешила себя Саша. Правда, теперь, когда она с ним наконец познакомилась, он перестал казаться ей исчадием ада, оказывающим на Ксавье дурное влияние. Скорее всего, Ксавье прав: Лайам инфантильное, но не опасное существо.

– Утром увидимся! – помахал рукой Ксавье, сел в свою машину и, весьма довольный собой, укатил. Сегодня они сделали большое дело. Теперь у Лайама все пойдет как по маслу. Его будущему только что был дан зеленый свет.

## Глава 5

Сашин шофер заехал за Лайамом ровно в половине восьмого, как и было условлено, а без четверти восемь они забрали Сашу из отеля «Клэридж». Она уже ждала внизу и сразу направилась к машине. Оба ехали на заднем сиденье. На Лайаме был приличного вида черный костюм и красная рубашка, собственноручно перекрашенная из белой. Это была та самая рубашка, которой, как полагал Лайам, он полировал машину. Теперь Лайам вспомнил, как перекрасил ее однажды в сильном подпитии, считая, что это будет круто. На данный момент это была его единственная сорочка. Оставалось надеяться, что Саше она понравится. Саше рубашка не понравилась, но она промолчала. Он же художник! Художником, впрочем, был и ее сын, и, если бы Ксавье посмел в таком виде явиться в бар «Гарри», она бы его прибила. Но Лайам был не ее сын, приходилось терпеть и помалкивать.

Саша украдкой оглядела его обувь. Туфли с виду были приличные, «взрослые» туфли с дырочками для шнурков, однако по неведомой причине Лайам от шнурков избавился. Одеваясь, он вспомнил, что, кажется, они ему для чего-то понадобились – кажется, надо было что-то завязать, что именно – он уже не помнил. И Лайам решил, что без шнурков туфли выглядят даже лучше, и оставил все как есть. Он был чисто выбрит и вымыт, от него вкусно пахло дорогим парфюмом, безукоризненно промытые длинные волосы были стянуты резинкой, а поверх нее перевязаны черной лентой. Лайам был красив и почти безупречен. Если бы не красная рубашка и туфли без шнурков, его вполне можно было бы назвать уважаемым, но ведь он, в конце концов, художник! Никакие правила для Лайама не существовали, он их просто не признавал. Какой смысл следовать правилам, придуманным другими, когда можно изобрести свои? Отчасти поэтому его жена и не спешила возвращаться из Вермонта, куда уехала еще в июле. Но, несмотря на разукрашенную рубашку и хвост на голове, в его внешности было что-то аристократическое. К тому же он был безоговорочно красив. Привлекательный мужчина. И оригинальный. В другой жизни он мог бы быть актером или манекенщиком, адвокатом или банкиром, но сейчас его перекрашенная рубашка выдавала в нем не только художника, но и бунтаря. Она словно говорила за него: «Посмотрите-ка на меня! Я могу делать все, что захочу. И вы не можете мне помешать!»

– Я нормально выгляжу? – спросил он у Саши неуверенно. Та кивнула.

Она решила пощадить его самолюбие, тем более что сорочку можно было счесть произведением искусства. А на отсутствие шнурков она обратила внимание, только когда они уже входили в бар. Присаживаясь к стойке, Саша заметила, что носков на нем тоже нет. Знакомый метрдотель молча протянул Лайаму черный галстук, который вполне подошел к его рубашке. Саша помогла его завязать, как всегда помогала Ксавье, когда они еще жили вместе. Лайам пробормотал, что так давно не носил галстуков, что забыл, как они завязываются. Он, однако, чувствовал себя совершенно непринужденно. Его нисколько не смущал тот факт, что все мужчины в зале в элегантных костюмах и сшитых на заказ сорочках, а женщины – в изысканных платьях от известных кутюрье. Чего у Лайама было в избытке, так это уверенности в себе. Исключение составляла Саша. Он явно хотел произвести на нее впечатление, но не знал как. Она держалась так естественно и одновременно по-светски, что рядом с ней он вдруг почувствовал себя простаком. Она обращалась с ним как с ребенком. На его вопрос, как он выглядит, ответила, что прекрасно; вошла в ресторан с ним под руку, как будто он ни в чем не уступал всем остальным присутствующим мужчинам. От этого у Лайама начала кружиться голова, и, садясь к столику, он уже воображал себя фигурой масштаба Пикассо.

Лайам уже по дороге успел дважды задать ей вопрос про контракт. Чтобы не испытывать его и свое терпение, едва они сели за стол, Саша выложила перед ним его экземпляр. Он подмахнул не глядя, несмотря на все ее предостережения, и просиял. Теперь с ним работает галерея «Сюверии». В последние десять лет он только об этом и мечтал. И вот мечта осуществилась, и он приготовился наслаждаться каждым прожитым мгном. Это будет незабываемый вечер для него и для Саши. Она подозревала, что когда-нибудь они станут вспоминать со смехом, как он явился в бар «Гарри» в перекрашенной рубашке. Несмотря на относительную молодость и простецкий вид, в нем уже угадывался подлинный художник.

За стойкой Лайам выпил мартини, а к столу Саша заказала шампанское. Она предложила выпить за него, а он – за нее. Саша выпила два бокала. Лайам, не моргнув глазом, прикончил бутылку. Он уже успел поведать ей, что в семье был белой вороной. Отец у него банкир и живет в Сан-Франциско, один брат – врач, другой – юрист, оба женаты на богатых наследницах. Лайам рассказал, что с самого начала выделялся в семье. Братья изводили его, утверждая, что он не родной сын, а приемный, хотя Лайам узнал, что это неправда, но каждый раз огорчался до слез. С раннего детства он был не такой, как все. То, чем все увлекались, вызывало у него отвращение. Он ненавидел спорт, плохо учился в школе, тогда как братья

были отличниками и капитанами своих институтских команд. Американский футбол, баскетбол, хоккей – они у него всем занимались. Он же предпочитал запереться в комнате и рисовать, рисовать, рисовать... Его нещадно дразнили, а рисунки его норовили выбросить в помойку. Еще Лайам сказал, что отец с ранних лет твердил ему, что он не оправдывает его надежд и что его семье за него стыдно. За плохие оценки в школе его на целый год отправили в военное училище. Это был ад. Однажды ночью он проник в столовую и исписал стены карикатурами на преподавателей, в том числе и весьма неприличными. Расчет был на то, что после этого его непременно исключат. И расчет Лайама оправдался. Вспоминая свою хитрость, Лайам расплылся в улыбке. А вернувшись домой, он вновь очутился под градом насмешек своих родных. В конце концов на него махнули рукой и перестали обращать внимание. Вели себя так, словно его не существует, забывали позвать к ужину, не считали нужным разговаривать, находясь с ним в одной комнате. Только мать пыталась его защитить и оправдать. И все же в родной семье он стал чужаком. Чем хуже с ним обращались, тем хуже он становился и тем больше дерзил и хулиганил. Поскольку он никак не вписывался в жизнь своей семьи и отказывался подчиняться правилам, его стали попросту игнорировать. Сколько раз он слышал из уст отца, что у того только два сына. Лайам никак не подходил под стандарты своих родных, и они стали его сторониться. Со временем он и в школе превратился в изгоя. О нем вспоминали лишь тогда, когда надо было расписать декорации к школьному спектаклю или намалевать какие-нибудь плакаты. В остальное время никто не обращал на него внимания ни дома, ни в школе. Одноклассники называли его не иначе как «чокнутый художник», и поначалу это звучало как оскорбление, а потом это прозвище ему даже понравилось и он всячески старался ему соответствовать. Бывали моменты, когда он и сам начинал думать, что у него с головой не все в порядке.

– Я рассудил так: если стать тем, кем они меня считают – «чокнутым художником», – можно будет делать все, что захочу, – и стал таким. Творил все, что в голову взбредет.

В итоге, поскольку учебой Лайам себя не утруждал, его выгоняли из всех школ, в каких он учился. В последний раз его исключили из школы в выпускном классе, так что он даже аттестата не получил, это гораздо позже жена заставила его пойти учиться. Но школа мало что ему дала. По словам Лайама, единственным человеком, кто верил в его талант, была его мать. Но в их семье живопись не считалась достойным занятием. Другое дело точные науки и спорт, а он ни в том, ни в другом не был силен, да и не

стремился. Саша подумала, не проглядели ли в нем врожденную необучаемость, раз школа давалась ему с таким трудом. Это был бич многих художников, и от него многие страдали, но зато этот порок с лихвой компенсировался талантом. Но пока Саша была не настолько близко знакома с Лайамом, чтобы задавать такие деликатные вопросы, а потому просто сидела и слушала его рассказ, сочувственно и с интересом.

Он уверял, что, как только осознал себя, уже знал, что будет художником. Однажды рождественским утром, пока все еще спали, он расписал стену гостиной, а затем принялся за рояль и диван. По-видимому, нынешняя рубашка была отголоском того раннего творчества. Тогда ему было всего семь лет, и он никак не мог взять в толк, почему никто его художеств не оценил. Отец его, наоборот, отстегал, а вскоре после этого мать сильно заболела. Летом следующего года она умерла, и жизнь Лайама превратилась в кошмар. Единственной его защитницы, единственного человека, который его понимал и любил, не стало. Бывали дни, когда его даже забывали покормить. Как будто он умер вместе с матерью. И единственным его утешением стала живопись, она продолжала связывать его с мамой, ведь ей всегда нравилось то, что он делал. Лайам признался Саше, что долгие годы ему казалось, что он пишет для матери. Да и сейчас это ощущение возвращается к нему. Глаза Лайама увлажнились. Вся семья считала его сумасшедшим и не изменила своего мнения до сих пор. С отцом и братьями он не виделся уже много лет.

Со своей женой Бет он познакомился, когда ездил в Вермонт кататься на лыжах. Он тогда ушел из дома – ему было восемнадцать – и подрабатывал в Нью-Йорке. В девятнадцать лет женился, он тогда работал и жил впроголодь в Гринвич-Виллидж. По словам Лайама, Бет с тех пор вкалывала в поте лица, чтобы кормить его и детей, что, конечно, не радовало ее родню. Ее родители были такими же консерваторами и Лайама сразу невзлюбили. Они презирали его за безответственность и неспособность содержать их дочь. У них с Бет было трое детей, мальчики семнадцати и одиннадцати лет и пятилетняя дочка. Он в них души не чаял, как и в Бет, но вот уже пять месяцев, как она от него уехала.

– Думаете, не вернется? – посочувствовала Саша.

В нем было столько незащитности и трепета, что ей захотелось обнять его и сделать так, чтобы все у него было хорошо. Но по опыту работы с другими художниками она знала, что те умеют наломать в своей жизни столько дров, что ситуацию никакими силами не исправить. Судя по рассказу Лайама, отношения с родными ему уже никогда не наладить, нечего и пытаться. Но ее глубоко тронул рассказ о его тяжелом детстве и о

жене и детях. Было заметно, что без них ему плохо, а то, что осталось невысказанным, Саша и сама поняла. На вопрос о перспективах возвращения Бет он с грустью посмотрел на Сашу и покачал головой.

– Думаю, нет. – Он не тешил себя иллюзиями. Он уже понял, что Бет вряд ли вернется к нему.

– Может, передумает, когда узнает, что ваши дела пошли в гору? – По какой-то необъяснимой причине Саше искренне хотелось, чтобы жена к нему вернулась, это было бы к его же благу. Тем более теперь, когда, возможно, все изменится к лучшему. И Саша совсем не была убеждена, что это нереально. Лайам был опечален разрывом, но почему-то воспринимал его как свершившийся факт. Они были женаты двадцать лет, и это были трудные годы. Особенно для жены Лайама. Сейчас вид у Лайама был как у человека, совершившего преступление, раскаивающегося в содеянном, но понимающего, что изменить ничего нельзя.

– Проблема была не в этом. Не в деньгах. – Лайам говорил горячо и убежденно.

– А в чем? – отважилась спросить она. – Может быть, она не выдержала нагрузки – работа, дети? Да и вы, как я понимаю, не подарок... А может, ей просто все осточертело?

– Бет уехала, когда узнала, что я переспал с ее сестрой, – проговорил Лайам с тяжелым вздохом.

Саша опешила. Ничего себе – предать женщину, которая двадцать лет вкалывала, чтобы кормить тебя и твоих детей! И это еще мягко сказано! А ведь Ксавье сказал, она милая женщина. Выходит, этот Лайам тот еще тип! Во всяком случае, его признание многое объясняет.

– Как же это вас угораздило? – спросила она тоном строгой воспитательницы.

– Бет с детьми уехала на выходные. А мы напились до чертиков. Когда она вернулась, я ей все рассказал. Я решил, Бекки все равно расскажет. Они же двойняшки.

– Близнецы? – История была драматичная и печальная, Саша переживала вместе с ним. Как и тогда, когда он рассказывал о своем отце и братьях. Она определенно начинала ему симпатизировать, хотя и не была уверена, что он заслуживает этого. Саша твердо решила помочь Лайаму, хотя его предательство по отношению к жене повергло ее в ужас. Но в Лайаме была какая-то детская наивность, непосредственность, хотелось прощать ему все, независимо от того, что он натворил.

– Нет, не близнецы, но похожи. Бекки за мной много лет увивалась. Я наутро сам не мог поверить, что сделал это. Но – случилось. – Сейчас,

рассказывая о своем грехопадении, он чуть не плакал. А когда признался Бет, то плакал по-настоящему.

– Вы алкоголик? – спросила Саша серьезно. Он пил много, но не пьянел.

– Нет. Просто дурак. В последний год мы с Бет часто ссорились. Она хотела, чтобы я нашел себе постоянную работу. Ей надоело горбатиться во имя искусства. Да тут еще родители – все уши ей прожужжали, чтобы бросала меня и возвращалась домой. Отец у нее плотник, а мать – учительница. Мои картины они в грош не ставят. Я и сам уже почти перестал в себя верить. До сегодняшнего дня. – Он с благодарностью посмотрел на Сашу.

Определенно, в этом человеке была какая-то изюминка. Даже после признания в супружеской измене Саша не в силах была осуждать его. Конечно, эта история очень неблагоприятная. Но все равно в Лайаме было нечто неотразимое, Саша получала огромное удовольствие от общения с ним. Она готова была признать, что он симпатичен ей как человек и даже как мужчина.

– А чем занимается эта Бекки? – спросила она.

– Работает в баре на одном горнолыжном курорте. Зашибает бешеные бабки и гуляет с мужиками напропалую. Она всегда ко мне липла. Наверное, меня к ней тоже влекло. Не знаю. Прожить двадцать лет с одной женщиной – это не шутка. Бет была моей первой женщиной, и до этого случая я ей ни разу не изменял. – Лайам тяжело вздохнул, вспоминая тот скандал. – Я понимаю, нет мне никакого оправдания, – с горечью признался Лайам. – Мне и самому тошно.

– Неужели она вас никогда не простит? – Саша никак не хотела расставаться с надеждой, что все у них будет хорошо. Такому человеку, как Лайам, нужна была опора, особенно теперь, когда ему предстоит много работать.

– Я знаю Бет, вряд ли она простит. Она всю жизнь завидовала Бекки. Той всегда все мужики доставались. А у Бет что? Я да трое ребят. И еще работы целый воз. У меня никогда не получалось зарабатывать. Все эти годы нас содержала Бет. И она всегда мне верила. Пока я не переспал с этой куклой. На Рождество я звонил ей и детям, она сказала, что подает на развод. Я ее не виню. Достал я ее до смерти. Хорошо, теперь у меня будет возможность посылать им какие-то деньги. После стольких безденежных лет она их вполне заслужила.

«Все-таки Лайам порядочный человек, хоть и витает в облаках, как многие артистические натуры, – размышляла Саша. – И вот теперь он



расплачивается за свое легкомыслие одиночеством».

– Давно вы детей не видели?

– Да с тех самых пор, как она уехала. О ее родителях я и не говорю. Небось убить меня готовы. Отец-то точно в бешенстве.

– Она что же, рассказала им все как есть?

– Нет, Бет так бы не сделала. Бекки рассказала. Она меня теперь тоже ненавидит. Она-то надеялась, что я разведусь с Бет и женюсь на ней. Говорила, с юных лет в меня влюблена. С близнецами иногда случается такое. А Бет говорит, Бекки всю жизнь на нее зуб имела. Красивая девка, а замуж не берут. В пятнадцать лет она залетела, родила, так родители заставили отдать ребенка на усыновление. Думаю, после этого у нее крыша поехала. Лет шесть назад, когда ее парню должно было исполниться восемнадцать, она стала его искать, и тут выясняется, что за два года до этого ее сын погиб в автокатастрофе. Лоб в лоб. Она страшно переживала. Наверное, себя во всем винила. Может, и сестру ненавидит за то, что у той растут трое детей. Не знаю. Кто разберется в их отношениях?! Мне уж точно это не под силу...

– Да уж... Выходит, вы шагнули на минное поле.

– Истинная правда! Бет говорит, Бекки нарочно все подстроила. Двадцать лет подходящего момента ждала. Три бутылки дешевого белого – и я пустил псу под хвост двадцать лет брака с самой хорошей и порядочной женщиной на свете.

– Почему же вы не хотите полететь в Вермонт и поговорить с ней? Я могу выплатить вам аванс. Я все равно собиралась это сделать. – Даже не будучи посвященной в детали семейной жизни Лайама, Саша поняла, что деньги ему нужны позарез.

– Поздно уже, – откровенно ответил Лайам. – Она уже сошлась со своим давним кавалером, он ухаживал за Бет еще в школе. Грозится расписаться, как только развод оформим. У него в прошлом году умерла жена и оставила его с четырьмя детьми на руках. Деньги у него есть, он владеет отелем на горнолыжном курорте. И готов содержать Бет с детьми. Наверное, это лучше, чем быть женой шального художника. Похоже, и она так думает, – обреченно добавил Лайам.

– Какой же вы шальной художник, Лайам? – искренне удивилась Саша. Конечно, здравомыслящим человеком Лайама назвать было трудно, но Саша надеялась, что работа и успех смогут изменить его жизненные установки. Если они вообще у Лайама были. Во что Саше было действительно сложно поверить, так это в то, что такой интересный мужчина за всю свою взрослую жизнь был близок всего с одной женщиной

– собственной женой. Если не считать этот идиотский эпизод с ее сестрой-двойняшкой. Глядя на Лайама, можно было предположить, что его постоянно окружает целый хоровод девиц и он щедро дарит им свое внимание. Такое впечатление у Саши сложилось и со слов Ксавье, когда сын рассказывал ей о своих с Лайамом похождениях. Но оказалось, что в жизни Лайам не очень похож на Лайама из рассказов Ксавье. Да, он дурашливый, легкомысленный, но искренний и добрый.

– Иногда я шальной художник и есть, – ответил Лайам. – А иногда мне так хочется снова стать ребенком! Но от этого ведь никому не хуже?

– Это как сказать... Разве не на вас лежит вина за то, что Бет оставила вас?! А ваши дети! Разве они не пострадали? Да и вы сами... Да, конечно, и на вашей невестке вина лежит.

– Ей ни до кого нет дела, кроме себя.

– Не стоит жалеть себя и искать оправданий. – Саша решила не щадить Лайама. Она задумалась и вдруг заметила, что Лайам за ней наблюдает.

– А что же вы, Саша, о себе ничего не рассказываете? Послушать Ксавье, так вы просто ангел во плоти. Он от вас без ума. Редкий случай, чтобы взрослый парень так относился к матери. Но сейчас, поговорив с вами, я его понимаю. Ему повезло, что у него такая преданная мать. – Лайам, видимо, вспомнил свою мать, которую он потерял так рано.

– Я его тоже очень люблю. Он замечательный! И сестра его тоже. Я очень счастливая женщина. – Саша улыбнулась.

– Ну, не такая уж счастливая. Ведь вы совсем недавно потеряли мужа? – сочувственно сказал Лайам.

– Да, – как можно спокойнее ответила Саша, но на глаза ее мгновенно навернулись слезы. Ей стало неловко. Ее горе не должно быть явным, Саша не хотела нагружать Лайама своими проблемами и не рассчитывала на его сочувствие. – Пятнадцать месяцев прошло. Мы были женаты двадцать пять лет. – У нее Артур тоже был единственным мужчиной. Это их по-своему роднило, как и ранняя потеря матерей, и неизбежные в таких случаях детские страдания.

– Это, наверное, ужасно – потерять в одночасье любимого человека, – проговорил он, заботливо заглядывая ей в глаза.

– Да. Сейчас стало полегче, но иногда накатывает такая тоска... – Лайам понимающе кивнул. Свою жену он тоже потерял, правда, по собственной глупости, а у Саши мужа отняла судьба. – Но надо жить! Вариантов нет! Слава богу, что у меня есть мое дело. Работа выручает.

– Но картины – не человек, они не утешат, не согреют, с ними не обнимешься, не поговоришь, правда? И у вас с тех пор никого не было? –

Это была откровенная дерзость, но Саша решила ответить. Она не хотела, чтобы он видел, насколько она беззащитна и одинока. Раз она взялась представлять его интересы, надо, чтобы он считал ее сильной и уверенной. Так ей, во всяком случае, казалось. И потом, ей почему-то хотелось, чтобы оценили ее искренность.

– Нет, никого. А у вас? – Ей в самом деле было любопытно. Он столько ей рассказал о своей родне и семейной жизни, что между ними установилась некая близость – гораздо большая, чем Саша ожидала и тем более – чем ей бы хотелось. У нее еще не было случая, чтобы она чувствовала личный интерес к какому-то своему подопечному, и не в ее правилах было демонстрировать свои слабости. Но за ужином почему бы и не поговорить по душам?! Два одиноких человека, еще в детстве пережившие боль большой утраты и в результате лишившиеся детства, а теперь, уже взрослыми, потерявшие тех, кого любили. Честно говоря, желание доверить постороннему человеку свою боль, раскрыть душу возникло у Саши впервые. Но пусть этим все и ограничится. Она не собиралась поддаваться возникшей симпатии. Она волевой и сознательный человек. И Лайаму она не даст повода к сближению, пусть он не думает, что должен проявлять к ней сочувствие, какое-то особенное внимание. Это только помешает их деловым отношениям.

– Я встречался с двумя женщинами, – ответил наконец Лайам. – Ксавье меня знакомил. – Он улыбнулся. Странно было думать, что мать его приятеля теперь еще и его наперсница. – Но ничего не вышло... Девчонки были такие молоденькие, им бы только веселиться. А я тогда еще не пережил расставания с Бет. Это было летом, вскоре после ее отъезда. И я с тех пор не возобновлял попыток. Теперь, когда Бет собралась замуж, дело другое. Но пока мне не встретилась та, которая была бы мне нужна. Большинство женщин, готовых стать подругами художников, особы весьма оригинальные. – Он был серьезен и сразу стал как-то взрослее. – А вы? Вы чего ждете от спутника жизни?

– Я не хочу пополнять ряды женщин, охотящихся за мужьями. Бегать в моем возрасте на свидания, по-моему, неприлично.

– Если встречаться с тем, кто вам дорог, вовсе нет, – возразил Лайам, но Саша покачала головой.

– Я уже свое отбегала. И тот, кто был мне дорог, умер. С меня довольно!

– Глупости! – горячо возразил Лайам. – Вам рано ставить на себе крест. Тем более что вы так хороши собой. Рискну спросить, Саша, сколько вам лет? – Учитывая возраст Ксавье, Лайам мог дать ей не больше сорока

пяти. Или сорока трех, если она рано вышла замуж.

– Сорок восемь. Достаточно, чтобы сойти с дистанции. У меня было двадцать пять лет безмятежного счастья. Согласитесь, это немало!

– А может быть еще пятьдесят. Или вы хотите всю жизнь прожить в одиночестве? – Эта мысль показалась Лайаму нелепой. Но не Саше. Она смирилась с одиночеством, которое считала неизбежным для себя.

– Нет. Я хотела прожить свою жизнь с мужем. И прожила бы, если бы не... Теперь у меня нет такой возможности. А другие варианты меня не прельщают. И вряд ли когда прельстят. Меня несколько не пугает перспектива быть верной памяти мужа. Я не могу себя представить в роли охотницы за мужьями.

– Наверное, ваш муж был исключительный человек, раз вы его так любили, – убежденно проговорил Лайам. Он восхищался Сашей еще больше – красивая, сильная, преданная женщина. Какая удача, что именно она будет заниматься его делами.

– Он был необыкновенный человек, – кивнула Саша. – Мне повезло – мы любили друг друга. Не знаю даже, как я пережила смерть Артура. Он так рано умер...

– Но вы этого изменить не можете, Саша. Он умер. А вы живете. Если бы было наоборот, он бы, наверное, не стал избегать женщин. Каждому человеку необходимо кого-то любить. Жизнь слишком сложная штука, чтобы справиться с ней в одиночку.

– Не думаю, что жизнь вдвоем непременно будет легче. В первый раз мне повезло. Кто знает, повезет ли еще раз? Так зачем рисковать? – бодро произнесла Саша. Не собирается она перед ним лить слезы и сетовать на свою жизнь. Она ведь сумела выстоять в самое трудное время...

– А вдруг опять вытянете счастливый билет? – не желал менять тему Лайам. – Вы это заслужили. Конечно, все будет иначе. Но это не значит, что хуже.

– Не могу себе даже представить, как я стану с кем-то встречаться, – честно призналась Саша. Официантка убрала тарелки и поставила на стол блюдо со сладостями. – То, что я наблюдаю у других, повергает меня в ужас.

– Да, тут я, пожалуй, с вами соглашусь. – Лайам рассмеялся – ему, видимо, тоже вспомнились впечатляющие примеры. – Вообще-то меня лечит работа. Забываюсь, когда рисую. С тех пор как Бет с детьми уехала, я все время пишу.

– Рада это слышать, – улыбнулась Саша. – Хорошо, когда талантливые художники много работают. Мне тяжелее еще оттого, что дети живут

отдельно. Особенно вечерами и по ночам тоскливо.

– Меня тоже ночи достают. И по детям я безумно скучаю, даже не представлял, что будет так тошно. А уж теперь, когда новый папа наметился, не знаю, что будет... Бет говорит, он хороший человек. Может, из него и выйдет лучший отец, чем я. Он – человек серьезный, деловой. Словом, подходящий вариант для семейной жизни. Не то что я... – Лайам пытался держаться бодрячком, но Саша видела, как ему больно.

– Лайам, вы отец, вы не можете бросить своих детей. Вам обязательно надо увидеться с ними, поговорить, сказать, что вы всегда будете их любить.

– Да, – согласился Лайам. – Наверное, я решусь. Правда, не знаю когда. – Но говорил он неуверенно, словно не верил собственным словам.

Заказывая столик, Саша попросила не приносить им счет – она не хотела ставить Лайама в неловкое положение. После кофе и сладкого они вышли на улицу и нашли ее машину. Саша попросила шофера отвезти ее в отель, а потом Лайама к нему домой. Но у отеля Лайам тоже вышел из машины. Он предложил выпить в баре. Но Саша отказалась. Она никогда много не пила, а сегодня было уже и вино, и шампанское.

– Тогда провожу вас до номера, а потом спущусь и вызову такси, – сказал Лайам.

Странно, но его предложение не удивило Сашу. Она чувствовала, что Лайам не хочет отпускать ее, да и ей самой перспектива опять пребывать в одиночестве не показалась на этот раз привлекательной. Поднимаясь по лестнице, Саша бросила взгляд на туфли Лайама и улыбнулась. Отсутствие шнурков и носков теперь веселило ее. Она не удержалась от того, чтобы поддразнить Лайама.

– Не нашел ничего подходящего, – объяснил он, нимало не смутясь. – И вообще, мадам, вы не забыли – я художник. Нам можно и без носков. – Лайам произнес это с горделивым вызовом, и Саша рассмеялась.

– Кто придумал это правило?

– Я, – важно ответил Лайам. – Я шальной художник. С детства. Мне позволено делать все, что заблагорассудится. – Он говорил серьезно, а в глазах сверкали бесовские искорки. Вот уж действительно, человек, не признающий никаких правил и норм.

– Нет, все, что заблагорассудится, вам делать никто не позволит. Правила существуют для всех. – Она чувствовала себя настоящей классной дамой, делающей внушение нерадивому ученику.

– И относительно носков есть правила? – усмехнулся Лайам.

– Конечно. – «Надо будет послать ему упаковку носков и рубашек, –

решила Саша. – И шнурков в придачу. Вот голь перекатная! Еще станет ли носить? Скорее всего, нет. Ему, кажется, нравится быть не таким, как все. Небось и белье не носит?» При этой мысли она покраснела.

– О чем вы подумали? – От него не укрылось ее смущение.

– Да так, ни о чем... – Она смутилась вконец.

– Неправда! Вы подумали, есть ли на мне белье. Так ведь?

О господи, он угадал, и Саша зарделась еще сильнее.

– А вот и нет, – попыталась сопротивляться она.

– А вот и да, а вот и да! Так знайте: есть. Трусы мне найти удалось.

– Это обнадеживает, – вздохнула она с облегчением, и он опять засмеялся.

– Надеюсь, этого нет в контракте? Что я должен носить носки и трусы? Иначе я его разрываю. Никто не может мне диктовать, что мне носить и что делать!

Типичный подростковый бунт или он ее разыг-рывает? У Лайама Эллисона явно проблемы с контролем над эмоциями, так это, во всяком случае, выглядело. Всю жизнь он плывет против течения, борется со всеми нормами и стандартами и нарушает принятые правила. И, похоже, не замечает, что далеко не всем это нравится.

– Теперь, когда вы спросили, мне в самом деле кажется, что этот пункт в контракте тоже прописан, – продолжала игру Саша. Ей было весело, впервые за долгое время. Тем временем они подошли к двери Сашиного номера.

– Ни за что не соглашусь! – твердил Лайам. Точь-в-точь капризный ребенок.

– Точно-точно, я вспомнила, – повторила Саша. – Там сказано, что отныне вы обязаны всегда быть в носках и нижнем белье.

– Вы не имеете права меня заставлять! – почти выкрикнул он.

– Имею, – строго повторила она, и тут, к ее изумлению, он улыбнулся, наклонился и поцеловал ее в губы, заставив замолчать. От неожиданности она даже выронила ключ и сумочку. После поцелуя Саша подняла глаза: – Лайам! Вы с ума сошли! – проговорила она в панике оттого, что поцелуй Лайама взволновал ее. Это какое-то безумие, но ей понравилось с ним целоваться!

Лайам поднял с пола ключ и отпер дверь. Вопросительно посмотрел на Сашу – она молча вошла в номер. Он – следом. Едва сделав пару шагов, он опять бросился ее целовать, ногой закрывая за собой дверь. Сашу охватила дрожь.

Хотелось его остановить. Причем совершенно искренне. Но она не

могла. А потом произошло невероятное – ей вдруг расхотелось его останавливать. Не отрываясь от ее губ, Лайам поднял ее на руки и отнес на кровать. Потом протянул руку и погасил лампу. Он ничего не говорил. Только целовал ее и снимал с нее одежду. В следующее мгновение они уже были в постели, обнаженные, и занимались любовью, но как это произошло, она не помнила. Саша вновь хотела его остановить и опять не смогла. Да нет, ничего она не хотела! Ей как раз нравилось то, чем они занимались. То же самое происходило с Лайамом. Двое изголодавшихся людей устремились друг к другу и оказались не в силах устоять. Так велико оказалось взаимное притяжение. Ничто не имело значения в эти мгновения: ни прошлая жизнь, ни возраст, ни образ жизни. Они были нужны друг другу, нужны, чтобы справиться с одиночеством, и с жадностью накинулись друг на друга, пока не упали в изнеможении на подушки, но и тогда не разняли объятий. Саша лежала в темноте и смотрела на Лайама, не понимая, как такое могло произойти, а он улыбался ей с нежностью восхищенного и любящего мужчины.

– Кажется, я в тебя влюблен, – тихо сказал он, и по ее лицу покатались слезы. Она не думала, что когда-нибудь еще услышит эти слова, и вот их произносит Лайам, которого она почти совсем не знает. Но сердцем, душой Саша ощущала его как очень близкого человека. С его непредсказуемостью и нежностью, с уязвимостью и жаждой любви.

– Это невозможно! Ты меня совсем не знаешь, – так же тихо возразила она, не вытирая слез. Она плакала об Артуре, и о Лайаме, и о себе самой.

– Это возможно, и я тебя знаю. А хочу узнать еще лучше. – Он много сегодня рассказал ей о себе, а теперь хотел узнать побольше о ней.

– Лайам, это безумие! – Саша оперлась на локоть и посмотрела на него сверху вниз. Осторожным жестом он притянул ее к себе и вытер слезы. Его движения были ласковыми, бережными.

– Может, и безумие, – согласился он. – А может, нам как раз это и нужно. Мне-то точно. Думаю, что и тебе тоже.

– Что именно? Секс? – обиделась Саша. Она не собиралась стать его подругой на одну ночь, как Бекки. Да и вообще, все это смешно. У них должны быть деловые отношения. Еще вчера они даже не были знакомы, да и сейчас ненамного продвинулись. Да что с ней творится? Она будто плыла по волнам неведомого моря, и ее несло к нему волной, такой сильной, что не было сил сопротивляться.

– Саша, дело не в сексе. И ты это знаешь. Точнее – не только в сексе. Хотя должен признать, мне очень понравилось. – Это было мягко сказано. Такого наслаждения он никогда не испытывал. Что было довольно

удивительно, учитывая, что они едва знали друг друга. И ей тоже с ним было очень хорошо.

– Но это же не любовь! Мы едва знакомы.

– У нас еще будет время познакомиться, – мягко произнес он.

Господи, до чего же он хорош! Теперь-то она это знала определенно. Даже слишком! Сашу неумолимо влекло к нему, причем с самого начала, она только теперь поняла это. Она пыталась отбросить от себя эти мысли, но тщетно.

– Это невозможно, – повторила она. – Я твой галерист – хозяйка галереи, я буду представлять твои интересы, и я на девять лет тебя старше.

– Ну и что? У тебя и на этот случай есть пункт в договоре? – Разница в возрасте Лайама нисколько не волновала.

– Да, есть. Я не сплю со своими художниками. Никогда этим не занималась и начинать не собираюсь. – Она говорила твердым тоном, словно пыталась убедить саму себя.

– А мне показалось, ты уже начала. Только что. А кроме того, ты раньше была замужем. А теперь правила изменились.

– И мне пора начинать спать со своими художниками? Я так не думаю, Лайам. – Она вдруг рассердилась на себя, но он не дал продолжать, а закрыл ей рот поцелуем, нежно поглаживая ее атласную кожу. Под его пальцами каждая клеточка в ней трепетала, казалось, она теряет разум. На этот раз она даже не пыталась его остановить. Ей захотелось его еще сильнее, а потом она лежала в его объятиях и опять плакала. Но теперь это были слезы радости. Он крепко обнял ее, притянул к себе и держал так, пока она не успокоилась. У нее было такое ощущение, будто внутри прорвало плотину и эмоции вот-вот захлестнут ее с головой.

– Саша, я тебя люблю. Ничего не понимаю, не знаю, как это произошло, но я тебя люблю. И я знаю, что чем дальше, тем буду любить сильнее. Ты только дай мне шанс. – Он умолял. Он хотел ее так, как не хотел никого и никогда, даже Бет.

– Этого больше не повторится. – Слова прозвучали глухо, она уткнулась лицом ему в грудь, а он улыбался.

– В следующий раз я надену носки, обещаю, – сказал он, не выпуская ее из объятий.

– Лайам, я серьезно, – тихо сказала она и уснула у него на груди.

– Я знаю, Саша, знаю. Я все равно тебя люблю. – Он целовал ее рассыпанные по подушке волосы, улыбался и, не разнимая рук, уснул. Впервые за много месяцев оба заснули спокойным, приносящим отдохновение сном.



## Глава 6

На следующее утро они проснулись в девять, когда в номер ворвалось солнце. Первым очнулся Лайам, тут же протянул к ней руку и обнял. Словно ощутив его взгляд, Саша шевельнулась. Его объятия разбудили ее, но Саша не сразу очнулась ото сна. Она удивленно заморгала глазами. И тут вспомнила. Закрыла глаза и застонала.

– Доброе утро, Спящая красавица, – тихонько поздоровался Лайам и крепче прижал ее к себе. Саша подняла глаза на Лайама. Они лежали близко-близко друг к другу, и Саша могла рассмотреть каждую черточку его лица. Утром он был так же красив, как и вчера. Их глаза встретились, и сердце у Саши упало. Она не могла поверить в то, что натворила. Мужчина в ее номере, голый и прекрасный, с длинными белокурыми волосами, сильный и теплый, – конечно, она сошла с ума!

– Ничего не было, – строго объявила она. И не могла заставить себя встать, высвободиться из его объятий. Она смотрела на него и хотела его с новой силой.

– Было, – засмеялся он с довольным видом, а она подумала, что в жизни не видела более красивого мужчины.

– Лайам, мы не можем. Не должны. Это невозможно. – И так будет всегда. Он всегда будет на девять лет ее моложе, и она не может закрыть на это глаза, что бы он ни говорил. К тому же она его официальный дилер. Но даже если снять с себя эту роль, он все равно будет для нее слишком молод. И разница в возрасте в данном случае проявляется скорее в отношении к жизни, чем в датах в паспорте. Да и не может она отказаться с ним работать по той лишь причине, что совершила глупость. Старая дура! Дура и есть. Захотелось, видите ли, любви, понимания, даже секса. Это не оправдание. Саша была зла на себя. И немного на него. Но не настолько сильно, чтобы вылезти из кровати. Ни сейчас, ни прошлой ночью.

– Ничего невозможного, если только ты сама так не решишь. Ты вчера это уже говорила, как раз перед тем, как мы...

– Я была не в своем уме! Временное помутнение рассудка, – проговорила она и запрокинула голову, чтобы не встретиться взглядом с Лайамом. До чего же приятно было просто лежать рядом с ним, снова ощущать себя женщиной. Но она не может себе такого позволить. – Ты хоть отдаешь себе отчет в том, что у этих отношений не может быть будущего?! – Она повернулась к Лайаму. У него были огромные зеленые

глаза, неправильные и одновременно прекрасные черты лица – идеальное сочетание для мужчины. Вылитый герой-любовник с экрана. С ним должна быть молоденькая красотка, а не женщина средних лет. Если он этого не понимает, то она – да. Она понимает это слишком хорошо.

– Почему, Саша? Ты женщина, я мужчина. Мы друг другу понравились, мы оба одиноки. У нас схожие интересы, мы оба живем искусством. Что тебе в этом не нравится? Что еще нужно?

– Да все! Я и выгляжу, и чувствую себя такой старой, будто тебе в матери гожусь. Ты дружишь с моим сыном. И потом – я теперь представляю твои интересы. Хватит для начала? А кроме того, ты все еще любишь свою жену. – Вчера, когда он рассказывал ей о Бет и ее сестре-искусительнице, она в этом ни на миг не усомнилась.

– Забудь про свой возраст. Для меня он не имеет значения. Это все ерунда! Дальше. Свою жену я больше не люблю. К тому же Бет мне больше не жена. Мы разводимся. Мы с тобой оба свободны, ничем не связаны, чертовски одиноки и давно уже совершеннолетние. Не вижу никаких препятствий. В чем проблема? – Лайам даже рассердился.

– Я все равно люблю своего мужа, – проговорила Саша, но на этот раз без слез на глазах. Немного подождав, Лайам нежно погладил ее по голове и сказал:

– Саша, никто не покушается на твою любовь, на твою память. Но его больше нет. Ты жива, а он умер. – В том, насколько много жизни в Саше, он вчера ночью убедился. – Ты имеешь право на счастье. Со мной или с другим мужчиной. Ты не можешь на всю оставшуюся жизнь запереться в четырех стенах.

– Могу! – Она повернулась к нему спиной, но осталась лежать. Заплакала, что ли? Этого он не видел, но обнял ее и притянул к себе.

– Саша, я понимаю, это звучит глупо. Я тебя едва знаю, но мне кажется, именно тебя я ждал всю жизнь.

– Не надо, Лайам, – как заклинание повторяла Саша, не поворачивая головы. – Мы слишком много выпили. Дело не в любви, а в спиртном. – Она еще старалась проигнорировать очевидное, но убедить его или себя не получалось.

– Неважно, в чем дело, но я не хочу тебя потерять. Не спеши с решением. Может, у нас все-таки есть шанс? – Лайам смотрел на нее с мольбой.

– И что тогда? – Она наконец повернулась к нему. – Куда это нас заведет? Тебе нужна женщина твоего возраста. Я старше тебя, у нас с тобой общее – только дела. Я консерватор по натуре, ты – возмутитель

спокойствия. Над нами весь Париж станет смеяться. – Особенно если он явится на какой-нибудь прием без носков и в расписной рубашке. Она солидный человек, с серьезной репутацией, чего не скажешь о Лайаме. Он именно тот, кем себя называет, – «шаловой художник». Вдобавок – друг Ксавье. Дети вообще придут в ужас, когда узнают. Да и сама она была в ужасе.

– Саша, мне не нужна женщина моего возраста. Мне нужна ты. – Он умолк на мгновение и вдруг спросил: – Ты меня стыдишься?

– Может, и так, – честно призналась она. – Но я не дам тебе возможности поставить меня в неловкое положение. Лайам, если бы я появилась с тобой в обществе, то выглядела бы стареющей искательницей приключений, изголодавшейся по сексу. У нас ничего не получится.

– Получится. Кое в чем ты абсолютно права. Ты в самом деле изголодалась по сексу, но никакая ты не искательница, тем более не стареющая.

– Дура, просто дура, – жалобно повторяла она, и Лайам поцеловал ее, желая приободрить. Веселиться Саша была не настроена, но не ответить на ласку было невозможно. Хоть она и решила прекратить в будущем всякие отношения с Лайамом, но мгновенно откликнулась на его прикосновение. Это было сильнее ее. Никогда в жизни Саша ничего подобного не испытывала, даже с Артуром, которого искренне любила столько лет. Но Артура больше нет. А Лайам – вот он, живой и... Она не успела опомниться, как тела их сплелись, и она с легким стоном кинулась с головой в омут страсти.

Когда они наконец насытились и, бездыханные, откинулись на подушки, на часах уже было без четверти десять.

– О боже! – ужаснулась Саша. – С минуты на минуту здесь будет Ксавье. Мы же с ним сегодня завтракаем.

Лайам рассмеялся.

– Тогда мне лучше сделать ноги. – Он поднялся и посмотрел на нее. – В жизни меня не влекло так ни к одной женщине. Когда можно будет вернуться?

– Никогда! – сурово отрезала Саша. – После завтрака я еду в аэропорт. Лайам, я говорю совершенно серьезно. – В голосе Саши была решимость, но убеждать ей надо было саму себя. Никогда в жизни Саша не испытывала такой растерянности и беспомощности. Она словно катила по «американским горкам», ведущим в пропасть. Ей представлялись картины одна ужаснее другой. Надо было брать судьбу в свои руки. – Я не допущу, чтобы это повторилось.

– Тогда ты действительно дура, – резюмировал Лайам. – А в это я не могу поверить. Вечером я тебе позвоню.

– Лайам, не надо. Я хочу с тобой работать. Ты потрясающий художник, тебя ждет большое будущее. Давай ограничимся этим. Не надо ставить все под угрозу.

– Ты хочешь сказать, что, если мы станем любовниками, ты меня представлять не будешь? Если так, то мне плевать на все ваши галереи и контракты! Ты для меня больше значишь! – с жаром воскликнул он.

– Ты сумасшедший, – произнесла Саша и села, уставясь на него в недоумении.

– Может быть. Родня мне это всю жизнь говорит. – Он уже натягивал одежду. Времени принимать душ не оставалось. Надо было исчезнуть до прихода Ксавье, иначе она его никогда не простит. – Тебе решать, Саша. – Он внимательно посмотрел на нее, словно искал ответа в ее глазах. Как же ему не хотелось уходить от нее! Эта ночь была лучшей в его жизни. В себе он был уверен – он влюблен, как мальчишка.

А Саша знала одно: она – взрослая женщина – потеряла голову. И ее надо было вернуть на место, причем быстро.

– Не звони мне, – сказала она, стараясь быть убедительной. Саша хотела, чтобы он воспринял ее слова всерьез. Этому безумию надо положить конец. А лучше было до него и не доводить. – Насчет работы я с тобой свяжусь.

– Одно к другому не относится, – резонно заметил Лайам, но Саша покачала головой. Он притянул ее к себе и запечатлел прощальный поцелуй. Саша стояла перед ним нагая и удивлялась, насколько ей с ним хорошо и легко. Один ужин, одна ночь – а ей уже кажется, что они знакомы всю жизнь.

– Ошибаешься! – В ее голосе звучало отчаяние. – Быть твоей любовницей и представлять твои интересы одновременно я не буду. – А еще она не будет немолодой подругой молодого мужчины. Никогда этого не признавала и не собирается изменять своим правилам.

Лайам поцеловал ее и молча вышел. Саша смотрела ему вслед. Да, так будет лучше. Никакого продолжения! Она твердо решила отныне соблюдать дистанцию. «Теперь, вот с этого момента, я его дилер, и ничего более». Она кинулась под душ, а когда вышла, раздался звонок. Саша испугалась, что вернулся Лайам, но звонил Ксавье – сказать, что выходит и будет через пять минут.

– Прекрасно, солнышко, – спокойно произнесла Саша, но руки у нее дрожали. – Я чуточку запоздаю. Встретимся в вестибюле через пятнадцать

минут.

– Ты уже всем позвонила, кому хотела? – Судя по голосу, у Ксавье было прекрасное настроение. Должно быть, вчера хорошо повеселился. При мысли о том, что бы подумал сын, узнай он, с кем она провела всю ночь, Саша содрогнулась. Она чувствовала себя старой развратницей.

– Позвонила? – не сразу поняла она. – Ах, ну да... Конечно. Конечно. Я только чуть-чуть опоздаю. Пока. – Она опустилась на кровать. Ее трясло. То, что она сделала, было чистой воды сумасшествием. И этому надо положить конец. Она разумный человек, а Лайам не более чем испорченный великовозрастный мальчишка. Это у него кредо такое – никогда не взростеть. Для пущей острастки она напомнила себе, что он еще и прелюбодействовал с сестрой собственной жены. Вряд ли это может говорить о его высоком моральном облике и благоразумии. Пускай у него и привлекательная внешность, но ведет он себя как безответственный мальчишка, да еще и гордится этим. И она себя так же повела. Надо ей быть благоразумной, раз уж Лайам на это не способен.

Саша побросала вещи в сумку, второпях оделась, причесала волосы и наложила косметику. И пятнадцатью минутами позже уже встречала в вестибюле сына, красивого и вполне довольного жизнью. Его походка и уверенный вид моментально напомнили ей о Лайаме. По образу жизни, отношению к действительности и поведению они были ровесники. Два юных хулигана.

– У тебя хорошее настроение, – заметил Ксавье. – Впервые вижу тебя с распущенными волосами. Тебе идет.

Саша в ужасе поняла, что забыла собрать в пучок волосы. В спешке она этого даже не заметила. И для Ксавье, и для нее самой это был верный знак: что-то не так. Раньше она распускала волосы только по особым случаям. Какой же сейчас особый случай?

– Спасибо за комплимент. Спешила очень.

– Ты должна чаще носить такую прическу. Как прошел ужин с Лайамом?

– Хорошо. Пожалуй, даже весело... Нет. Он немного странный, да? Явился без носков и шнурков на ботинках, в расписанной собственноручно рубашке... – Она надеялась, что если высмеет Лайама в глазах Ксавье, то и сама убедится, какой душой себя выставила. Но, произнося эти слова, Саша чувствовала себя предательницей.

– Он хороший парень. Послушай, мам, да среди твоих художников такие пугала попадают! – Ксавье пожал плечами, а Саша подумала: «Да, но я ни с кем из них не спала». Однако надо было признать, что никто и не

вызывал у нее таких чувств, как Лайам. Теперь она поняла: влечение возникло сразу, как она его увидела, хватило одного взгляда издали, через всю комнату. Саша поспешила себя одернуть. Она изо всех сил внушала себе, что заблуждается, фантазирует, но все было тщетно. Она ничего не придумывала. Все это было реальностью.

Они позавтракали в кафе в холле. Саша выпила чай и бездумно смотрела на блюдо с булочками. Кусок не лез в горло. Ей совсем не хотелось есть. Зато Ксавье постарался за двоих – он умирал с голоду.

Они примерно с час провели за ничего не значащим разговором, после чего Саша отбыла в аэропорт. Ксавье махал ей вслед рукой, а она думала, увидятся ли сегодня молодые повесы и что Лайам скажет Ксавье. Если он проболтается ее сыну, она его убьет. Но она почти не сомневалась, что этого не произойдет, представить себе, что Лайам может совершить такую подлость, было невозможно, он был всего лишь безответственным и инфантильным молодым человеком. Очень молодым. По возрасту он казался куда ближе к Ксавье, чем к ней. Саша запретила себе думать о Лайаме и стала перебирать свои бумаги.

Саша читала и не понимала ни одного слова. Она тупо уставилась на контракт, подписанный Лайамом вчера в ресторане. Ей захотелось изорвать контракт в клочья. Но она не может так с ним поступить. Вчера он отдал ей оба экземпляра, надо будет отослать ему его экземпляр по почте. Еще Лайам оставил ей номер своего мобильного телефона, но никакая сила на земле не заставит ее позвонить ему. Свой номер она ему не дала. Ни мобильный, ни домашний. У него был только номер галереи в Париже, и она молилась, чтобы он ей не позвонил. А если вдруг позвонит, она велит соединить его с кем-нибудь из сотрудников. С любимым. Главное – чтобы не говорить с ним самой. Саша не хотела слышать его голос, во всяком случае сейчас. И еще долго не захочет. Голос у Лайама низкий и безумно сексуальный, с мягкими интонациями, от которых все у нее внутри начинало трепетать. Она это сразу заметила. Теперь она почти любила этот голос, как любила в нем все – кроме его поведения. Не хватало только в ее возрасте связаться с чокнутым самозванным гением, который ведет себя как малолетний правонарушитель. Все, что она сегодня утром говорила, чистая правда. Если она в открытую заведет с ним роман, над ней станет потешаться весь Париж. И даже Нью-Йорк. А ей надо думать о репутации. Лайаму-то не о чем беспокоиться. Его не волнует ни собственное доброе имя, ни доброе имя Саши. И терять ему совершенно нечего. А ей есть что терять, и не только уважение детей, коллег и друзей. Саша целиком отдавала себе в этом отчет. Произошел нелепый инцидент, свидание на

одну ночь – как будто это было не с ней, – и она ни за что не допустит его повторения. Никогда в жизни. Самолет взмыл в небо, а Саша дала себе слово, что событие минувшей ночи останется в прошлом.

В свой парижский кабинет она вошла в четыре часа. В Лондоне сияло солнце, а вот в Париже лил дождь. Не сразу удалось найти такси, и она успела вымокнуть, прежде чем попала домой. После головокружительного английского приключения это было даже кстати – как ушат холодной воды.

– Господи, ну и видок у тебя! – посочувствовал Бернар, встретив ее в дверях. – Вымокла насквозь! Иди-ка ты, Саша, к себе и переоденься. Работа подождет.

– Сейчас пойду. Мне надо сделать несколько срочных звонков. И кстати... – Она улыбнулась, и Бернар удивился, что, несмотря на мокрые волосы и одежду, выглядит она намного лучше, чем все последние месяцы. У нее впервые был отдохнувший и счастливый вид. Судя по всему, поездка к сыну доставила ей удовольствие. – У меня сенсация – новый художник. Это лондонский приятель Ксавье. Он подписал контракт, надо ему будет отослать его экземпляр. Молодой американец. Работы потрясающие.

– Отлично. С интересом посмотрю.

Саша любила современное искусство больше, чем ее управляющий. Как и у Симона, у Бернара был более консервативный вкус. Но он уважал Шашино чутье на все новое в искусстве и на молодые таланты. Она безошибочно угадывала, что будет пользоваться спросом.

– Я ему пообещала начать с выставки в Нью-Йорке.

Бернар согласно кивнул, и они разошлись по кабинетам. Войдя к себе, Саша с удивлением обнаружила на столе огромный букет красных роз. К счастью, записку секретарша не открыла. Поскольку это были красные розы, Эжени поняла, что подарок очень личный, и оставила конверт запечатанным. И слава богу, вздохнула Саша, прочтя записку. Не хватало, чтобы сотрудники решили, будто у нее завелся тайный любовник. Ничего подобного! Она оступилась, ошибка уже исправлена, и кончим на этом.

В записке было следующее: «Это возможно! Я тебя люблю! Лайам». Саша изорвала ее в мелкие клочки и выбросила в корзину. Ей было неловко. Лайам наверняка выложил за цветы целое состояние, а она знала, как у него обстоят дела с финансами. Саша была тронута, ее мучило искушение ему позвонить, но она себя остановила. Она дала себе слово и должна его сдержать. Во что бы то ни стало!

Вместо того чтобы поблагодарить его за цветы по телефону, Саша написала вежливую записку в старомодном стиле. А точнее – в официальном, ведь они в некотором смысле деловые партнеры. Ни единого

теплого слова. Потом отдала ее секретарше вместе с экземпляром контракта и продиктовала адрес и номер телефона. Еще велела завести для Лайама Эллисона папку, теперь он тоже их художник.

– Красивые цветы, – сказала Эжени. То, что она услышала от Саши, вполне объясняло их появление. Цветы прислал новый художник – неплохой жест для нищего. Но, может, он и не нищий вовсе? В январе розы не дешевы. У Эжени в первый момент даже мелькнула мысль, не за-вела ли Саша кавалера, но, оказывается, нет. Всего лишь новый художник. И все равно Саша давно не выглядела такой счастливой. Со дня смерти Артура она ходила совершенно черная. И вот как будто ожила. Эта поездка в Лондон явно пошла ей на пользу.

В шесть часов Саша прошла на свою половину. Она заварила себе чай, приняла горячую ванну и постаралась выкинуть его из головы. Это оказалось нелегко. Вчера в это самое время они ужинали в ресторане. Еще труднее было забыть, что случилось потом в отеле.

Когда в полночь раздался звонок, Саша чуть не подскочила. Это оказалась Татьяна. Она нашла себе работу. Ее взяли в художественный отдел известного журнала мод, она будет отбирать фотографии и выполнять еще кое-какие задания. Она была в радостном возбуждении и, только выпалив все свои новости, поинтересовалась, как дела у Саши.

– Как Лондон? Хорошо съездила?

– Удачно. – Саша снова усилием воли заставила себя не думать о Лайаме. – Повидалась с Ксавье, с кучей художников.

– А как тебе его приятель?

– Какой приятель? – в ужасе переспросила Саша.

– Да ты вроде хотела познакомиться с кем-то из его друзей, работы посмотреть?

– Ах, с этим... – протянула Саша. – Все отлично. Мы заключили с ним контракт.

– Ого! Значит, классный художник? Повезло парню, хоть зарабатывать начнет.

– Он отличный художник. В будущем году устроим ему выставку в Нью-Йорке. – Она постаралась придать своему голосу деловитую интонацию.

– То-то обрадуется! – Татьяну без конца донимали молодые художники – просили, чтобы познакомила их с ее матерью. Ее это очень злило. Противно, что ее хотят использовать как связующее звено. Ксавье относился к этому куда легче. – Когда в Нью-Йорк собираешься?

– Не раньше чем через месяц. У меня тут дел накопилось. Если



хочешь, приезжай как-нибудь на выходные. – Саша и вправду схватилась за эту мысль как за соломинку.

– Терпеть не могу Париж в дождливую погоду. Сегодня говорила с одной приятельницей, она только что прилетела. Говорит, погода у вас там – хуже не придумаешь.

– Это правда, погода скверная, – подтвердила Саша. – Зато в Лондоне было солнечно.

– А у нас завтра снег обещают. Может, на выходные в горы поеду, покататься.

– Осторожнее там на дороге. Когда тебе приступать к работе? – Саша зевала. В Европе уже была ночь, а в Нью-Йорке – только шесть часов.

– Завтра. – Татьяна только что не пела от радости. Саша на мгновение позавидовала дочери. Ее жизнь только начинается. А Сашина уже близится к закату, такое у нее было чувство. Лучшие годы остались позади. Дети выросли. Артура нет. Ей нечего ждать от жизни, кроме работы. Да еще внуков, которых пока она даже и представить себе не могла. Она попрощалась с дочерью и легла спать. Саша долго ворочалась в постели и не могла выкинуть из головы Лайама. Какой жест с его стороны – прислать ей розы! И глупо. «Это возможно». Она-то знала, что это не так.

Спала Саша вполглаза, снился ей Лайам, она в страхе просыпалась и потом долго не могла заснуть. В девять утра она уже была у себя в кабинете. В Лондоне было еще только восемь. Интересно, чем сейчас занят Лайам? Была суббота, можно было побездельничать, но Саше необходимо было чем-то себя занять. Она получила несколько приглашений на эти выходные, но от всех отказалась. Погода была ужасная, и лучшее, что можно было придумать, – это занятие делами. Лайам все-таки позвонил. В четыре часа. Саша не стала подходить, она попросила дежурную сказать, что ее нет и что надо перезвонить в понедельник ее помощнику. А в понедельник утром она предупредит Бернара, чтобы он сам ответил на звонок из Лондона.

Галерея закрылась в шесть, а в семь часов Саша отправилась к себе. Она взяла с собой пачку журналов по искусству. Ужинать не хотелось, Саша приготовила себе чай и в который раз решила выкинуть этого Лайама из головы. Она наливала себе чай, когда в калитку позвонили. Звонок все звенел и звенел, и Саша поняла, что привратник уже ушел. Она прошла через двор к калитке, гадая, кто бы это мог быть.

Она заглянула в глазок, но никого не увидела, и кнопкой открыла одну створку калитки. Может, это посыльный? Саша распахнула пошире металлическую калитку и увидела вымокшего насквозь Лайама. На нем

был свитер, джинсы, а в руках – небольшая сумка. На ногах были старые ковбойские сапоги, а мокрые белокурые волосы висели прядями. Ни плаща, ни зонта. Саша уставилась на него, не веря своим глазам и плохо соображая, как он мог здесь оказаться. Потом она чуть отступила и впустила его во двор, под козырек.

– Ты мне не велела звонить из Лондона, – лучезарно улыбаясь, сказал он. – Вот я и не стал. Я позвонил тебе из Парижа. Как прилетел, так сразу и позвонил. А сейчас вот подумал, что тебе уже пора быть дома.

– Лайам, что ты тут делаешь? – Саша была не рассержена, а скорее изумлена и напугана. Она понимала, что ситуация вышла из-под ее контроля. И она не знала, что ей делать.

– Прилетел на тебя посмотреть. – Господи, ну что он за человек?! На него даже невозможно обидеться! – Со вчерашнего дня ни о чем не могу думать – только о тебе. Вот и придумал, почему бы не повидаться?! Я ужасно соскучился. – Она тоже соскучилась, но не могла позволить себе в этом признаться.

– Розы были прекрасные, – наконец сказала она.

– Были? Ты что, их выбросила? – огорчился он.

– Конечно, нет! Стоят у меня в кабинете. – Оба продолжали стоять под навесом. – Пришлось сказать секретарше, что букет прислал наш новый художник.

– Зачем тебе вообще нужно было ей что-то объяснять? Ты свободная женщина.

– Ни один человек не может быть свободным, Лайам. Я уж во всяком случае. У меня бизнес, дети, сотрудники, клиенты, свои обязательства и репутация. Я не могу вести себя как влюбленная девчонка. – Она скорее убеждала себя, чем его.

– Но почему? Кстати, чуть не забыл! Почему бы тебе для разнообразия не походить с распущенными волосами? Тебе бы пошло. – То же самое сказал ей сын вчера утром. Именно в этих выражениях. Но с Лайамом она по непонятной причине начинала чувствовать себя раскованно. Но об этом она вовсе не жалела. Саша не собиралась менять свою жизнь и вешаться на шею этому непутевому переростку. – Могу я пригласить тебя на ужин? – Эти слова вызвали в ее памяти жуткий вечер с графом де Сен-Маллори в безумно дорогом ресторане с последующим гадким предложением. До чего это все было мерзко! Да, тогда она чувствовала себя оскорбленной, так почему же сейчас готова немедленно согласиться и отправиться с Лайамом в любую дыру. Напыщенный, рафинированный сноб Гонзаг де Сен-Маллори и этот необузданный, непредсказуемый, безденежный

художник... Мысль о предложении одного была ей омерзительна, с другим она без колебаний (если уж быть честной!) легла в постель!

– Давай-ка ты лучше войдешь, и я тебе что-нибудь приготовлю поесть. Погода не располагает к посещению ресторанов. – Саша повела его по дорожке к дому. – Где ты остановился? – настороженно спросила она. Вот сейчас ответит: «У тебя», – придется его на порог не пускать.

– В общежитии художников в Маре, недалеко от площади Вогезов. Я, когда приезжал прошлым летом, там останавливался.

Саша кивнула и проводила его в гостиную. Дом был построен в XVIII веке, мебель тоже была старинная. А вот картины на стенах – только современные. Такое смешение стилей могло бы показаться вульгарным, но только не у Саши. Во всем чувствовался безупречный вкус хозяйки. В комнате был большой камин, облицованный белым мрамором. Свет давал высокий торшер, который Саша когда-то купила в Венеции. По всей комнате были расставлены высокие канделябры со свечами. Она их никогда не зажигала – слишком много возни. Они вошли в гостиную, миновали столовую и оказались на кухне, большой уютной комнате с деревенской мебелью, гигантским мраморным столом и картинами начинающих художников на стенах. Преобладали желтый и оранжевый цвета, что создавало иллюзию обильного солнечного света. Над столом висела большая венецианская люстра. Саша зажгла свет. Здесь было тепло и уютно. Когда был жив Артур, они сидели тут часами! В кухне они проводили больше времени, чем в гостиной. Здесь стояли обитые мягкой коричневой кожей кресла.

– Вот это да! Саша, как у тебя тут здорово! Кто все это обставил?

– Я. – Она улыбнулась. – У меня тут полная эклектика. В других помещениях дома обстановка более официальная. – Так же было и в галерее, и в том крыле, где когда-то жил ее отец. Антиквариат и живопись, которую собирал Симон, всегда отличались изысканностью. Но Саше было больше по душе ее жилье. И Лайаму тоже. Он почувствовал себя совершенно естественно – так, словно уже не раз бывал здесь.

Саша поставила на плиту суп, а пока предложила ему быстрый омлет. Лайам не стал отказываться – оказывается, он жутко проголодался. Не ел с самого обеда.

– Я могу приготовить спагетти, – предложил он. Саша подумала и согласилась. Пусть лучше займется делом. Вот она его накормит, отругает за то, что нагрязнул без приглашения, и отправит в общежитие. Чем он потом займется – ее не касается. И не будет касаться. Никогда!

Оба занялись готовкой и уже через полчаса сидели за столом и

оживленно спорили о двух художниках, которых представляла Сашина галерея. Лайам считал одного превосходным и многообещающим мастером, вполне заслужившим все те возможности, которые открывала ему Саша; зато второго он назвал полной бездарью, которой она может только стыдиться. По мнению Лайама, картины его были не чем иным, как подражательством, поверхностным, пустым и претенциозным.

– Я его на дух не выношу. Полный кретин! – По большинству вопросов суждения Лайама были весьма категоричны.

– Да, это точно, – согласилась Саша. Она тоже его недолюбливала. – Но его работы идут нарасхват. И музеи его любят.

– Да они просто лизут ему задницу, потому что у него богатая жена. – Тут Лайам бросил быстрый взгляд на Сашу и хмыкнул: – Вот станем вместе жить, и про меня так начнут говорить. – Он так это произнес, что Саша вся напряглась.

– Не переживай, не станем. Этой проблемы у тебя не будет. – Она произнесла это с грустью. – Есть еще одна причина, почему нам не стоит этого делать.

– Хочу обратить твое внимание, – сказал вдруг Лайам и стянул с одной ноги мокрый сапог. Ничего примечательного она не увидела. Но тут же поняла: на нем были белые спортивные носки. Лайам с гордостью покачал ногой. – Видала? Носки! Это я для тебя надел. В аэропорту купил. – В сапогах носки были не видны, но, как ребенок, жаждущий угодить маме, он хотел, чтобы она увидела и похвалила его.

– Лайам, ты умница, – смеясь, проговорила Саша. И все равно она была тронута. Было видно, что он хотел сделать ей приятное, заслужить похвалу. Но чтобы повзрослеть, одних носков мало, а взросление ему как раз не грозит. Все в его облике говорило за то, что он мальчишка и «шаловой художник». И что, как он с гордостью утверждал, никому его не обуздать. Это уже пробовали сделать и его отец, и братья, и он их всех послал. А Саша и не рвалась его перевоспитывать. Она хотела, чтобы он сам себя обуздал и стал наконец взрослым. Взять хотя бы его появление в Париже. Сильный ход! Но опять-таки сумасбродный и импульсивный. Он не прислушался к тому, о чем она просила, – держаться от нее подальше и забыть о том безумстве, какое они совершили в Лондоне.

– А чем ты сегодня собиралась заниматься? – поинтересовался Лайам, когда с ужином было покончено. Причем оба они получили от него удовольствие.

– Да ничем. Почитать. Лечь спать. Я редко куда-то выбираюсь по вечерам.

– А что так? Тебя же, наверное, приглашают на все эти деловые и не очень тусовки. – Он нахмурился.

– Причины очевидны. Тоска. Одиночество. Когда я куда-то иду одна, я стремительно впадаю в депрессию. Все время чувствую себя лишней. Или единственной тварью без пары, по ошибке забредшей на Ноев ковчег. Друзья начинают меня жалеть, это угнетает еще больше. Я выхожу в свет только по необходимости, с клиентами.

– Ты должна делать это чаще, – убежденно сказал Лайам, как если бы она спрашивала его совета. – Нужно больше радоваться жизни. Нельзя все время сидеть в пустом доме, читать и слушать, как стучит дождь. Господи, да если бы я так жил, я бы давно повесился. – Саша не стала говорить, что порой ее и тянет повеситься, и не раз после кончины Артура она подумывала об этом всерьез. Единственное, что ее останавливало, – это мысль о детях. Если бы не они, ее, возможно, уже давно не было бы на свете. Интуитивно Лайам это почувствовал. И не стал ее винить, ведь она жила такой уединенной, такой одинокой жизнью. У нее осталась только ее галерея. Да редкие встречи с детьми. – Завтра поведу тебя в кино. В Париже показывают самурайские фильмы? – деловито осведомился он, помогая ей убирать со стола. Саша рассмеялась.

– Понятия не имею. Ни разу не видела. – Он ее забавляет, это точно. Ей вдруг бывает с ним так весело, как не было уже много лет. А может быть, и вообще никогда.

– Обязательно надо посмотреть! Классное кино. Очень полезно для души. Можно даже субтитров не читать, только слушать звуковой ряд. Они рубят друг друга в капусту и при этом издают потрясающие звуки. Отличное психологическое упражнение. Ксавье, кстати, их обожает.

– Он мне никогда не говорил, – улыбнулась она.

– Стесняется небось. Строит из себя высокоинтеллектуальную натуру. А самурайские фильмы не для интеллектуалов. А те, на которые он обычно ходит, я на дух не выношу. Я на них всегда засыпаю.

– Я тоже. – Саша рассмеялась. – Он любит эти жуткие польские и чешские фильмы, которым, кажется, нет конца. Я с ним в кино не хожу.

– Вот и прекрасно. Зато со мной сходишь. Могу на мелодраму сводить. Когда ты вообще в последний раз была в кино?

Саша задумалась и вдруг поняла, что ответ на этот вопрос ничем не будет отличаться от всего, что относится к ее жизни.

– Еще при Артуре.

Лайам кивнул, но ничего не сказал и взглянул на морозильник. У нее был современный американский холодильник и морозильная камера,

большая редкость в Париже. Артур настоял на этом, еще когда они занимались переустройством дома. Просторные ваннные комнаты на американский манер – тоже была идея Артура, эту роскошь мало кто из парижан себе позволял.

– У тебя случайно мороженого нет? – неожиданно спросил Лайам. – У меня к нему болезненное пристрастие.

Саша подумала, что это далеко не худший вариант. Куда хуже, к примеру, иметь болезненное пристрастие к самому Лайаму. А к вину за столом Лайам, как ни странно, даже не притронулся.

– Вообще-то... – Она открыла морозильник и заглянула внутрь. Один лед. Десертов или мороженого Саша не ела. Да и в холодильнике всегда имелось только то, что оставляла домработница. Обычно это был какой-нибудь салат, овощи, суп, иногда мясные деликатесы, сыр, курица. Саша мало ела. А у Лайама был аппетит здорового сильного мужчины. – Мороженого нет, ты уж извини. Я вообще не помню, чтобы когда-нибудь покупала или ела мороженое.

– Серьезная проблема. – Лайам выглядел озабоченным. – Это может осложнить наши безмятежные отношения, – сказал он с самым невинным видом.

– В другой раз буду знать, – пообещала Саша, как будто этот другой раз мог наступить. И вдруг ей пришла в голову одна неожиданная мысль. В этом месте она не была много лет, еще с тех пор, как дети были маленькими. А теперь в ее жизни появился еще один ребенок, Лайам. – Одевайся. Хочу свозить тебя кое-куда, – с воодушевлением сказала она. Возражать явно не имело смысла.

– Куда именно? – заинтересовался Лайам. Но Саша не слушала, она уже надевала плащ и брала сумку. Она так и не успела переодеться – была в черном деловом костюме. В следующую минуту они уже были на улице. Саша направилась в гараж к крошечному «Рено». Лайаму пришлось изрядно изогнуться, чтобы поместиться на сиденье. Его длинным ногам не хватало пространства, зато для Саши это был идеальный вариант.

Она повезла его на остров Сент-Луи, нашла место, куда поставить машину, и взяла Лайама под руку, и под одним зонтом они зашагали по тротуару. Остановились перед старинным кафе с вывеской «Бертильон». Саша окинула Лайама внимательным взглядом и торжественно объявила: «Здесь лучшее мороженое в Париже». Она объяснила, что приезжала сюда с детьми, когда дети были маленькими. Лайам, радуясь, как ребенок, взял себе грушевое, абрикосовое и лимонное в сахарном рожке, а домой они купили три внушительных лотка шоколадного, ванильного и кофейного.

Себе Саша тоже взяла один шарик кокосового. По дороге к машине они весело болтали. На обратном пути Саша сделала небольшой крюк и прокатила его по городу, хотя Лайам и утверждал, что отлично знает Париж. Но места, где они проезжали, были ему незнакомы. Потом они заехали в легендарное «Кафе де Флор». Это было одно из старейших заведений в городе, известное по многим литературным воспоминаниям самых знаменитых людей мира. Обратно к стоянке они шли мимо столь же широкоизвестного «Де Маго», а домой попали уже в одиннадцатом часу. Лайам снова наслаждался мороженым. Они расположились в гостиной и зажгли свечи. Этот совершенно особенный вечер вдвоем был чудесен. А если бы она была одна... Поездка в «Бертильон» обернулась бы очередным приступом тоски, кружить в одиночку по городу было бы глупо, а за чашкой кофе в «Кафе де Флор» она сидела бы с унылым видом. Но с Лайамом все представало в другом свете, она забылась и увлеклась. Они разговаривали, спорили о политике, говорили об искусстве, обменивались мнениями, смеялись над его рассказами и шутками, и благодаря его неистощимому оптимизму и юмору Сашина грусть улетучилась. Не хотелось думать о том, что скоро наступит другой день и все больные вопросы встанут перед ней с новой силой. А сейчас ей хорошо с Лайамом – говорить, слушать его, смеяться вместе с ним. Конечно, он большой ребенок, но он умен, наблюдателен, ироничен. Они проговорили до часу ночи.

Тогда Лайам спросил разрешения позвонить от нее в общежитие. Он собирался это сделать еще из аэропорта, но упустил момент, а потом попросту забыл. Через пару минут он вернулся со смущенным видом.

– Вот дурак! – проворчал он. За весь вечер он даже не пытался ее поцеловать, и Саша была ему за это благодарна. Одно такое поползновение – и она выставила бы его за дверь. Она дала себе слово, что сделает это, пока ситуация опять не вышла из-под контроля.

– Что случилось? – Она ходила по комнате и гасила свечи. Сейчас он уйдет. Вечер прошел замечательно, ей было с ним легко. Если бы ей удалось победить это непреодолимое влечение, все было бы прекрасно.

– Да поздно я спохватился. Мест нет. Ладно, отель поищу. – Лайам вопросительно смотрел на нее, и Саша вдруг встревожилась.

– Хочешь спросить, оставлю ли я тебя переночевать? – в упор глядя на него, спросила Саша. Интересно, это такая уловка или общежитие в Маре в самом деле полно постояльцев? Но вид у Лайама был непритворно смущенный. Господи, до чего же он легкомыслен! Хотя чему же удивляться – он ей сам говорил, что, с тех пор как он женился, все проблемы за него

решала Бет. Пока не ушла. Сейчас, без няньки, ему приходится трудновато, ну что ж – придется набираться собственного опыта.

– Я не хотел тебя просить, – честно признался Лайам. – Чтобы не ставить в неловкое положение. Могу и в аэропорту переночевать. Или на вокзале. Не впервой, ничего со мной не случится.

– Вот глупости! – возразила Саша со вздохом. – Можешь переночевать в комнате Ксавье. Но имей в виду, Лайам: я с тобой спать не стану. Я не хочу превращать свою жизнь в кавардак. Да и твою тоже. Если мы станем продолжать, все еще больше запутается.

Он что-то не мог припомнить, чтобы накануне все как-то запуталось, но спорить не стал и лишь кивнул.

– Я буду себя хорошо вести. Обещаю. – Лайам отлично понимал всю сложность ситуации. В этом доме Саша жила с мужем и детьми. Этот дом не чистый лист бумаги, как номер в отеле. Он не хотел ее расстраивать или пугать, а если он приблизится к ней здесь – в ее доме, то так и будет.

Саша повела его в комнату сына на второй этаж, Лайам послушно следовал за ней. Комната Ксавье находилась точно над Сашиной. Симпатичная молодежная комната, оформленная просто, в темно-синих тонах, на стене – картина с изображением женщины с мальчиком, мамин подарок на какое-то Рождество. Ксавье эту картину любил и так и оставил висеть в качестве напоминания о счастливых детских годах. Большие овальные окна выходили в сад. Саша коротко поцеловала Лайама в щеку и пожелала спокойной ночи. Его волновала мысль, что Саша здесь совсем рядом, но он не хотел ее пугать. Если надо, он готов ждать. Лайам лежал в постели и думал о ней. То же самое происходило и с Сашей. Тысячу раз он собирался встать и бежать к ней, но всякий раз удерживал себя. Они увиделись только утром за завтраком.

Саша поджарила ему яичницу с беконом, и они стали обсуждать, чем заняться. Поскольку Лайам вел себя прилично и не нарушал уговора, у Саши не было оснований его выпроваживать. За окном было по-прежнему пасмурно, но дождя не было, и они решили прогуляться по набережным Сены. Они смотрели на снующие по Сене речные трамвайчики, Саша показывала ему милые ее сердцу уголки города, Лайам купил книгу по искусству и торжественно презентовал ее Саше. Потом они купили в киоске блинчики и жевали их на ходу, проходя мимо витрин череды зоомагазинов и потешаясь над забавной живностью за стеклом. Лайам непременно хотел зайти внутрь, но Саша его удержала. Лайам принялся рассказывать ей, какая у него в детстве была собака и как он ее любил. Пес умер в один год с его матерью. Потом он смешил Сашу своими историями.



Она расспрашивала о его детях, а сама рассказывала о своих. И опять ощущение легкости и радости жизни не оставляло Сашу. Их откровенность была естественной, их расположение – искренним. И любовь, которая хоть и оставалась невысказанной, все больше овладевала обоими, как бы Саша ни сопротивлялась. Лайам с каждой минутой становился все ближе. Он доверял ей себя и сам был готов ее слушать и понимать. Он заполнил ее одиночество, вошел в ее жизнь, завладел ее мыслями и вниманием.

Они стояли в последнем из зоомагазинов на набережной, когда его взгляд упал на корзинку, где свернулся калачиком крошечный кокер-спаниель. Продавец сказал, что это самый маленький щенок из помета, а Саша заметила, что более грустных глаз она в жизни не видала.

– Надо тебе собаку завести, – объявил вдруг Лайам. – Будет с кем словом перемолвиться. – Он и сам об этом не раз думал, но ему было бы сложно содержать собаку, с его-то образом жизни.

– Я слишком много езжу. Придется либо оставлять ее тут на чужих руках, либо таскать с собой по самолетам, а это неправильно.

– Но ты же летаешь. Почему собака не может?

– Я не держала собак с тех пор, как дети выросли. Слишком много хлопот, – со свойственной ей рассудительностью заметила Саша. – Будет писать в галерее, и Бернар меня убьет. И Карен в Нью-Йорке тоже.

– Это ты должна решать, а не кто-то еще.

Но Саша привыкла считаться с мнением окружающих. И с Лайамом вот то же самое – Саша опасалась того, как отнесутся и что скажут ее коллеги и друзья, если она заведет роман с Лайамом. Он – человек другого круга и к тому же моложе ее!

Они взяли щенка из корзинки, и на руках у Лайама тот моментально ожил. Саша стояла и смотрела, как собачка лижет его в лицо. Щенок был черный с крошечным белым пятнышком на голове. Лапы черные, с белыми «носочками». Лайам радостно сказал, что в детстве у него тоже был кокер-спаниель.

– Может, сам его и купишь? И домой отвезешь? – предложила Саша. Лайам определенно был очарован щенком и вернул его с большой неохотой. Малыш жалобно заскулил, а когда они стали выходить из магазина, тихонько тявкнул им вслед. Лайам обернулся и бросил грустный взгляд на щенка.

– В Англию я его взять не могу, – объяснил он, словно извиняясь. – У этих англичан все очень сложно. Они, правда, немного смягчили карантинные порядки, но все равно там столько требуется бумаг – все ноги стопчешь. К тому же, – добавил он с озорной улыбкой, – я слишком

безответственный, чтобы иметь собаку. Когда я работаю, обо всем забываю. Прежде чем завести собаку, мне надо снова жениться.

– Вот так признание! – ахнула Саша. Ее опасения подтверждались, но они ее больше не пугали. Это была просто констатация факта. Он был очаровательный, но безответственный мальчишка. И знал это, как, впрочем, и она.

Ближе к вечеру Саша отвезла Лайама в аэропорт. Прежде чем выйти из машины, он долго молча смотрел на нее.

– Я прекрасно провел с тобой выходные, – наконец тихо проговорил он. Любовью они не занимались. Никаких безумств не совершали. Просто были вместе, гуляли, разговаривали, ели мороженое, делились воспоминаниями, сидели в кафе. Именно этого ей так не хватало. И все это разительно отличалось от всего, что у нее когда-то было в жизни. Они с Артуром вели абсолютно взрослую серьезную жизнь, жизнь ответственных друг за друга людей, занимающихся делом. С Лайамом она чувствовала себя и моложе, и раскованней. Это был наполовину мужчина, наполовину мальчик, если бы она позволила – то и любовник, а временами он пробуждал в ней материнские чувства.

– Мне тоже было хорошо, – улыбнулась она в ответ. – Спасибо за сюрприз. Если бы ты сначала позвонил и спросил разрешения прилететь, я бы запретила тебе это делать.

– Именно поэтому я и не стал спрашивать, – проговорил Лайам, нагнувшись к ней и поцеловал. Саша была признательна Лайаму за его выдержку. Но сейчас, когда он ее целовал, в ней вдруг оживило все, что она почувствовала к нему в Лондоне. Если бы Лайам поцеловал ее так чуть раньше, она не смогла бы устоять. А уж он – и подавно. Они долго сидели обнявшись и целовались, а потом, отстранившись, так же долго смотрели друг на друга. Саша в глубине души жалела, что они расстаются, но иначе и быть не могло. На этот раз ей не за что было его укорять. – Я хочу снова приехать к тебе, – сказал он. – Ты мне позволишь, Саша?

– Посмотрим. Мне надо подумать. Кто знает, не будет ли это называться «искушать судьбу»? И не будем ли мы себя обманывать, надеясь, что не переступим черту? Должна признаться, против тебя трудно устоять. – Лайам поцеловал ее опять и лишь подтвердил ее слова. Сашу пронзило нахлынувшее желание. Ей сейчас хотелось одного: немедленно отвезти Лайама обратно – к себе домой. Но она сдержалась. Этого делать нельзя! Саша первой вышла из машины и рассмеялась, видя, как он неловко перебирает ногами, чтобы выбраться.

– Господи, ты же владеешь такой галереей! Может, с моих

комиссионных наконец купишь себе приличную машину? Так недолго и позвоночник повредить. Может, тебе аванс выплатить?

Лайам наконец ступил на тротуар и потянулся. На нем опять были его ковбойские сапоги, джинсы, ирландский свитер крупной вязки и бейсболка, подаренная сыном. Высокий, мужественный и вызывающе молодой. Все в нем ей нравилось, а больше всего – это мальчишество, которого она одновременно так боялась.

Они направились к зданию аэропорта, нашли нужную стойку. Саша в молчании проводила его на посадку. В эти минуты Саша страстно желала, чтобы он никуда не улетел, а остался. И одновременно – так же сильно – она хотела, чтобы он улетел и больше никогда не возвращался. И оба этих желания с одинаковой силой боролись в ней, не уступая одно другому.

– Я буду скучать, – тихо проговорил он.

– Я тоже. – Она говорила искренне. Она всегда была с ним честна.

Лайам снова поцеловал ее, долго и жадно.

– Иди... опоздаешь... – прошептала она совершенно обессиленная. Лайам побежал, обернулся в последний раз, улыбнулся, помахал и вошел в автобус. На борт самолета Лайам поднялся последним.

Лайам занял свое место, погруженный в мысли о Саше. Какая она разная – резкая и нежная, беззащитная и сильная. Серьезная и печальная, когда говорит о родителях или о покойном муже. А то вдруг смешливая и озорная, совсем как девчонка, когда заходит речь о ее художниках, о детях, о ее взглядах на жизнь. Сашины требования к жизни были просты и непритязательны. Сложности начинались там, где дело касалось ее строгих принципов поведения в обществе и впечатления, какое она хотела оставить у окружающих. То она неприступная дама и чопорная леди, а в следующий миг уже капризная и легкомысленная. От Ксавье он знал, что она прекрасная мать, а сам уже убедился, что и прекрасный друг тоже. Ответственная, порядочная, талантливая, блестящий специалист в своей области – и в то же время маленькая одинокая женщина, нуждающаяся в любви и заботе. И как бы она ни вознамерилась с ним бороться, Лайам хотел стать тем, кто даст ей эту заботу и любовь. Сколько бы времени на это ни ушло!

## Глава 7

На другое утро в своем кабинете Саша была тиха и задумчива. Она долго сидела за столом, смотрела на бумаги, разложенные перед ней, и словно их не видела. Она думала о Лайаме, о том, какие это были счастливые выходные, и одновременно о том, как глупо было вообще позволять себе быть с ним. Она ни на миг не сомневалась, что, если так и дальше будет продолжаться, кому-то придется испытать новые страдания. И скорее всего – ей. А может, и ему. Но она рисковала больше.

Саша в задумчивости смотрела в окно, когда вошла Эжени.

– Саша, – неуверенно начала она, – тебе посылка. Не знаю, как с ней поступить.

«Скорее всего, это картины от кого-то из художников», – решила Саша. Те из них, кто жил в Европе, всегда присылали свои работы в Париж, а отсюда она уже отправляла их в Нью-Йорк, если выставлять предстояло там.

– Положи туда же, где все работы, присланные на прошлой неделе, – рассеянно проговорила Саша. – Первого февраля все отправим в Нью-Йорк. Только сверь со списком, вдруг это что-то для местной экспозиции.

– Мне кажется, отправлять в Нью-Йорк ее точно не стоит, – смутилась Эжени. Иногда Саша ее пугала, особенно в последнее время. А как она отнесется к этой посылке, вообще трудно было сказать.

– Ради бога, Эжени, оставь эту таинственность! Что в посылке?

– Принести?

– Если она не распакована, то не надо. Я не хочу превращать свой кабинет в подсобку. Сначала вскрой упаковку в экспедиции. Я потом посмотрю. – Эжени продолжала стоять со смущенным видом. Саша начинала не на шутку сердиться. – Хорошо, неси. Потом уборщицу позовем. – Было видно, что секретарша считает необходимым вручить посылку Саше в руки, и та уже начинала подозревать подвох.

Эжени стремительно вышла и через минуту вернулась. В руках она держала корзинку, а Саша смотрела на нее со все возрастающим недоумением. Ну конечно же! Это был тот самый щенок, с которым они с Лайамом вчера играли в зоомагазине на набережной. Малыш был до смерти напуган, и Эжени – не меньше. Она боялась Сашиной реакции. Но, к ее большому облегчению, на ошеломленном лице хозяйки медленно расплывалась улыбка.

– О господи... И что мне с ним делать? – Сашу переполняли эмоции.

– Посыльный из зоомагазина сказал, ты догадаешься, от кого подарок, – неуверенно проговорила Эжени.

– Да, догадываюсь. От Лайама Эллисона, нашего нового художника. – Какой смысл скрывать это от Эжени? Рано или поздно она все равно прознает. Главное, чтобы не догадалась об остальном. Эжени подошла к Саше и вручила ей щенка. Тот сразу же принялся энергично облизывать Сашу, как вчера – Лайама. – Господи... Даже не верится... – Она подержала щенка, потом аккуратно спустила на пол. Через минуту пес оставил на ковре лужицу. – Ерунда какая, – сказала Саша, счастливо улыбаясь, а Эжени облегченно вздохнула, видя, что хозяйка в хорошем настроении.

– Какой симпатяга! – тоже улыбнулась она, а щенок стал бегать по кабинету и с интересом все обнюхивать. И каждые несколько секунд подбегал к Саше. Саша внимательно изучала его черные лапы с белыми «носочками». – А как его зовут?

Саша немного подумала и улыбнулась.

– Назовем его Сокс<sup>[2]</sup>. – Она помнила, в какой восторг привели Лайама эти белые «носочки». – А еду для него не привезли? – Она понятия не имела, чем кормить щенка.

– Посыльный сказал, он привез все, что может вам понадобиться. Даже корзинка, если захотите взять его с собой в Нью-Йорк. Даже попонка и ошейник с поводком в тон.

Саша была изумлена. Вот тебе и шалопай Лайам! Он, оказывается, все продумал. Саша знала, как у него туго с деньгами, и была особенно тронута этой расточительностью. Щенок был не из дешевых, не говоря уже об аксессуарах и корме. Какой же он щедрый! Подарить ей щенка! Это был жест от чистого сердца. Сумасброд, мальчишка! Но он неотразим! Дождавшись, когда Эжени удалится, Саша сняла трубку. Лайама она застала в студии, он ответил по мобильному.

– Поверить не могу, что ты это сделал. Сумасшедший! И потом, Лайам, ты же потратил кучу денег! И что мне теперь с ним делать?

– Должен же кто-то составить тебе компанию. По крайней мере, пока я в Лондоне. Он себя хорошо ведет? – Замечание про деньги он оставил без ответа. Это ее не касается. Ему хочется ее баловать, она это заслужила.

– Он прелесть. Лайам, меня никто никогда так не радовал.

– Приятно слышать. – Он был доволен. Он опасался, что она станет сердиться, и теперь был рад услышать обратное. Но Саша еще не пришла в себя от потрясения. – Как назовешь малыша? – спросил Лайам.

– Сокс, – торжественно объявила Саша, и Лайам расхохотался.

– Отлично. Пусть носит носки за нас двоих. Теперь я буду от них навсегда избавлен! – Он хорошо помнил, как выглядит щенок.

– Ты сумасшедший! И поступки твои безумные. Ну вот что ты опять выкинул? Кто так поступает?

– Вот и хорошо, что безумные. Тебя надо чуточку встряхнуть. Тебе нужны сюрпризы. И поменьше правил.

Сокс с интересом оглядывал хозяйку, потом задрал лапку и снова налил на ковер. Саше стало ясно, что отныне все правила отменяются вовсе. Для Лайама, для щенка, для нее самой. Псу всего два месяца от роду, и его не скоро приучишь проситься. Все ковры в доме придется убрать.

– Лайам, твой сюрприз удался на славу. Во всяком случае, тебе удалось меня поразить. Никак не приду в себя. Но щенок такой трогательный! Как бы то ни было, спасибо тебе!

– Я тут подумал... Что, если я его в выходные навещу? Только не надо нервничать. Я не тебя навещать собрался. Только щенка.

Саша молчала. Она понимала, что Лайам, конечно, прислал щенка не для того, чтобы ею манипулировать. Он слышал тишину ее дома, он чувствовал ее грусть и хотел как-то расшевелить ее, полагая, что щенок может скрасить ее жизнь. А если она ему позволит, он готов сделать то же самое.

– Не знаю, – наконец ответила Саша. – Лайам, мне страшно. Если у нас что-то завяжется, ничем хорошим это не кончится. Я абсолютно уверена, что в конечном счете мы оба пожалеем. – Особенно она, если Лайам очень скоро найдет себе кого-то помоложе, а она будет без памяти в него влюблена. Она так и видела его в обществе двадцатилетней, тридцатилетней, но уж никак не пятидесятилетней женщины.

– Совершенно необязательно. Саша, ну что тебе дался мой возраст?!

– Дело не только в возрасте. Дело во всем. Я представляю твои коммерческие интересы. Если наши личные отношения сложатся неудачно, это неизбежно отразится и на деловых. Ты не разведен. В любой момент можешь вернуться к своей жене. Я тебя на девять лет старше, ты должен общаться с женщинами вдвое меня моложе. Ты хочешь быть «шальным художником», а моя жизнь консервативна и упорядоченна, ты от нее с ума сойдешь. – В последнее время она и сама все больше скучала. Кроме того, где бы она с ним ни появилась, она не будет чувствовать себя спокойно, опасаясь, что он выкинет какой-нибудь номер. Но этого она ему не сказала. – Нет ни одного разумного довода в пользу наших отношений.

– А разве для любви нужны разумные доводы? – В его голосе слышалось отчаяние. Саша перечислила все свои сомнения, как пункты

контракта, побуждающие воздержаться от его заключения. Но так была устроена ее жизнь, она к этому привыкла.

– Нужны. Отношения между мужчиной и женщиной сложны и без того, чтобы в них участвовали двое абсолютно разных людей. У нас различный круг общения, мы живем в разных городах... А кроме того, никакая это не любовь, это физическое влечение. Стоит тебе появиться – и на меня что-то накатывает, я просто теряю голову.

– В эти выходные ты не теряла голову, – напомнил он. – А жаль! Мне показалось, что мы вели себя очень прилично.

– И как долго, ты считаешь, это может продолжаться?

– Надеюсь, что совсем недолго, – рассмеялся он, и Саша улыбнулась. Щенок продолжал резвиться у ее ног. – Я, как вернулся в Лондон, всю ночь под холодным душем простоял. Остужал страсти.

– Именно об этом я и говорю. Если мы будем общаться, рано или поздно один из нас, а скорее мы оба потеряем голову и сделаем то, о чем потом будем жалеть. – Саша чувствовала к нему такое влечение, что достаточно было поднести спичку, чтобы любовный пожар сжег ее.

– Что же нам теперь делать? – Лайам был обескуражен. Ее невозможно убедить! Она такая же упрямая, как и он.

– Я стану твоим дилером, заметь, я успешный и опытный специалист. А ты будешь себя хорошо вести.

– Ненавижу, когда мне диктуют, что делать. И ты прекрасно это знаешь! Я не маленький! – возмутился он.

– Иногда нет другого выхода, как поступать по правилам, – терпеливо втолковывала ему Саша. – Конечно, творить, что в голову взбредет, куда интереснее. Но людям обычно это не нравится, они даже иногда обижаются. – Она тактично не стала напоминать ему об истории с сестрой жены, стоившей ему брака.

– Саша, я хочу тебя видеть, – с жаром произнес Лайам. – В выходные я буду в Париже. – Он немного подумал и добавил: – Мне надо повидать щенка. Я его папаша как-никак.

– Ничего подобного! – заупрямилась Саша. – Папаши у него нет, но ничего не поделаешь, придется ему расти безотцовщиной. Если хочешь, можешь стать ему крестным.

– Ну ладно, ладно. Пусть будет моим крестником. Приеду в Париж навестить вас обоих.

– Я тебя в дом не впущу, – твердо заявила Саша.

– Но почему? Чем ты так занята, что не можешь уделить мне время?! Ради бога, Саша, дай себе немного пожить! Ты это заслужила. Я, кстати,

тоже.

– Нет, ты не заслужил. И я тоже. Мы не заслужили того, чтобы выставять себя дураками. Или меня одну. Ты не пойдешь на поводу у своей прихоти. Я тебе не позволю. – Она говорила горячо и искренне. Ставки для нее были чересчур высоки. Это Лайаму терять было нечего – разве что сердце.

– Это нечестно! – обиделся он.

– Честно! Очень даже честно. Я почти на десять лет тебя старше, к тому же ты и ведешь себя как мальчишка – хочешь делать только то, что тебе нравится. Ответственность, порядок, обязанности – это слова не из твоего лексикона. И ты не захочешь, а возможно, и не сможешь подладиться под мою жизнь. Тебе хочется порезвиться, от души развлечься, покуролесить. Если ты и дальше будешь вести такую жизнь, Лайам, то мою жизнь ты поставишь под удар. Я этого не допущу.

– Я же хорошо себя вел в ресторане! – шутливо оскорбился Лайам. И проворчал: – Если не считать носков и рубашки. Если бы я знал, что для тебя это так важно, я бы купил сорочку и носки. Вот ты чему придаешь значение... С ума можно сойти! – Он почти кричал.

– Дело не в носках и не в сорочке. Дело в том, какой ты и какой образ жизни ведешь. Ты все время твердишь, что никто тебе не указ. Ты хочешь быть вольной птицей, Лайам, и это твое право. Но со мной так не получится. Мы с тобой оба знаем, что, если тебе что-нибудь придет в голову, ты станешь вытворять такое... По-твоему, это смешно? А по-моему – нет. И нравится тебе это или нет, я тебя намного старше. Ну подумай: ты же дружишь с моим сыном! Ему двадцать пять. А мне – сорок восемь. Твое поведение и правила, которые ты для себя установил, уместны для двадцатипятилетних, но не для солидных людей. Ради искусства и свободы ты отказываешься взрослеть.

– Мне тридцать девять, – жалобно произнес он. – Я ближе по возрасту к тебе, чем к Ксавье.

– Но вести себя сообразно своим годам ты не желаешь. Вот в чем проблема. Если бы мне нужен был ребенок, я бы тебя усыновила. Но это не те отношения, которые меня могут привлекать! – Саша повысила голос.

– А какие тебя могут привлекать отношения? Я думал, в прошлую пятницу мы прекрасно друг друга поняли. И в выходные все было замечательно. Я не хочу только спать с тобой. Мне нравится быть, жить с тобой.

– Мне тоже. Но такую роскошь я себе позволить не могу.

– Ты самая упрямая женщина из всех, кого я знаю. Хочешь ты или нет,



а в пятницу я приеду. Можем продолжить наш спор.

– Я не хочу тебя видеть, – оборвала Лайама Саша, чувствуя, как ее охватывает паника. Ее влечение к этому мужчине было сильнее ее.

– Хорошо. А я тебя – хочу. Ну, хоть еще разочек, чтобы обсудить наши проблемы с глазу на глаз. Я не могу говорить о таких вещах по телефону.

– Обсуждать нечего. Лайам, это невозможно. Надо с этим смириться. Другого выхода нет.

– Это ты делаешь все невозможным! Ты хочешь, чтобы наши отношения были невозможными – и вот результат. – Он был невероятно огорчен.

– Давай на этом и успокоимся.

– В жизни не слышал ничего нелепее.

– Иногда правильное решение кажется нелепым. Но в данном случае мы именно так и должны поступить. – Саша не стала напоминать, что, если бы он повел себя правильно с Бекки, жена бы не ушла от него, забрав детей. Но Лайам пошел на поводу у прихоти. А теперь того же самого ждет от нее.

– Завтра я тебе позвоню, – произнес он. От этого разговора была одна польза: Саша еще больше укрепилась в своей решимости не вступать с ним в личные отношения, и даже такой милый подарок, как щенок, не убедил ее в обратном.

– Пожалуйста, звони мне только по делам. Я не хочу больше это обсуждать. Мы толчем воду в ступе. Так можно довести друг друга до белого каления. Голова кругом пойдет. – Но именно это происходило с ней, когда он был рядом. Ни к одному мужчине в жизни ее так не влекло. Это влечение нелегко было осознать, а еще труднее – противостоять ему.

– Я позвоню тебе на неделе, – пообещал Лайам.

Но этого не случилось, и Саша вздохнула с облегчением. Как это ни горько, но, кажется, ей все-таки удалось убедить его перейти на деловые отношения. Ей безумно хотелось снова быть с ним, но она дала себе слово, что этого не будет.

Единственным утешением для нее всю неделю был щенок. Это было очаровательное существо, и, несмотря на все ковровые инциденты, Саша была от него в восторге. Это был самый дорогой подарок, который она получила от Лайама. А еще она была благодарна ему за то, что он оставил ее в покое.

Выходные погодой опять не порадовали. Серые ветреные дни, которым, казалось, не будет конца. По утрам висел туман, вечерами лил дождь, а днем дул такой ледяной ветер, что пробирало до костей. В

пятницу Саша допоздна засиделась на работе, рано легла спать, в девять утра в субботу уже сидела в кабинете, а рядом резвился щенок. Сокса решительно все полюбили, даже Бернар.

Всю субботу Саша провела в галерее, а вечером осталась дома. Собака все время крутилась около хозяйки. После понедельника Лайам так и не звонил, и Сашу одолевали противоречивые чувства. Она сходила по нему с ума, но в данном случае только одно имело значение, то, что это запретный плод. И она ни за что к нему не прикоснется, а тем более не станет есть. Она готова принести в жертву свои чувства.

В девять часов вечера раздался звонок в дверь. Звонили не с улицы в калитку, а в дверь ее дома. Саша решила, что это сторожиха, поскольку никакого другого звонка она не слышала. В халате, со щенком на руках, она подошла и открыла. Она приготовилась увидеть лицо консьержки мадам Барбутье, но оказалась лицом к лицу с Лайамом. Он все-таки прилетел.

– Это все-таки ты? – ахнула она. Сердце у нее забилося, а ноги подкосились. Виду она не подала, однако и прием оказала отнюдь не радушный. Она же просила его не появляться в Париже!

– Приехал проведать своего крестника. – Саша протянула ему щенка. – Выглядит бодрячком. – Сам Лайам тоже был весьма бодр и энергичен. Чего не скажешь о Саше. У той вид был усталый и растерянный. Именно так она себя и чувствовала. Всю неделю она пыталась переболеть им. Держаться выбранной линии было нелегко. И вот он опять тут, на ее пороге, и красив как никогда. Лайам олицетворял собой все, о чем она мечтала, но не могла себе позволить. Саша собралась с духом.

– Я просила тебя не приезжать, – холодно произнесла она, чувствуя, что вот-вот расплачется.

– Саша, мне надо с тобой поговорить, – с серьезным видом ответил Лайам. Она видела по его глазам, что он тоже несчастен. – Почему ты не хочешь попробовать? Посмотреть, что выйдет? Может, в конечном итоге все будет и не так страшно, как тебе кажется.

– А если нет? Что тогда? Дети мне этого не простят. Художники решат, что я спятила. И мы ославимся на весь Париж и на весь Нью-Йорк. – Картину она рисовала безрадостную, но вполне реальную. И Лайам это понимал.

– Ты когда-нибудь думаешь о чем-то хорошем? И не о том, что скажут о тебе другие? – спросил он, продолжая стоять в дверях с сумкой в руке. – Что, если все сложится удачно? Что, если никому дела не будет, чем мы занимаемся? Что, если твоим художникам будет абсолютно наплевать, а твои дети станут только радоваться тому, что у тебя молодой мужик? Ну

почему все должно кончиться плохо?!

– Ну да! Все будет чудесно до того момента, как ты влюбишься в молодую красотку. Я не хочу экспериментировать.

– А если я умру? Или ты? Если, когда мы будем в постели, нас поразит молния? Или подцепим холеру, дизентерию, корь? А то еще атомной бомбой всех накроет?

– Да пусть холера или молния, но выставлять себя влюбленной дурочкой в твоём обществе?! Лайам, я просто не хочу этого – и все.

– Не говори глупостей. За свою жизнь я дважды был влюблен. Первый раз – в Бет, и тогда этого хватило на двадцать лет. Теперь вот в тебя. Я никогда никому не признавался в любви, кроме тебя и нее.

– Ты хочешь меня только потому, что не можешь получить, – продолжала сопротивляться Саша. Она дрожала от холода, как и щенок у нее на руках.

– Ну можно мне хотя бы войти? Я несколько часов был за рулем. Рейс отменили, пришлось под Ла-Маншем ехать. – Она шагнула в сторону, ругая себя за слабость. С первой минуты знакомства у нее не было сил перед ним устоять. Не было и теперь. Свет в доме не горел, в гостиной было холодно. Она уже собиралась ложиться. – Ладно, сдаюсь! До утра побуду. Обещаю: тебя не трону. Утром ты меня уже не застанешь. Просто мне сейчас обратную дорогу не осилить.

Саша внимательно на него посмотрела, потом кивнула. Пускай опять ляжет в комнате Ксавье. Свою дверь она запрет. Не так от него, как от себя.

– Голодный? – предположила она, спуская щенка на пол.

– Мороженое есть? – усмехнулся Лайам.

– Наверное. Мы же много купили, а я к нему не притронулась.

– А зря! Тебе бы на пользу пошло. – Лайаму показалось, что худенькая Саша за эту неделю исхудала еще больше, и он сделал самонадеянный вывод, что это из-за любовных страданий.

Лайам проследовал за ней на кухню, рядом трусил Сокс. Щенок оставил лужу в кухне на полу, Лайам покорно убрал, пока Саша накладывала шоколадное и кофейное мороженое в большую пиалу.

– Может, поешь что-нибудь?

Лайам отрицательно покачал головой и молча сел к столу. Говорить было не о чем, все уже сказано. Саше было очень плохо. Лайам ел, а Саша сидела и смотрела на него. Ее сердце разрывалось от нежности к нему, от страхов и сомнений. Когда он закончил, Саша поднялась.

– Я иду спать. Когда захочешь лечь, поднимайся. Комнату Ксавье ты найдешь.

– Спасибо. Я смертельно устал. Пойду наверх. – Лайам стал подниматься вслед за ней, они расстались на площадке второго этажа. Саша слышала его шаги выше по лестнице, потом дверь в комнату Ксавье закрылась.

Она направилась в ванную и взяла щенка с собой. Запираться не стала, в этом не было необходимости. Лайам все правильно понял. Утром его уже не будет. И с этой нелепой историей будет покончено. С искушением, слабостью, душевными муками. Скорее бы уж он вернулся к себе в Лондон!

Она стояла в ванной в ночной рубашке и чистила зубы, когда в зеркале увидела Лайама. Она не слышала, как он вошел. При виде Лайама щенок радостно бросился к нему и завилял хвостом, а Сашу охватила слабость. Она оперлась руками об умывальник, чтобы не упасть.

– Саша, я все понимаю. Я только хочу провести эту ночь с тобой. На прощанье. Хочу тебя обнимать, лежать с тобой в одной постели. Обещаю, против твоей воли ничего делать не буду.

Проблема как раз заключалась в *ее воле*. И с самого начала это было так. Ее неудержимо влекло к нему. Саша замотала головой, но тут в зеркале перехватила его взгляд. У него в глазах стояли слезы. Ни слова не говоря, она повернулась к нему и протянула руки. И ей мучительно хотелось на прощанье провести ночь с ним. Лежать в его объятиях, ощущать тепло его тела – а потом расстаться навсегда. Эта минута никогда не повторится, оба это понимали. Она молча кивнула, по ее щекам бежали слезы.

– Ну, ну, моя девочка... тихо, тихо... – приговаривал Лайам. – Все будет хорошо... Обещаю тебе...

– Нет, не будет! – Это тоже было ясно обоим, но уже одно его присутствие придавало ей сил. В следующее мгновение они уже лежали в ее холодной постели. Саша не сняла ночную рубашку, а на Лайаме была майка, трусы и, специально, чтобы показать Саше степень его послушания, – носки. Лайам погасил свет, и они прижались друг к другу.

– Я тебя люблю, – прошептал он, прижимая ее к себе.

– Я тоже тебя люблю, – проговорила Саша. – Глупо все получилось! – Она хотела бы быть моложе, быть другим человеком, чтобы иметь право и возможность быть рядом с ним. Любила ли она его, как любила Артура? Она не знала, но ее так сильно к нему влекло, как никогда и ни к кому раньше. Их связывали невидимые узы, их влекла друг к другу непреодолимая сила. Невозможно было удержаться на краю этой пропасти и смертельно страшно было рухнуть в нее.

– Не так уж и глупо, – шепотом возразил Лайам. Он был счастлив

одной возможностью обнимать ее, быть рядом с ней в ее постели. На это он даже не надеялся, когда ехал на машине через пол-Франции. Он боялся, что она вообще не откроет ему дверь. – Саша, как мне жить без тебя?

Она не ответила, ее мучил тот же вопрос. До сих пор ведь как-то жили! И расставшись, наверное, будут жить дальше. У них есть только эта ночь. Лайам умирал от желания, но боялся все испортить. И крепко держал ее в объятиях, пока она не задремала.

Утром Лайам едва шевельнулся, как Саша мгновенно отодвинулась от него. Она помнила их уговор: как только он проснется – уедет. Саша лежала неподвижно и ждала, когда он поднимется. Лайам не открывал глаза. Комнату заливал жемчужно-серый свет парижского утра.

– Не спишь? – шепотом спросил он. Она покачала головой. – Хочешь, чтобы я ушел?

– Еще минутку, – прошептала она и прижалась к нему. Его близость пьянила. Саша почувствовала, что и он пришел в возбуждение. Лайам притянул к себе ее голову и поцеловал. Саша была не в состоянии противиться себе. Остальное произошло помимо их воли, а когда все кончилось, Лайаму стало страшно. Теперь она его никогда не простит, и он ее больше не увидит. Он нарушил свое обещание, не смог сдержаться. – Я тебя люблю, – тихонько сказала она. Потом чуть отодвинулась, чтобы посмотреть в его глаза. – Что же нам теперь делать?

– Это ты мне должна сказать, – так же шепотом ответил он и замер в ожидании ответа.

– Я не знаю... Я не хочу тебя терять... Я уже и так много потеряла. – Она не могла его отпустить. По крайней мере, сейчас.

– Можно я немного побуду? – Саша кивнула, Лайам ее обнял, и вскоре они уже опять занимались любовью. Весь день они провели в постели, чередуя сон с объятиями и сексом. Только один раз он вылез из постели, чтобы принести еду щенку и захватил две пиалы с мороженым для себя и Саши.

– Я сошла с ума? – спрашивала она. – Занимаюсь любовью с мальчишкой, поглощаю мороженое, которое раньше не позволяла себе есть. – Ей больше ничего не хотелось – только быть с ним вместе, есть мороженое – и пусть течет по подбородку. Он бережно вытер ей лицо.

– У меня впервые в жизни такой ясный рассудок, – возразил ей Лайам. – За тебя сказать не могу.

– Это похоже на сон.

– Если это сон, то самый замечательный. – Он улыбнулся и поцеловал ее.

В воскресенье их единственной территорией была спальня Саши. Потом они вместе лежали в ванне, вместе спустились поужинать – и опять кинулись в постель, как дети, убегающие от родителей. Но бежать было не от кого. И прятаться негде. Саша сама отдалась ему в объятия. И что теперь делать, понятия не имела. Она только знала, что хочет быть с ним, а как долго это продлится, об этом лучше не думать.

Они вместе приготовили ужин, поели, весело поболтали, покормили щенка, убрали со стола и опять поспешили в постель, чтобы снова заняться любовью.

– Стара я уже для такого марафона, – призналась потом Саша.

– Ничего себе – стара! Ты же меня совсем измотала! – рассмеялся Лайам.

– Когда тебе ехать? – пытаюсь не выдать волнения, спросила Саша.

– Может, никогда? – Он ее дразнил, но в этот момент эта мысль обоим пришла по душе. – Что, если я поживу здесь с недельку? – Было бы неплохо провести эксперимент – посмотреть, как они смогут ужиться в реальной жизни. Предложение поступило неожиданно, но Саше оно понравилось.

– В галерее всем скажу, что ты приехал с ними познакомиться, а я тебя приютила.

Лайам понимал, что Саше надо будет придумать какое-то объяснение для окружающих, а какое – ему было все равно.

– Отлично! А можешь сказать, что я твой любовник и мы всю неделю проведем в постели. – Саша забеспокоилась не на шутку. – Не бойся, я не собираюсь ставить тебя в неловкое положение, – улыбнулся Лайам и поцеловал Сашу.

– Смотри у меня! Иначе я приму самые суровые меры.

– Обещаю!

Ночью они опять были вместе и спали в объятиях друг друга. Перспектива провести с ним целую неделю привела Сашу в возбуждение. Еще вчера она обещала себе, что все кончено, а за сутки все так изменилось. Теперь ради Лайама она готова была поставить на карту свою репутацию и даже жизнь, выбора она себе не оставила.

## Глава 8

Когда наутро в сопровождении Лайама Саша направилась к галерее, вид у нее был даже более деловой и строгий, чем обычно. По понедельникам галерея была закрыта, но персонал работал. Это была хорошая возможность привести в порядок срочные дела. Саша была в черных слаксах и черном свитере. А Лайам остался верен себе – ковбойские сапоги, кожаная куртка, белая футболка, джинсы и бейсболка. После обеда они договорились отправиться в магазины и купить ему запас футболок и белья. Лайам и помыслить не мог, что задержится в Париже на целую неделю, и никаких вещей с собой не захватил.

Саша представила его своим сотрудникам. Лайам держался непринужденно и любезно и всех очаровал. Неделю назад он прислал слайды со своих картин. Теперь Бернар сказал, что галерея жаждет выставить сами полотна. Они обсудили выставку в Нью-Йорке, наметили ее на конец года. А пока оба отделения галереи, и в Париже, и в Нью-Йорке, будут выставлять его отдельные картины. Для Лайама это хороший шанс. А Эжени при знакомстве с новым клиентом чуть не упала в обморок. Потом она призналась Саше, что в жизни не видала такого неотразимого красавца. Саша разделяла это мнение. Эта неотразимость и была главной проблемой.

Вечером, после бурного секса, Лайам лежал в ее постели, как юный, гордый собой лев, и делился впечатлениями от галереи.

– Так что скажешь? – спрашивала Саша. Ей интересно было его мнение, взгляд художника на то, что она делает. Для нее это была редкая возможность получить оценку своей работы с другой стороны, услышать мнение человека заинтересованного. Для торговца произведениями искусства это ценная возможность, и мнение Лайама много значило для Саши. Хотя она доверяла и себе – в том, что касалось галереи и художников, интуиция ее никогда не подводила.

– Что я скажу? – рассеянно переспросил он. Он еще дышал прерывисто, не успев отойти от близости, и удивился, когда Саша заговорила о работе. – Ну, что ж... Лучше, чем вчера вечером... Послабей, чем сегодня с утра... Подустал я, наверное. По-моему, лучше всего было в воскресенье после ванны... – Он продолжал перечислять все подробности их близости, а Саша заливалась смехом.

– Лайам, прекрати! Я говорю о галерее и моих сотрудниках, ты же все

прекрасно понял!

– А-а... Все очень мило. Мне все понравились. – Секс интересовал его заметно больше.

– Ты можешь хоть минутку побыть серьезным? – упрекнула Саша. Ей нравилось, что можно говорить с ним о работе. И с Артуром она всегда разговаривала о своих делах с удовольствием.

– Серьезным? Еще немного секса – и я рухну тебе на руки, придется меня реанимировать. Я не так молод, как ты себе вбила в голову.

– А я – тем более, – поддакнула она.

– В жизни не занимался сексом так часто. Я превращаюсь в секс-тренажер. – Лайам напустил на себя серьезный вид. – Точно! Теперь я понял: я для тебя только забава. Да? – Он вдруг посерьезнел.

– Не говори глупостей! – Саша откинулась на подушку. Но то, что ей с ним хорошо и приятно, отрицать было невозможно.

– Чувствую себя сексуальным рабом в предместье Сент-Оноре. Пора, пожалуй, спасателей вызывать.

– А я начинаю испытывать к тебе непреодолимое пристрастие, – призналась Саша, но теперь ее это уже не беспокоило. Главное – что ей с ним хорошо. На эту неделю она спрятала все свои страхи подальше и наслаждалась его близостью.

– Тогда надо заняться групповой терапией. Двинем в какое-нибудь Общество анонимных рабов любви. Наверняка есть такое. Да ладно, зачем нам портить кайф? – Лайам от души забавлялся.

– Вот именно, – согласилась с ним Саша и наклонилась его поцеловать. Они сами не поверили тому, что опять занялись любовью, после чего в изнеможении заснули. А утром, едва открыв глаза, набросились друг на друга с новым жаром. У нее кружилась голова, она чувствовала себя как влюбленная по уши девчонка и всеми силами старалась этого не показать.

Лайам пришел в галерею вскоре после Саши и с интересом осмотрел экспозицию уже на правах посетителя. Саша была приятно удивлена, когда Бернар пригласил Лайама пообедать. Всем он понравился, а это уже хорошо. Саша боялась, что сотрудники примут его за чужака, но пока Лайаму удалось всех расположить к себе без особых усилий.

Остаток недели Лайам провел в прогулках по Парижу, встречах с друзьями-художниками в Маре, а Саша по возможности побыстрее завершала свои дела, чтобы провести с ним больше времени. Но все же ей приходилось встречаться с заказчиками, с которыми были назначены переговоры о покупке дорогих вещей. На одну такую встречу, ближе к



концу недели, вдруг появился Лайам. Он был в своей футболке, мотоциклетной куртке, бейсболке, джинсах и ковбойских сапогах. Лайам забрел в кабинет в поисках Саша, и она была вынуждена представить его своим собеседникам. То, что Лайам так бесцеремонно ввалился в ее кабинет при посторонних, разозлило Сашу. Когда он нагнулся и поцеловал ее в губы, она напряглась и строго на него посмотрела. Внутри у нее все кипело. Заказчики были солидные люди: дама – итальянская княгиня, мужчина – акционер крупного французского банка. Больших консерваторов и не сыскать. На эту встречу Саша надела костюм от «Шанель» и несколько ниток крупного жемчуга – чтобы выглядеть максимально респектабельно. А Лайам, с его длинными волосами и этим молодежным прикидом, был похож на какого-нибудь хиппи. Саша сдержанно представила его как одного из многообещающих художников и еще больше возмутилась, когда он без приглашения сел выпить с ними чаю, а потом передумал и налил себе коньяка. Он вел себя как у себя дома, и ее гости были заметно обескуражены. Княгиня была явно шокирована, а банкир раздражен. Саше оставалось надеяться, что они отнесут бестактность его поведения на счет природной эксцентричности, хотя поцелуй в губы наверняка им кое о чем сказал. Но хуже всего было то, что они рассчитывали, что Саша будет заниматься только ими. Они только что приобрели две картины стоимостью по полмиллиона каждая. На Лайама же выставленные на мольбертах полотна не произвели никакого впечатления, он небрежно заметил, что они симпатичные, но не более того. Саша была готова его убить. И, распрощавшись с гостями, набросилась на него:

– Какого черта, Лайам! Что ты себе позволяешь?! Кто тебя за язык тянул? Я же деньги зарабатываю! Эти люди только что выложили за картины миллион долларов наличными, и мне плевать, что ты думаешь по поводу их приобретений. Мог бы хотя бы притвориться, что тебе нравятся эти работы. – Она кипела. – И как ты вообще смеешь вваливаться сюда, когда у меня встреча? Это мой бизнес, а не моя спальня. Совсем голову потерял? Или это твое обычное поведение?! – Лайам только что выкинул номер, какого она больше всего и опасалась. Выставил ее в глупейшем свете перед солидными клиентами и делает вид, что ничего не произошло! В этом весь Лайам! Никто, видите ли, не может ему диктовать, как себя вести. Никакие правила и нормы для него не существуют!

– В том, что касается искусства, я всегда говорю правду, – как ни в чем не бывало объявил он, растянувшись на диване. – Я никогда не стану врать. И я еще был вежлив. Я сказал: «Ничего особенного», – а мог бы сказать, что это дерьмо, а не живопись. Это картины из очень неудачного периода, у

этого художника есть куда более достойные вещи.

– Лайам, мне это прекрасно известно, но они выбрали именно эти картины, и я их им добыла. Я восемь месяцев вела переговоры с голландским торговцем, а ты чуть не загубил всю сделку. А кроме того, ты не можешь входить ко мне и, как у себя дома, наливать себе выпить, когда у меня встреча. Мог бы проявить хоть каплю уважения!

– Ты тоже, – обиделся он. – Считаешь, ты тут царь и бог. Я ничуть не хуже этих твоих снобов! Думаешь, раз к тебе явился какой-то толстосум, об меня можно ноги вытирать?

– Вот именно. Эти толстосумы – мой хлеб. И моих детей тоже. И если ты хочешь находиться здесь, когда я перед ними выплясываю, изволь выплясывать тоже.

– Еще чего! Я не твой подчиненный, Саша. Я здесь не работаю. И если я твой мужчина, то будь добра с этим считаться.

– Тогда и ты не выпендривайся. Это моя галерея, здесь люди работают, а не только чай распивают. А ты вваливаешься, наливаешь себе рюмку. Это тебе не кафе, и я не твоя подружка на один вечер!

– Это все чушь! От тебя только требуется сказать им, что я один из ваших художников. Больше им ничего знать не положено. Я не собираюсь выхаживать перед ними в костюме и распивать чай только потому, что ты продаешь им две дерьмовые картины, которые вообще не надо было продавать. Если они выбрали это дерьмо – раскрой им глаза, объясни, что к чему, предложи что-нибудь достойное и сдери больше денег. Но эти две работы никуда не годятся, и ты это знаешь. Что касается моей одежды, то с ней все в порядке – на мне есть и носки, и трусы. Тебе этого должно быть достаточно. Не рассчитывай, что я стану теперь ходить в костюме, как дрессированная обезьянка.

– Никто и не заставляет. Я только прошу быть вежливым с моими клиентами и соблюдать правила приличия. Чтобы выпить, вполне можно дождаться, пока они уедут. И тебе незачем являться сюда, когда у меня встреча. Мне плевать на твою независимость! Я не потерплю от тебя таких выходов.

– Да кем ты себя возомнила? – вдруг взорвался Лайам. – Ты мне не мать. Что хочу, то и делаю. Какое у тебя право мной командовать? Я тебя люблю, Саша, но ты не можешь мне диктовать. Я тебе не подчиненный и не сын. Если честно, я вообще не понимаю, кто я тебе!

Саша была потрясена этим взрывом его ярости. Она не собиралась вести с ним войну. Она знала, что победителя в этой войне не будет. Но и позволять ему так себя вести она не собиралась. Этот парень совсем

распоясался.

– Лайам, ты меня поцеловал. В губы! – напомнила она, а он все метал в нее громы и молнии. – И не просто при посторонних, а при моих заказчиках! Это недопустимо!

– Не смей мне говорить, что можно делать, а что нельзя! – огрызнулся он. – Я тебя люблю. Я же тебя просто чмокнул. Что тут такого? Я тебе кто? Игрушка? Мальчик, с которым ты решила поразвлечься? И которого хочешь держать в шкафу? – оскорбился он. Она задела его самолюбие, и сделала это сознательно. Ему придется научиться себя вести, если он хочет оставаться с ней! Задача не из легких, этого она и боялась. Им было хорошо друг с другом, но они не могут вечно наслаждаться любовью за закрытыми дверями. Рано или поздно им придется выйти в мир – к людям, к делам, к своим обязанностям. А в этом мире установлены жесткие правила. У Лайама же на любые правила аллергия.

– Конечно, Лайам, ты не игрушка, ты уже давно и не мальчик, чтобы не понимать, что ты делаешь... – проговорила Саша. Лайам хотел было что-то возразить, но вдруг расхохотался.

– Ты права! Мне действительно много лет. Но иногда я себя игрушкой и чувствую. С клиентами ты такая правильная и такая ханжа... Почему бы тебе не расслабиться? Может, им бы это тоже понравилось.

– Не тот случай. Вот начинающих художников берут люди другого склада. А эти заказчики ждут, что с ними будут вести себя не просто прилично, но даже чопорно. Если я стану с ними резвиться, они пойдут за картинами в другую галерею. Уж поверь мне. Я занимаюсь этим бизнесом уже двадцать три года. Я еще была совсем маленькая, а уже видела, как это делает мой отец. Тут свои правила игры.

– Как ты меня достала со своими правилами! – проворчал Лайам.

Но он был по натуре отходчивый. Намного отходчивее, чем она. Сегодня он ее просто убил своим поведением. Для Саши это был сигнал, подтверждающий ее опасения. Лайам вывел ее из себя. И все же вечером Саша повезла Лайама ужинать в «Вольтер». Лайам уже успел полюбить это заведение. Туда пускали в любой одежде. Хоть там и бывала светская публика, можно было смело являться в джинсах и кожаной куртке. После большой бутылки вина к нему вернулось добродушное настроение. Но Саша никак не могла отойти от дневной ссоры и чувствовала себя паршиво. Лайам перешел все границы. Так продолжаться не может. В противном случае их отношения очень быстро зайдут в тупик. Весь вечер Саша не могла справиться с плохим настроением, но наутро решила пока не касаться больной темы.

Оставшиеся дни прошли без эксцессов. Бернар заметил в разговоре с Сашей, что Лайам что-то подзадержался в Париже, но о подлинной причине он как будто не догадывался. Саша только сказала, что снимать номер в отеле ему пока не по карману и она выделила ему комнату сына. Бернар, казалось, ей поверил. Но если Лайам будет приезжать часто и всякий раз жить у нее, рано или поздно тайное станет явным.

Выходные прошли без ссор и выяснения отношений. Они ходили в кино, в воскресенье обедали в кафе «Липп», потом пили кофе в «Де Маго». Саша хотела сводить его в бар отеля «Риц», но в джинсах его не пустили. Пустили бы, если бы был постояльцем, что показалось Лайаму особенно глупым. С этим Саша не спорила, но и в «Рице» тоже были свои правила. Зато у Лайама их не было вовсе. Все его правила ограничивались тем, что надо быть искренним и добрым человеком, а на его поведение эти правила не распространялись. Но с Сашей он снова был нежен. И Саша наслаждалась его вниманием, его близостью. Она отдавала себе отчет в том, что сгорает от страсти к этому мужчине, но в то же время ее не покидал страх, что он может выкинуть любой номер и сделать их отношения достоянием гласности, а она к этому была не готова. Уже то, что она позволила ему целую неделю прожить в Париже да еще появляться в ее галерее, было с ее стороны отчаянно смелым шагом. Идти дальше она не собиралась. Это попросту было опасно. Опасно для нее самой, опасно для ее дела.

Вечером в воскресенье Лайам как бы между прочим спросил о планах Саши на следующий день. Она заподозрила, что уезжать он не собирается. Саша в душе не хотела этого, но она прекрасно понимала, что чем дольше длится его визит, тем сложнее будет найти ему объяснение перед сотрудниками. Собственно, больше никто о его пребывании в Париже и не знал. Лайам предложил Саше в понедельник поужинать в компании его друзей в Маре.

– Надо ли это понимать так, что ты хочешь задержаться в Париже?

Он кивнул и улыбнулся.

– Да, если не возражаешь.

Саша мгновение помедлила, а потом неожиданно для себя самой сказала:

– Не возражаю. – А объяснение для окружающих она потом придумает.

Но насчет встречи с его друзьями-художниками у нее уверенности не было, среди них могли оказаться знакомые ей люди. И тут же она вспомнила, что вечер понедельника у нее занят. Лайам был расстроен и

даже обижен. Саша поцеловала его и объяснила, что приглашена на официальный прием, устраиваемый одним из важных клиентов. Пару месяцев назад эта семья купила у нее полотно Моне, и Саша не могла проигнорировать такое приглашение. Взять Лайама с собой на официальный ужин, да еще в солидный дом, она не могла, и Лайам понимал это, но все равно дулся. Саша решительно подвела черту, сказав, что приглашена одна.

– Так позвони и скажи, что не сможешь прийти, – предложил он.

Она предпочла не замечать его раздражения.

– Лайам, я не могу. Это мои самые солидные клиенты. – Это была правда.

– А кто тогда я?

– Ты мой любимый мужчина. Но это из другой оперы. Мы же говорим о моей работе.

– А Артура ты бы с собой взяла? – напрямик спросил он. Оба знали ответ. Но Артур был ее мужем, человеком ее круга, солидным и преуспевающим. Артур мог сопровождать ее везде и так и делал. Они с Артуром были ровня, они были семья. Неужели Лайам не понимает этого?!

– Это нечестно, – жестко сказала Саша. – Мы с Артуром были женаты. Он был такой же, как мои заказчики. Он был один из них, он же был банкир!

– А я – малолетний панк! – Он начинал заводиться.

– Нет, – терпеливо возразила Саша, – ты шальной художник, забыл? Сам так говорил. И ты не любишь, чтобы тобой помыкали. Если хочешь надеть смокинг, вести себя в соответствии с приличиями и держаться солидно – другое дело. Рискну появиться с тобой. – Для Саши это была серьезная уступка. Но Лайаму уступки были не нужны. Ему нужна была свобода. Свобода вести себя так, как хочется, и неважно, с ней или без нее.

– Я хочу, чтобы меня принимали таким, какой я есть. В том числе и ты! – горячо воскликнул он.

– Я принимаю. А другие люди – нет. Если ты хочешь посещать со мной такие места – будь любезен следовать правилам. Я же им следую! Это все равно что правила движения. В этот раз я тебя взять не смогу, о таких вещах предупреждают заранее. Но если ты настроен серьезно, мы купим тебе смокинг, и в другой раз сможешь составить мне компанию. Если, повторяю, ты готов играть по их правилам. Это главное условие.

– Ну и пошли они! – окончательно вышел из себя Лайам. – Кто они все такие, черт подери? Я их всех во сто раз лучше! Всю эту чушь я много раз слышал от отца. Еще в детстве. Запомни, Саша, я ни для кого не стану

играть в эту игру, даже для тебя.

– Ради бога! – все так же спокойно ответила та. – Нет необходимости ходить на все эти чопорные мероприятия, которые я вынуждена посещать в силу профессии. Но если тебе захочется пойти, придется соблюдать правила. Вот так обстоят дела.

– А кто эти правила устанавливает? Какие-то высокомерные старперы в клоунских костюмах? Почему я должен вести себя так же, как они? Так же одеваться? Почему я не могу быть самим собой?

– Потому что в руках у этих высокомерных старперов и деньги, и власть, дающая им возможность эти правила устанавливать. В мире правит тот, у кого деньги. А если ты хочешь вращаться в обществе, то должен вести себя цивилизованно и играть по их правилам.

– Если бы ты меня любила и гордилась мной, ты бы взяла меня с собой в любом случае. – Перед ней был взбунтовавшийся подросток. Вот она – истина! Вот этого Саша и боялась. Быстро же развиваются события! Меньше чем за неделю они уже ссорятся во второй раз. Подтверждались ее худшие опасения, что из их отношений ничего не выйдет. Ей многое в нем было дорого: его доброта, тепло, с каким он относился к людям, нежное отношение к ней, его чувство юмора, его талант, наконец, его доблесть в постели. Но эти вспышки раздражения и эта незрелость ее бесили.

– Я тобой горжусь. И я тебя люблю. Но не жди, что я выведу тебя в свет, если собрался сделать из меня посмешище. Или из себя. А если ты будешь вести себя так, как хочешь тебе, то посмешищем станем мы оба.

– Саша, кто для тебя важнее? Я или они?

– И ты, и они. Тебя я люблю. А живу я в том мире. Такая уж я есть. И я тебе говорила об этом в первую же встречу. Эта проблема всегда будет стоять перед нами, если только ты не решишь превратиться из шального художника во взрослого мужчину и войти в мой круг в таком качестве. Если же хочешь продолжать резвиться, оставаться неуправляемым юнцом, которому никто и ничто не указ, тогда разреши мне одной общаться с людьми своего круга. Все очень просто. Тебе решать.

– Я такой, какой есть. И не собираюсь меняться и угождать кому бы то ни было, даже тебе.

– Твое право. Но и ты не можешь заставить кого-то принимать тебя таким. В том числе и меня.

– Так дело в тебе, да? А не в ком-то другом? Ты хочешь, чтобы я изображал из себя твоего Арту-ра. Но я не он. Я – это я.

– Артур тут вообще ни при чем! – Саша стиснула зубы. – Послушай, что тебе мешает завтра поехать и поужинать со своими друзьями? Я пойду

на свой прием, сбегу пораньше и, возможно, приеду к тебе в Маре.

– И что – пойдешь в дешевый кабаk? Придворная дама покидает дворец и снисходит до своего нищего возлюбленного? Раз я недостаточно хорош, чтобы ты брала меня с собой, тогда я завтра же вылетаю в Лондон. – Изначально он именно это и собирался сделать. Неожиданностью было как раз решение остаться дольше.

– Дело твое, – тихо ответила она. – Я стараюсь изо всех сил, Лайам. Слишком мы разные, конфликты будут неизбежны. И мы это с самого начала понимали.

– Да, понимали. Я только не думал, что предметом этих конфликтов стану я один. Сколько, по-твоему, унижений я могу терпеть? Ты говоришь мне, как вести себя в твоей галерее, что мне делать и чего не делать, чтобы, не приведи господь, твои клиенты не оскорбились. Я должен ходить на цыпочках, не сметь тебя целовать... Рюмку себе налить не могу! А если я хочу пойти с тобой на мало-мальски серьезное мероприятие – будь любезен нарядиться как юный лорд и вести себя как солидный банкир. Саша, я художник! Не дрессированная обезьянка и не банкир. И я не позволю тебе выкручивать мне яйца!

– Никто не собирается тебе ничего выкручивать. Мы живем в двух разных измерениях. Рано или поздно это должно было случиться. Если мы хотим, чтобы у нас что-нибудь получилось, придется проявить максимум понимания и гибкости. – Для обоих их роман пока был большим вопросом, сейчас еще больше, чем когда-либо. Особенно если он будет настаивать на своем разудалом образе жизни и при этом всюду ее сопровождать. Это были две несовместимые вещи. Она предупреждала его с самого начала.

– Повторяю: я не позволю тебе командовать мной. Я завтра же улетаю в Лондон. Когда разберешься со своей системой приоритетов – позвони.

Саша слушала его, и ей хотелось кричать.

– Дело вовсе не в приоритетах, Лайам, – ответила она, отчаянно стараясь не потерять самообладания. Убеждать его было все равно что говорить с рассерженным ребенком. – Дело в существующих в мире порядках, которые ты никак не желаешь усвоить. Это все равно что вступить в клуб. Если ты хочешь в него вступить, ты должен подчиняться его правилам.

– Этого, Саша, ты от меня никогда не дождешься. Никогда! Если бы я хотел этого, то продолжал бы жить с отцом в Калифорнии и выслушивать его бред. Мне больше никто не указ, и ты в том числе. Если хочешь, чтобы я был в твоей жизни, принимай меня таким. Но не заставляй подчиняться правилам. Если ты меня любишь, никаких правил существовать не должно.

– Правила есть всегда, – с грустью констатировала Саша. – Я и сама вынуждена жить по этим самым правилам. Я не могу вести себя так, как мне нравится. Я не могу появиться в галерее в джинсах. Или в ковбойских сапогах и бейсболке. Я должна выглядеть так, как принято в этом обществе, быть с приличной прической, а на приемах – в вечернем платье. Я должна вести себя в соответствии с их приличиями, которые я, впрочем, разделяю, потому что правила этого общества мне близки. Это мои правила, это правила цивилизованных людей. И у меня нет ни малейшего желания ими пренебречь!

– А я не желаю быть цивилизованным! Я хочу оставаться собой. Хочу, чтобы меня уважали и принимали за то, что я такой, а не потому, что я умею прикидываться «своим» и готов вылизывать чужие задницы. Никто и никогда не заставит меня ни перед кем пресмыкаться!

В Лайаме говорили какие-то детские обиды и комплексы, даже Саше было заметно, что он злится на нее куда сильнее, чем она того заслуживает. Он был вне себя. Никакие ее доводы не действовали, он никак не желал успокаиваться. Напротив, он все больше выходил из себя. Она слушала его и все больше ощущала свою беспомощность. Лайам был сейчас где-то далеко, бился с невидимыми ей врагами.

– Лайам, я не прошу тебя ни перед кем пресмыкаться. И уж тем более передо мной. Ты можешь вести себя, как тебе угодно. Но если ты этого хочешь, тебе придется играть по эту сторону площадки, оставаться в том мире, к какому ты привык, или в нашем с тобой маленьком пространстве, я не против. А если хочешь ступить и на мою территорию, пойти туда со мной, тебе придется играть по другим правилам.

– К черту правила! И тебя, Саша, к черту, раз уж на то пошло. Не хочешь мной гордиться, стесняешься, что я тебя моложе, не уважаешь меня как личность – тогда ты мне не нужна! Я не намерен с тобой оставаться. Завтра же возвращаюсь домой. Если передумаешь – скажешь.

– Что именно? Чего ты от меня хочешь? – Саша была ошеломлена. Некоторые его высказывания были настолько неразумны, что она отказывалась его понимать. Впрочем, это все было для них не ново. Лайаму с самого начала было известно ее положение, принципы, которыми она руководствуется в жизни. Если не считать разницы в возрасте, именно это ее всегда беспокоило. С возрастом как раз еще можно было примириться. Куда хуже обстояло дело с его сумасбродством, его инфантильностью, его непокорностью.

– Или ты соглашаешься принимать меня таким как есть и в таком виде берешь с собой на свои мероприятия, а не оставляешь дома, как нанятую на



одну ночь проститутку, – или ты меня больше не увидишь. Я не позволю оставлять меня дома, как кучу мусора. И не позволю диктовать мне, как себя вести!

Она с трудом сдерживала слезы, а он продолжал бушевать. А Саша так надеялась, что из их отношений может получиться что-то серьезное, что-то настоящее и надежное.

– Это твоя проблема, ты ее и решай! – вдруг вспыхнула она. – Перестань вести себя, как ребенок, который не хочет принимать ванну или надевать новый костюмчик, который топает ногами и швыряет на пол еду. Если хочешь есть за одним столом со взрослыми, научись сначала себя вести. Больше от тебя ничего не требуется, как ты не поймешь? Ты не можешь до конца дней оставаться дикарем, шальным художником, если, конечно, не собираешься всю жизнь тусоваться с такими же, как ты, отвязными, как вы говорите, дурно воспитанными парнями. Если ты этого хочешь, тогда не обижайся, что я не беру тебя с собой. Я была бы рада, пойми, очень рада, но я не собираюсь краснеть и смотреть, как ты будешь выделывать номера, доказывая всем и каждому, какой ты вольнолюбивый. Если ты меня любишь, Лайам, тогда научись себя как следует вести. Я ведь не взяла бы с собой в свет дурно воспитанного ребенка, даже своего собственного. Это тебе надо об этом по-думать и принять решение. Я уже свое приняла. Я с тобой. Теперь ты должен до меня дотянуться или оставайся там, где ты был. Чтобы жить в обществе, жить вместе – любви и потрясающего секса мало. Рано или поздно каждому из нас приходится взрослеть, нравится тебе это или нет. Может быть, для тебя как раз этот момент настал. Вот и решай. Если хочешь, возвращайся к себе в Лондон, а как надумаешь стать взрослым – позвони. Ты – позвони!

Больше они не сказали друг другу ни слова. Впервые за эти дни они легли спать отдельно. Их разделяла пропасть. Лайам воспринял Сашино поведение как предательство, и оно глубоко его ранило. Как ранило каждое ее слово. А Саша была возмущена его вспышкой гнева на пустом месте. Утром они не разговаривали. Лайам принял душ, побрился и оделся. Когда она собралась уходить, он уже стоял в передней с сумкой на плече.

– Саша, я тебя люблю. Но я не позволю тебе мною распоряжаться или диктовать мне, как себя вести. Я все-таки себя еще уважаю.

– Я тебя тоже люблю и уважаю, – честно призналась Саша. – Ты талантлив, ты – хороший человек. Во всяком случае, насколько я тебя знаю. Дело не в том, что я хочу тобой руководить, диктовать свои условия. Дело во взаимном уважении. Ты любишь меня – тогда войди в мою жизнь, прими ее правила и веди себя так, как принято в этом мире. Если не хочешь

– а это твое право, – то не обижайся, что я общаюсь с людьми своего круга. Нельзя иметь все и сразу. В приличном обществе, Лайам, делать то, что заблагорассудится, не принято. И ты уже давно не мальчик. Даже дети знают, как себя вести.

– Я не собираюсь менять свои привычки. Это мой образ жизни, я хочу оставаться в своем мире – свободном от ваших идиотских правил. И если ты меня любишь, ты должна это понять. И принять меня. Таким, какой я есть.

– Я не могу. Я не могу поступить так по отношению к себе, к своим детям, к своему доброму имени, которое я столько лет создавала. Не могу позволить тебе выставить меня на посмешище. – А в том, что так будет, она уже убедилась. Ей еще не доводилось видеть его самые отчаянные выходки, но она была о них наслышана от Ксавье. Ей хватило и одного раза, когда он вошел к ней в кабинет в разгар ее деловой встречи. И его последней вспышки в придачу. У нее были серьезные причины для опасений. – Я все время помню о том, что почти на десять лет тебя старше. Я понимаю, это не смертельно, но мне кажется, что это немало, особенно учитывая твое поведение и твои идеи. Это не шутки, на нас пальцем будут показывать. И не проси меня водить тебя по самым изысканным мероприятиям, притом что ты хочешь оставить право на свои выходки, чтобы только оставить за собой репутацию шального парня. Это не значит любить или уважать меня или мое дело. Ты прекрасно знал, кто я и какой образ жизни я веду. Ты сказал, что тебя это не волнует. И я тебе поверила. А теперь ты идешь на попятную. Ты хочешь возвращаться со мной в одном обществе, а вести себя по-старому. Этого не будет. Это никому не позволено, ни мне, ни тебе. Каждый человек должен вести себя так, как предписывают приличия. Я искренне надеюсь, что ты образумишься, потому что я тебя люблю и хочу быть с тобой. Но ты поступаешь со мной нечестно. – Уже само то, что это требовало обсуждения, Сашу пугало. Почему для Лайама так важна была полная и безграничная свобода, даже и за ее счет?

– Это со мной тут обошлись несправедливо и неуважительно, – попытался защититься Лайам. – Ты все валишь с больной головы на здоровую.

– Единственное, чего я хочу, так это чтобы ты трезво взглянул на свою жизнь. Или стань взрослым человеком, или дай мне делать то, что я должна, а сам резвись себе со своими друзьями. Ты волен творить все, что тебе заблагорассудится. Хочешь резвиться – пожалуйста, продолжай делать то, что ты делал раньше. Живи, как жил.

– Знаешь что, Саша? Я не намерен быть твоей маленькой и постыдной тайной. Если тебе это нужно – ищи себе другого мужчину. Или прими меня таким, какой есть, или между нами все кончено.

– Тогда, значит, кончено. Во всяком случае – пока все останется как есть. Подумай об этом, Лайам. Надеюсь, когда вернешься в Лондон, ты поймешь, как тебе поступить. Захочешь – позвони мне.

Лайам молча кивнул и, даже не пытаясь ее поцеловать на прощанье, стремительно вышел и хлопнул дверью.

Саша без сил прислонилась к стене. Она была совершенно измучена этим разговором. Да, она любит его, она боится его потерять, но не настолько, чтобы перевернуть вверх дном всю свою жизнь и перечеркнуть все, что у нее есть. Поздно уже что-то менять ради кого бы то ни было. Даже ради Лайама. Она любит его? Выходит – недостаточно сильно.

## Глава 9

Поначалу дни после отъезда Лайама тянулись невыносимо долго. За те несколько дней, что он провел здесь, Саша успела привыкнуть к нему, они были вместе, разговаривали, ели, засыпали, просыпались, занимались любовью. Когда Лайам уехал, все, как нарочно, стали напоминать о нем. Бернар ни с того ни с сего поинтересовался, здесь ли еще новый художник. Саша ответила, что он вернулся в Лондон.

– Славный парень, но нелегко, наверное, было так долго терпеть его присутствие, – заметил он осторожно.

Лайам пробыл у нее десять дней, и все шло замечательно, пока они не затеяли свой бесцельный спор. Сейчас Сашу поразило, что Бернар назвал его парнем. В этом-то и была вся проблема. Лайам мальчик, а не мужчина, и ведет себя соответственным образом, вдруг превращаясь в непокорного тинейджера. В возрасте тридцати девяти лет от человека ожидаешь иного поведения. В первый момент в реплике Бернара Саше почудился сарказм, она решила, что его просто разбирает любопытство по поводу ее отношений с Лайамом. А потом она вдруг поняла, что Бернар спрашивает о ее госте абсолютно искренне. Он считает, что Саша проявила верх великодушия, когда пустила к себе никому не известного художника, да еще так надолго. Судя по всему, их тайну никто не раскрыл. Бернару, наверное, и в голову не приходит, что Саша могла связаться с Лайамом. Как бы то ни было, теперь этим отношениям, похоже, пришел конец. Сначала, когда Лайам улетел назад в Лондон, она из вечера в вечер ждала звонка. Но он не позвонил. Она – тоже. Спор, непримиримый и горячий, завел их в тупик. Впрочем, Саша и раньше понимала, что роман их вряд ли может быть долгим. Но такого скорого окончания все же не ожидала. Звонить Лайаму было бессмысленно, он вполне ясно сформулировал свои условия.

Для Саши эти условия были неприемлемы, причем независимо от того, любит она его или нет. Никакого компромисса она ему предложить не могла, она все ему объяснила перед отъездом. К концу месяца она перестала ждать звонка из Лондона. Было ясно, что все кончено. А Лайам ждал ее звонка в Лондоне и постепенно приходил к тому же выводу. Им потребовалась всего пара недель – не лет и даже не месяцев, – чтобы разбежаться. То, о чем она предупреждала с самого начала, сбылось. Отношения оказались невозможными. Теперь Саша твердила себе, что это тот случай, когда чем раньше, тем лучше. Но от этого на душе не делалось

легче. При всей инфантильности и ребячестве обаяния Лайаму было не занимать, и она по нему скучала.

Только спустя два месяца Саша наконец немного успокоилась, но грусть оттого, что этот человек исчез из ее жизни, осталась. Только поделиться ею она ни с кем не могла. Собственно, об их отношениях никто и не знал, и теперь не к кому было обратиться за утешением. Саша ни с кем не могла пооткровенничать о своей короткой любви и поговорить о Лайаме. Оставалось только признать факт разрыва. Ха, все так и должно было случиться. Он оказался слишком незрелым, слишком непокорным, слишком неразумным и слишком упрямым в своем нежелании взростеть. Все это в полной мере проявилось в ссоре, предшествовавшей их разрыву, когда Лайам впал в так испугавшую ее ярость.

В феврале и марте Саша летала в Нью-Йорк. Татьяна была в восторге от новой работы. В галерее дела шли успешно. Саша планировала в апреле навестить Ксавье в Лондоне и уже начала внутренне готовиться к поездке, зная, что Лайам будет где-то поблизости. Она молилась, чтобы где-нибудь с ним не столкнуться, и в то же время боялась показать сыну, что избегает его приятеля.

Незадолго до поездки Эжени сообщила Саше, что от Лайама пришло письмо по электронной почте. Он закончил несколько новых полотен и просил Сашу приехать взглянуть. Лайам предлагал прислать диапозитивы, но одновременно выражал желание, чтобы Саша, как руководитель галереи, посмотрела на сами картины. Из письма следовало, что Лайам считает их своими лучшими работами.

– Ах да, – спохватилась Эжени в конце своего доклада, – еще он желает тебе всего наилучшего и надеется, что у тебя все в порядке.

У Саши и в самом деле все было в порядке. Теперь, когда после их расставания прошло уже больше двух месяцев, она чувствовала себя намного лучше, но до конца обида все же не прошла. «Всего наилучшего». Саша успела вкусить благодаря ему и наилучшего, и наихудшего. Она успела полюбить его, но Лайам одной выходкой ее остудил. Он повел себя как взбалмошный, капризный ребенок. Саша была сыта по горло этими самонадеянными художниками, которые уже далеко не юнцы, а все ведут себя под стать подросткам. В ее представлении в тридцать девять лет уже давно пора стать взрослым. При всем при том в душе не утихала обида, что Лайам так и не удосужился ей позвонить. А самой не позволяла гордость.

Она сказала Эжени, что вечером идет на званый ужин, и опять вспомнила о той ссоре из-за такого вот приема. На завтра ей предстояло лететь в Лондон к сыну. Как поступить с Лайамом и его новыми работами,

Саша пока не решила. Она, конечно, взялась представлять его интересы, но никакой спешки с новой встречей нет. Он поставил ее в весьма неловкое положение, а по сути дела – их обоих теперь. Саша была рада, что не ввела Лайама в свой круг. А то каждый раз ей бы пришлось краснеть, объясняясь по поводу его отсутствия. Да, она все сделала правильно!

Прием, на который она собиралась, устраивал посол США во Франции. Она знала, что приглашены несколько крупных художников и владельцев галерей, один находящийся в Париже американский писатель, а еще она слышала, что будет кто-то из голливудских звезд. Публика ожидалась разношерстная, а настроение у Саши было из рук вон. По причинам, известным лишь ей и Лайаму, в последние два месяца она частенько бывала раздражительна, хотя в последнее время приступы хандры случались все реже.

На прием Саша явилась в черном гипюровом платье и новых, очень элегантных туфлях. Волосы, как всегда, она собрала в пучок. Она сама не понимала, почему так тщательно приводит себя в порядок. «Просто захотелось», – говорила она себе. На прием она ехала одна, да ей никто и не был нужен. Особенно теперь, когда начался и так бесславно закончился их молниеносный роман с Лайамом. Саша только-только начала по кусочкам собирать себя после обрушившейся на нее страсти. Саша успешно убеждала себя в том, что иного развития отношений с Лайамом и быть не могло. Хотя в глубине души... Нет, впрочем, все к лучшему. Жить с таким человеком – врагу не пожелаешь. Теперь она уже не удивлялась, что от него ушла жена да еще и детей забрала. Двадцать лет жить с таким мужем – это кошмар!

Входя в резиденцию посла, Саша приказала себе не думать о Лайаме. Все приглашенные были ей знакомы, за исключением одной рок-звезды и двух актеров. В каком-то смысле и Париж был тесен. Как и весь мир.

За столом Сашино место оказалось рядом с одним из актеров, но тот едва перебросился с нею несколькими словами. Его больше интересовала соседка справа, жена голливудского продюсера. Он делал все, чтобы ее очаровать, и Саше волей-неволей пришлось обратить свой взор на соседа слева. Лицо его показалось ей знакомым, она напрягла память и вспомнила, откуда его знает. Когда-то он считался на Уолл-стрит финансовым гением, но отошел от дел. Когда-то на одной вечеринке в Саутгемптоне Артур их познакомил. Кажется, его звали Филип Хеншоу. Самое удивительное, что и он ее вспомнил.

– Лет десять, наверное, прошло, не меньше, – изумилась Саша. Он был приблизительно ровесник с Артуром – то есть ему где-то под шестьдесят.

«А Артура уже полтора года как нет», – подумала Саша.

– Должен признаться, вы тогда произвели на меня неизгладимое впечатление. Я ведь несколько раз наведывался в вашу галерею. – Он улыбнулся, и она отметила про себя, что он из тех мужчин, кто старится благородно. Саша не помнила, женат ли он, в разводе или вдовец, к тому же за это время он мог жениться вторично.

– В Нью-Йорке? – уточнила она. Разговаривать с ним было приятно, особенно по сравнению с соседом справа, который ее непростительно игнорировал.

– Нет, здесь, в Париже, – ответил он. – Я теперь здесь живу. – Сашу удивили его слова, она не понимала, что привело его в Париж. Он рано вышел на пенсию – как собирался и Артур. – У меня обе дочери вышли замуж за французов и переехали сюда. Когда жена умерла, я решил отдохнуть от Нью-Йорка. Я тут уже пять лет. Мне нравится. – Саша заметила, что Филип немного растягивает слова, как южанин, он сказал ей, что родом из Луизианы. Они с американским послом учились вместе в Вирджинском университете. А жена посла была уроженка Джорджии. Филип рассказал, что у него дом в Провансе и квартира в Лондоне. И там, и там он бывает не реже раза в месяц.

– А я как раз завтра лечу в Лондон, надо повидать сына и кое-кого из художников, чьи интересы я представляю, – улыбнулась Саша.

– Я тоже. То есть – тоже лечу в Лондон. Удивительное совпадение! – улыбнулся он. Разговор перешел на другие темы. Филип выразил ей соболезнование в связи со смертью Артура. – Тяжело остаться одной в таком возрасте, особенно когда столько лет жили душа в душу. Я хорошо помню, Артур обожал вас.

Саша была тронута до глубины души.

– Поэтому я и переехала жить в Париж. После смерти Артура оставаться в Нью-Йорке стало невыносимо, – призналась она.

– А ваш дом в Саутгемптоне еще существует? – поинтересовался он. Вот это память!

Саша со вздохом кивнула:

– Я там больше не бываю. Без Артура мне трудно там находиться.

Они еще немного поговорили, вспомнили общих знакомых. Этот разговор согрел ее сердце воспоминаниями о муже. И, к радости Саши, отвлек от мыслей о Лайаме. В последние два месяца они преследовали ее постоянно. Саша злилась на себя, но ничего не могла с собой поделать. Вот и сегодня, отправляясь на прием, Саша дала себе слово не думать о Лайаме, но снова и снова пыталась представить себе, как выглядел бы Лайам за

этим столом, как повел бы себя. Нет, без него ее жизнь течет спокойно и упорядоченно. Саша не была опустошена, как после смерти Артура. Разочарована и опечалена – да, но теперь мало-помалу в ней пробуждалось философское отношение к происшедшему.

По окончании приема Филип Хеншоу удивил ее, предложив поужинать вместе в Лондоне. У Саши тут же мелькнула мысль, что можно будет попытаться продать ему что-то из картин для его двух домов.

– Буду очень рада, – ответила она. Он предложил клуб «У Марка», который им с Артуром всегда нравился. Это было одно из заведений, принадлежащих тому же владельцу, что и «Аннабель». Потом Филип вызвался подвезти ее домой, Саша поблагодарила и отказалась, так как приехала на машине с шофером. Сама она не любила водить по ночам, особенно когда была в вечернем платье. Филип проводил ее до машины и пообещал на следующий день в Лондоне заехать за ней в «Клэридж» в семь часов. По дороге домой Саша думала о Филипе. Его нельзя было назвать обаятельным или неотразимым, но, по крайней мере, он был умен, воспитан и приятен в общении. И отчего бы не поужинать в Лондоне со старым знакомым? Планов Ксавье она пока не знала, но собиралась пообщаться с ним днем, а поужинать вместе они смогут на следующий день, если он не будет занят. Встретаться или нет с Лайамом, она пока не решила. Может, и вообще не стоит. Может, лучше послать в Лондон Бернара? Хотя тот наверняка сочтет странным, что она сама не повидалась с художником, тем более что тот жил в ее доме, когда приезжал в Париж. Будет нелегко придумать разумное объяснение. Как всегда с Лайамом, любая ситуация оборачивается для нее неловкостью.

Наутро она вылетела из аэропорта Ле Бурже и ровно в девять по местному времени была уже в Лондоне. К половине одиннадцатого Саша разместилась в своем люксе в «Клэридже». Она позвонила Ксавье, договорилась о встрече, после чего отправилась к своим художникам.

Ровно в час она вошла в выбранный сыном ресторан и, к своему ужасу, сразу увидела, что тот привел с собой Лайама. То, что Лайам явно был смущен, служило слабым утешением. Как потом оказалось, он все утро находился в мастерской у Ксавье и тот не мог найти благовидного предлога, чтобы не брать его с собой, тем более что Саша теперь опекала его. Лайама Ксавье обожал, хотя сегодня предпочел бы побыть с матерью наедине. Они давно не откровенничали.

– Добрый день, Лайам, – кивнула Саша. Тот встал ее поприветствовать. Перспектива провести обед в его компании пугала Сашу. Они впервые виделись с того момента, как он покинул ее парижский дом.



Как всегда, Лайам был в эксцентричном одеянии. Футболка, кожаная куртка, бейсболка – и на этот раз запачканные краской брюки и красные кроссовки. И как всегда, Лайам был невероятно хорош собой. А его белокурые волосы, собранные в хвост, за два месяца стали еще длиннее.

– Как поживаешь, Саша? – наконец выдавил Лайам. До этого момента разговор вел Ксавье, который с удивлением отметил напряжение между его матерью и другом. Раньше их отношения казались ему вполне дружелюбными. Сейчас он вдруг понял, что в последнее время ни разу не слышал имени Саши из уст Лайама.

– У вас что, проявились разногласия во взглядах на изобразительное искусство? – развеселился Ксавье. Он хорошо знал обоих, они умели быть достаточно категоричными в своих суждениях. Атмосфера была явно накалена. Вот-вот искры посыплются.

– Да, вроде того, – ответил Лайам сердито.

– Ничего подобного, – почти одновременно возразила Саша.

– Так как это понимать? Да или нет? – еще больше оживился Ксавье. Он смеялся, его друг нервно ерзал в кресле, а Саша хранила ледяное молчание.

– Я гостил у твоей матери в Париже, а она не взяла меня с собой на прием. По-моему, это невежливо, с гостями так не поступают!

«Это как посмотреть», – подумала про себя Саша. Не хватало только Ксавье втянуть в свои выяснения, тем более что он не совсем в курсе дела, а посвящать его в подробности она не собиралась. Саша была рада уже и тому, что, судя по недоумению сына, у Лайама хватило ума с ним не откровенничать.

– А что, скажи мне, на тебе было надето, когда она отказалась пойти с тобой? – поинтересовался Ксавье, а Лайам и Саша – недавние любовники – испепелили друг друга негодующими взглядами. Было ясно, что Лайам еще не остыл.

– Ну... то же, что всегда... Какая разница? – прорычал Лайам.

– Разница очень большая, если учесть, на какие приемы маму обычно приглашают. Сразу тебе говорю: поэтому она тебя и не взяла. – Ксавье говорил так, словно Саши рядом не было. Та продолжала молчать. – Она и меня не берет. Все ее знакомые ужасные снобы и страшно скучная публика. Прости, мам. – Он повернулся к матери с извиняющимся выражением.

Саша пожала плечами.

– Именно это я и сказала твоему другу, – вступила она в разговор. – Я говорила, что с этими людьми надо вести себя соответствующе. А твой друг очень рассердился и объяснил мне, что никто не может ему

приказывать, что и как ему делать.

– Ну... командовать им ты действительно не можешь, – заметил Ксавье и повернулся в Лайаму: – А что это еще за фортели? С фортелями – и на такие приемы? Лично я бы еще и приплатил, чтобы только мать меня с собой не тащила. Ненавижу великосветские тусовки.

– Я тоже. Я просто не люблю, когда меня, как малого ребенка, оставляют сидеть дома. Или диктуют, как где я должен себя вести.

– Лайам, да что тебе с того, что она тебя возьмет на какой-то там прием? Ты же художник, работающий с ее галереей, не муж ведь! Папа тоже эти мероприятия не очень-то любил. Просто он любил маму и ходил с ней, если надо было появляться непременно вдвоем. – Саша улыбнулась, а Лайам призадумался. – Так себя только ревнивые любовники ведут, – уговаривал Ксавье, даже не пытаясь разобраться в этой странной ситуации.

– Или избалованные дети, – поспешно добавила Саша. – Я ему лишь сказала, что существуют правила приличия. А Лайам заявил, что будет вести себя так, как ему удобно. Только и всего. – Если бы! Но, слава богу, об остальном Ксавье не догадывался. И, учитывая, что только что сказал Лайам, Саша не переставала удивляться, что сын еще ничего не заподозрил. Ему и в голову не приходило, что мать спала с его другом. Она повернулась к Лайаму и повторила то, что сказала ему два месяца назад при расставании: – Когда захочешь одеться и вести себя как взрослый человек, я охотно возьму тебя на любой прием. А пока... – Голос у нее дрогнул, Лайам закатил глаза.

– Ты говоришь, как мой папаша! – Он гневно смотрел на Сашу. Ксавье не верил своим глазам. Мама права! Лайам ведет себя как мальчишка. Ксавье не всегда становился на сторону матери, но на этот раз чувствовал, что обязан это сделать.

– Так то было в детстве, – напомнил он приятелю. – А теперь ты сам взрослый. Только что сорок лет стукнуло. Черт, да ты совсем старик... – Он прикусил язык. – Извини, мам.

– Ничего страшного. Это еще не старость, но достаточно зрелый возраст, чтобы не устраивать сцен из-за какой-то вечеринки.

– Отец с братьями меня никогда с собой не брали. Отец называл меня идиотом, братья считали придурком. Я всегда у них был лишний. Потому и из Сан-Франциско уехал. С детства сыт по горло упреками и советами. Я устал от этого всего. И никогда не позволю больше так со мной обращаться!

– Да ты небось и был чудаковатым, – улыбнулся Ксавье. Саша же следила за Лайамом и по выражению его лица поняла, что, наверное, задела

какие-то очень болезненные струны в его душе. Это она понимала и раньше и жалела его. Ведь у него не было рядом матери, чтобы защитить от бесчувственности и жестокости отца и братьев. Сейчас, глядя на него, ей захотелось его обнять и утешить, но это было невозможно. – Ты и теперь иногда бываешь странным, – продолжал Ксавье. – А вообще... что же удивительного?! Ты же художник. Я вот тоже странный – это признак таланта. Мне тоже нравится быть не таким, как все. А уж на эти приемы меня ни за какие коврижки не затащишь, нечего нам, художникам, там делать.

– Мне просто было обидно, что меня оставляют вне игры. Сразу вспомнилось детство золотое. Мне было заявлено, что меня никуда не возьмут, пока я не стану вести себя, как благоразумный человек, каковым я не являюсь. Наверное, я вспылал из-за каких-то прошлых обид. – Лайам бросил нервный взгляд на Сашу, ему явно хотелось извиниться, но переступить через себя он не мог. Они встретились взглядами и долго изучали друг друга, но Ксавье этого, к счастью, не заметил.

– Черт, старик, ты ведь всего-навсего у нее гостил. Она в любом случае не могла бы взять тебя на эту тусовку.

– Не могла, – подтвердила Саша, – и спор был скорее умозрительный. На тему свободы личности и пределов этой свободы.

– Точнее, ограничения этой свободы, – добавил Лайам. – Когда меня унижают, я злюсь – это естественно. В детстве меня вечно оставляли дома, как будто я им был неродной. Или недостойн их общества. Вечно старались ущемить, заткнуть, поставить подножку. Невыносимо!

Саша поняла, что корни у этого комплекса еще глубже. По-видимому, ранняя смерть матери усугубила обиды и одиночество, лишив Лайама поддержки, какую мать ему оказывала. Вот с кем она тогда ругалась! С семилетним мальчиком, оставшимся без матери. Никто не мог его защитить, и тогда Лайам сам кинулся на свою защиту, как волчонок, брошенный и беспомощный. Бедный, бедный Лайам. Она сидела и слушала, и у нее сердце обливалось кровью.

– Ну, хорошо. Что же мы теперь, так и будем толочь воду в ступе? – повернулся к другу Ксавье. – Ясно, что у тебя был какой-то срыв, приступ или еще не знаю что. Моя мать посещает самые скучные на свете тусовки, на которые ни один здравомыслящий человек добровольно не потащится. А ты свободный художник, тебя-то что туда потянуло? Тебе с этими людьми делать нечего. С моей-то мамой все в порядке, но вот с ее окружением общаться невозможно. Таким, как мы с тобой, надо вращаться в своем кругу. И ни в коем случае не с теми, кому она пытается наши вещи

продавать. Это просто горе какое-то. Поверь мне, ты бы там умер со скуки. Послушайте, может, в конце концов, пообедаем спокойно? Я сейчас пойду в туалет, а вы двое поцелуйтесь и помиритесь, иначе она будет на тебя сердиться и твоих картин продавать не станет. А когда вернусь, мы чудесно проведем время, как в прошлый раз. Хорошо, дети мои? – Они улыбнулись. Не зная всего, Ксавье растопил лед, который они не могли растопить целых два месяца. – Вот и молодцы! – Ксавье встал и удалился, а Лайам сидел и смотрел на Сашу. Он все еще был влюблен, а теперь, спасибо Ксавье, больше не сердился. Теперь, по зрелом размышлении, он понял, что причина ссоры была не в Саше. Просто она задела его за живое, и он завелся. До такой степени, что перестал слышать доводы разума, пока сегодня, спустя два месяца, Ксавье не помог ему все расставить по своим местам.

– Саша, прости меня, – тихо проговорил Лайам. – Я так по тебе скучал! Ты самая упрямая женщина на земле. Ты мне так и не позвонила.

– Ты мне тоже. И я тоже по тебе скучала. Ты меня тоже прости. Я не предполагала, как много это все для тебя значит. Теперь знаю. Я не хотела сделать тебе больно. – Она коснулась его руки.

– Ты не хотела. А они – да. Я на мгновение перепутал тебя с ними. – Мгновение вышло слишком долгим. Длинной в два с лишним месяца. – Давай до твоего отъезда сходим куда-нибудь? – Она кивнула, и в этот момент вернулся Ксавье.

– Все опять счастливы?

– И даже очень, – улыбнулась Саша. – Ты, я вижу, просто дипломат. Мне надо к тебе чаще обращаться.

Они заказали еду, мужчины завели разговор о работе, а Саша сидела и слушала. Больше всего на свете Саша любила общаться с художниками, слушать их споры, погружаться в стихию творчества. После обеда поехали в студию к Лайаму посмотреть его последние работы. Они оказались еще интереснее прежних. Саша была довольна.

– Бог мой, Лайам, они чудесны! – Саша отчетливо понимала, что эти его картины словно были написаны кровью, столько в них было вложено души.

– У тебя работа идет лучше, когда ты злишься, – заметил Ксавье.

– Бывает, – уныло согласился Лайам, что не укрылось от Саши. Она незаметно стиснула его руку. – Но в данном случае злился я только вначале. Мне стало себя очень жалко. Вот в таком состоянии у меня действительно выходит лучше всего. Стыдно признаваться, но это так. – Сейчас, когда он смотрел на свои картины, вид у него был крайне измученный. Эти два

месяца без Саши дались ему тяжело.

– Со мной то же самое, – поддакнул Ксавье.

– А я вот такой работоспособностью похвастаться не могу, – откровенно призналась Саша. Последние два месяца она тоже очень страдала. А сейчас, как ни хотелось остаться с Лайамом наедине, ей надо было спешить на другую встречу. Но она была довольна уже тем, что увидела его работы и они оказались выше всех похвал. Он сумел справиться с обидой, дурным настроением. И, может быть, им обоим будет только лучше, если теперь они ограничат свои отношения делами. Их короткий роман и впрямь почти не обернулся катастрофой. Спасибо Ксавье, сумел их примирить, сам того не ведая.

– У вас обоих вечер свободен? – спросил Лайам с надеждой, провожая Сашу. Она уже опаздывала.

– У меня занят, – быстро ответила она. У Ксавье тоже оказалось свидание.

– Неужели очередной скучный прием? – посочувствовал Саше Лайам.

– Нет, ужин с потенциальным заказчиком. – Она не обязана ему ничего объяснять. Война окончена, но и роман тоже. Если ничего не случится, отныне они – друзья.

– А завтра? – настаивал Лайам. Ему хотелось еще повидаться с ней до ее отъезда, а общество Ксавье теперь было им даже на пользу.

– Я не занят, – отозвался Ксавье.

– Я тоже, – сказала Саша, хотя, по правде говоря, ей бы хотелось провести время с сыном наедине. С Лайамом все будет по-другому.

Тот предложил поужинать вместе в его любимом пабе. Ксавье с готовностью согласился, Саша – с некоторой неохотой, но после сегодняшнего объяснения она не хотела обижать Лайама. В конце концов, с Ксавье можно будет позавтракать на следующий день, перед рейсом.

Они договорились, что завтра Саша заедет за ними на своей машине с шофером, хотя она не была любительницей шумных вечеринок. Она соглашалась ради них обоих. Ну, может быть, чуточку больше – ради Лайама. Уходила она с каким-то почти материнским чувством к нему.

Всю вторую половину дня Саша провела в делах и едва-едва успела в отель, чтобы привести себя в порядок до появления Филипа. Она причесывалась, когда позвонил Лайам.

– Я рад, что мы сегодня встретились, – произнес он. – Ксавье нам обоим оказал большую услугу. Во всяком случае, мне. Мне правда очень стыдно, что я так распахивался в Париже.

– Все в порядке, – успокоила Саша, держа в одной руке трубку, а в

другой расческу. – Сегодня все происшедшее и для меня предстало в ином свете. – Про его детские обиды тогда, в Париже, она не подумала. Конечно, Лайаму нужна была любовь и забота, но Саша не хотела брать на себя роль матери. Ей хватает своих детей. Может быть, ему мать нужна даже больше возлюбленной. Но она рядом с ним чувствовала себя еще старше, чем на самом деле. Может, ведя дела Лайама, она сумеет дать ему больше, чем в качестве любовницы.

Многие художники, с кем она имела дело, нуждались в опеке и ждали ее от Саши. Ее работа с ними отчасти заключалась в воспитании. Она не возражала, с Лайамом уж во всяком случае. Может быть, ему это поможет. Ее единственным интересом в этом оставались комиссионные галереи. Ее по-прежнему к нему влекло, и при виде Лайама ее пронзал все тот же электрический разряд, но чувства к нему у нее теперь изменились. Они, эти чувства, словно ушли вглубь, на самое доньшко ее души. Она любила его, но уже без той безрассудной страсти, чтобы срывать с него одежду при одном взгляде. Переживания двух последних месяцев обрели более четкие контуры, и сейчас Саша более всего испытывала к нему сочувствие. Это было более созидательное чувство, чем то дурманящее безумие, какое охватывало ее в начале их знакомства. С другой стороны, она все еще не могла не вспоминать их прежние отношения. С последней их встречи ее чувства как будто стали более зрелыми и трансформировались во что-то новое. Теперь она готова быть его дилером и другом, не более.

– Ты счастлива? – спросил Лайам, и Саша улыбнулась.

– Если тебя интересует, есть ли у меня кто-то, то ответ отрицательный. Чтобы прийти в себя, мне потребовалось время. Когда ты уехал из Парижа, я была очень несчастна. – Особенно ей было тяжело терять любимого мужчину во второй раз – после утраты Артура. – Я справилась. Ты помнишь, Лайам, с самого начала я сомневалась, что у нас что-нибудь получится. Что ж, я убедилась в своей правоте.

– Если бы я не разошелся тогда, не полез бы в бутылку, все бы у нас получилось, – признался Лайам.

– Да нет, Лайам, может, ты как раз и был тогда прав. С моей стороны это тоже был не лучший поступок – оставлять тебя дома и держать взаперти, будто втайне от всех. Но я тогда не знала, что мне делать.

– Да и я тоже. Сейчас мне вообще это все кажется ерундой, а тогда почему-то имело большое значение.

– И для меня тоже. Я рада, что Ксавье нас помирил.

– Он у тебя замечательный, Саша.

– Я знаю. Я очень счастливая мать. – Тут она посмотрела на часы. До

прихода Филипа остается десять минут, а она еще не готова. – Прости меня, ради бога, но мне пора бежать. Через десять минут за мной должны заехать.

– Знаешь, мне почему-то кажется, что у тебя не деловая встреча, а свидание. – Он почти угадал. Это было нечто среднее между тем и другим, но Лайама это уже не касается.

– Это у тебя навязчивая идея, – рассмеялась она. – Иди что-нибудь напиши. У тебя получится. Завтра увидимся.

– Приятного вечера.

В Сашиной душе что-то дрогнуло, но теперь она уже вполне владела собой. Время сделало свое дело – она выздоровела.

– Спасибо, Лайам, пока!

Следующие несколько минут она судорожно собиралась, всячески отгоняя мысли о Лайаме. К тому моменту, как снизу позвонил Филип, она уже была готова. К Сашиному удивлению, они провели чудесный вечер. Все было соблюдено – комплименты, ухаживание, интересный умный разговор. Филип оказался симпатичным человеком и приятным собеседником. У него за спиной была интересная карьера, к тому же он много путешествовал и имел друзей по всему свету. Он играл в теннис и гольф, читал запоем, всерьез интересовался искусством и был искренне привязан к своим детям и внукам. Сашино сердце было спокойно, но она с большим удовольствием провела с ним вечер. Саша неожиданно обнаружила, что спокойное общение без шквала эмоций и страстей нравится ей куда больше. С Филипом ей было легко, она оставалась в согласии с собой. И вопрос о том, удастся ли ему что-нибудь продать, ее даже не волновал.

Пужинали они в клубе «У Марка», а потом он повез ее в «Аннабель». А после двенадцати ночи, как и полагается в приличном обществе, она уже была в отеле. Назавтра Филип должен был лететь в Голландию, смотреть заказанную яхту, а по возвращении в Париж обещал позвонить. Общество такого умного и приятного человека было для Саши подлинным наслаждением. Никакого возбуждения и муки, которые она испытывала с Лайамом, тут не было и в помине.

Она хорошо выспалась, на другой день повидалась с одним художником, побывала в двух галереях и прошлась по магазинам. В отель вернулась как раз вовремя, чтобы успеть переодеться и привести себя в порядок перед встречей с Ксавье и Лайамом. У Саши было такое чувство, словно она выходит в свет с двумя сыновьями. Она усмехнулась при мысли об этом. Как она и опасалась, выбранный Лайамом паб оказался заполнен

до отказа. Шум стоял такой, что они с трудом слышали друг друга. За столом приходилось буквально перекрикиваться. Поужинав, они переместились в бар, где Ксавье принялся напропалую флиртовать с девицами, в то время как Лайам пытался поддерживать с Сашей интеллектуальную беседу. Она не могла дожидаться, когда этот вечер закончится, а он все продолжался и продолжался. Было странно находиться там вместе с Лайамом. Вокруг них вились женщины, откровенно вешаясь ему на шею, и всем им было по двадцать с небольшим лет. Саша смотрела на него и на стайку его воздыхательниц и все больше убеждалась, что ей тут не место. Минут через десять она объявила, что у нее раскалывается голова. И оставила мужчин продолжать веселиться и пьянствовать. На момент ее ухода ни один из них не был пьян, но Саша не сомневалась, что еще немного, и градус будет набран. Насколько разительно этот вечер отличался от вчерашнего, проведенного в обществе Филипа! Вчера все было исключительно корректно и достойно, сегодня же она окунулась в сплошной гвалт, хаос и буйство. По дороге в отель Саша вдруг поняла, что никогда еще не чувствовала себя такой старой и нелепой. Она не понимала, почему, но при виде Лайама впадала в тоску. Это была расплата за глупость, за то, что она с ним связалась. Теперь всякий раз, встречая его, она будет мучиться воспоминаниями о том, что между ними было и чем это все закончилось. Лайам – не ее мужчина. Никогда бы она не смогла переделать его, и многие годы были бы потрачены понапрасну. А там не за горами снова одиночество и старость.

Саша с большим облегчением вернулась в отель и разделась. Надела ночную рубашку и легла в постель, наслаждаясь тишиной, и снова подумала о Лайаме. Как странно теперь было думать, что еще недавно он принадлежал ей, а теперь принадлежит всем этим молоденьким шумным девицам. А кому принадлежит она? Никому! Она чувствовала себя одинокой и рядом с Лайамом, и в своем кругу.

В одиннадцать часов она погасила свет и быстро уснула. Разбудил ее телефонный звонок. Саша не сразу поняла, где находится. Голос в трубке был хорошо знаком.

– Я в вестибюле, – с ходу объявил он.

– Кто это?

– Лайам.

– Я уже сплю.

– Голова прошла?

– Уже лучше. – Саша не стала признаваться, что никакой головной боли не было.



– Мне надо с тобой поговорить. – В его голосе звучало нетерпение.

– Я тебе завтра позвоню. – Ей не хотелось его видеть. От этого она станет лишь еще более жалкой. Сегодня она оставила его в родной среде, в пабе, в окружении хорошеньких женщин. Что еще ему от нее нужно?!

– Я не хочу ждать до завтра. Саша, пожалуйста... разреши мне подняться к тебе.

– Не думаю, что это удачная мысль. – Она окончательно проснулась. – Мы наконец все расставили по своим местам. Мы друзья. Давай не будем ничего портить рассуждениями о том, что и почему у нас не сложилось. Ты счастлив. Я счастлива. И нет смысла все начинать сначала.

– Я не собираюсь ничего обсуждать. Я просто хочу тебя увидеть.

– Я выгляжу точно так же, как два часа назад, только теперь я не в джинсах, а в ночной рубашке.

– Ну пожалуйста... Ведь ты завтра улетаешь. – В его голосе слышалась мольба.

– Я позвоню тебе из Парижа. – Саша была непреклонна.

– Я не хочу разговаривать с тобой за тридевять земель. Сейчас ты здесь. Я хочу тебя видеть.

– Ты пьян? – забеспокоилась она.

– Нет. Но если ты меня непустишь – напьюсь.

Она знала, что он обязательно осуществит свою угрозу. Ни одной разумной причины для встречи она придумать не могла. А вот против нее была масса доводов. Сашу по-прежнему влекло к Лайаму, и она не хотела больше никаких безумств.

– Черт... Ну хорошо. Поднимайся. Но имей в виду: если будешь себя плохо вести, я вызову охрану и тебя выставят на улицу.

– Я не стану делать глупостей. Обещаю.

Саша встала с постели, набросила халат и прошла в гостиную. Не успела и поясок завязать, а Лайам уже был тут как тут. Он коротко постучал в дверь. Саша открыла и посмотрела на него. Высокий, худощавый, красивый. Внутри у нее все опять всколыхнулось, но на сей раз она не стала себе потакать. Она отступила в номер и пригласила его войти.

– Прости... Сам не знаю, что на меня нашло... Но я должен был тебя увидеть, Саша.

– Ну вот, считай, что увидел. – Она улыбнулась и села в кресло, а Лайам подошел, опустился на колени и обвил ее руками.

– Прости, что я так глупо себя вел. Я думал, что ты меня унижаешь, и взбесился. В тот вечер мне захотелось, чтобы ты взяла меня с собой. Чтобы ты мною гордилась. Только тогда я не сумел тебе все как надо объяснить.

– Я тоже не лучшим образом себя вела. И чем сильнее ты злился, тем упрямее становилась я. Я же говорила тебе, это невозможно. У нас никогда ничего не могло сложиться.

– Это и теперь возможно, если захотеть. Я много над этим думал.

– Пожалуйста, не начинай все сызнова. Я не хочу с тобой спорить. И глупостей я больше делать не стану! – Говоря это, она скрестила руки на груди. Саше ужасно хотелось его обнять, но она твердо решила ничего такого не допустить. Она по-прежнему испытывала к нему сильное влечение. А Лайам был не совсем трезв. Смертельно опасное сочетание, в чем они уже не раз убеждались.

– Кто твой вчерашний спутник?

– Обаятельный, умный, респектабельный и невероятно скучный, – не задумываясь, выпалила она и только тут спохватилась: – Ушам своим не верю. Что же это я говорю?! Я замечательно провела время с исключительно интеллигентным и достойным человеком. Сама не знаю, почему я так сказала. – Саша расстроилась. Слова сами сорвались у нее с языка.

– Может быть, потому, что это правда, а? Саша, я тебя люблю. – В его голосе было отчаяние. – И пусть наши отношения будут тайной для всех – для меня не имеет значения. Теперь я понимаю, что конспирация – вынужденная мера. В противном случае все может пойти вверх дном. И мне безразлично, что мы вообще никогда не покажемся в обществе вместе. Я просто хочу быть с тобой, хочу вернуть то, что у нас было, пока я все не испортил.

– Ничего ты не испортил, – остановила его Саша. – Мы оба в равной степени виноваты. Не надо было ничего начинать. Я же тебе говорила, Лайам! А знаешь, может быть, нам еще повезло. Мы друг друга обидели, но хотя бы не сделали ничего непоправимого. А в следующий раз все может обернуться куда хуже. Давай расстанемся, пока не натворили дел. Я буду твоим агентом, ты – моим художником. – Он стоял перед ней, потом нагнулся и поцеловал. Ненавидя себя за это, Саша ответила. – Ну, хорошо, я тебя люблю. Но это ничего не меняет. Я не собираюсь поддерживать никаких отношений. Это невозможно. *Невозможно*. Сколько мне раз тебе повторять? – Он снова поцеловал ее, а когда отпустил, она совсем задохнулась. – Лайам... пожалуйста... не надо... Мы опять потеряем голову.

Он не мог остановиться и все целовал и целовал ее. А она целовала и целовала его.

– Я уже и так потерял голову, – несчастным голосом произнес он. –

Места себе не нахожу с тех самых пор, как ушел от тебя в Париже, глупец.

– Вовсе ты не глупец. И я не хочу ни от кого тебя прятать. Ты был прав. Ты заслуживаешь лучшего. А я тебе этого дать не могу. Я не готова объявить на весь свет, что у меня появился возлюбленный на десять лет моложе.

– Девять, – сказал он между двумя поце-луями.

– Что – девять? – У Саши голова шла кругом. Все мысли перемешались.

– На девять лет, а не на десять. Не надо преувеличивать.

– Хорошо, на девять. Все равно я не готова делать это обстоятельство достоянием гласности. И ты достоин лучшего, чем играть роль тайного любовника.

– Я лучше буду твоим тайным любовником, чем чьим-то официальным.

– Я занимаюсь твоими делами, я представляю твои интересы.

– А я хочу, чтобы ты была моей возлюбленной. – Это было единственное, о чем сейчас, в пылу поцелуев, мечтала и она. Но стоит вернуться к этому, как все опять запутается, как тогда в Париже. – А я хочу быть твоим шальным худож-ником.

Саша рассмеялась.

– Ну, ты в любом случае мой шальной художник, даже если я для тебя только дилер.

– Саша, ну давай сделаем еще одну попытку. Пожалуйста! Ради нас обоих. Я тебя действительно люблю.

– Я тебя тоже люблю. Но я не хочу, чтобы мы опять мучили друг друга. А это вполне может случиться. И ты это знаешь. Я непременно сделаю что-то такое, что тебя взбесит, невольно чем-то тебя обижу. И ты явишься на музейный совет в набедренной повязке и кроссовках.

– В набедренной повязке? – Лайам сделал шаг назад и взгляделся в ее лицо. – В набедренной повязке? У меня ее даже нет!

– Так купи! – улыбнулась она. – У каждого шального художника должна быть набедренная повязка.

– А тога не подойдет? Я мог бы нагряться на музейный совет или на официальный прием, завернувшись в простыню. – Лайам чувствовал, что Саша сдается, и продолжал глупую болтовню.

– Это слишком просто, – проговорила Саша в промежутке между поцелуями. Он уже держал ее в объятиях, потом поднял на руки, отнес в спальню и уложил на ту самую постель, где они впервые принадлежали друг другу. Он замер и испытующе посмотрел на нее.

– Если ты не хочешь, я тебя не заставляю, – тихо проговорил он.

– Да уж, пожалуйста... – улыбнулась она. – Господи, Лайам... Что мы делаем?

– Мы продолжаем с того места, на котором остановились, только в усовершенствованном варианте, – убежденно объявил он.

– Откуда такая уверенность?

– Потому такая уверенность, что я люблю тебя намного сильнее, чем два месяца назад. И хочу, чтобы у нас все получилось. И хочу доказать тебе, что это возможно, а ты ошибалась, когда уверяла в обратном. Я хочу, чтобы ты оказалась не права.

– Я тоже, – прошептала она и протянула к нему руки. Он развязал поясок халата, а она стала торопливо снимать одежду с Лайама. Ей хотелось верить, что это возможно. И что все у них будет хорошо. Хотелось не обмануть его ожиданий, хотелось, чтобы он стал воплощением ее самой дерзкой мечты. Они набросились друг на друга, и оказалось, все это время им так не хватало друг друга!

– Поверить не могу, что мы опять это делаем, – сказала Саша, чуть отстранившись от Лайама. Но вид ее говорил о другом.

– Это ты сумасшедшая! – Он улыбнулся. – А я, как известно, шальной художник. – В его голосе слышалась гордость и сознание того, что он занял по праву принадлежащее ему место.

## Глава 10

Наутро, прежде чем Лайам покинул ее номер, они опять занимались любовью. Потом вместе принимали душ и беспрерывно смеялись. Теперь они оба почему-то воспринимали свои отношения с изрядной долей юмора и каким-то удивлением, с легким сердцем и великодушием, которых им недоставало до той парижской ссоры. И опять больше всего Саше хотелось верить, что отношения с Лайамом возможны. Но при той разнице в образе жизни и в возрасте, которая их разделяла, трудно было представить, какую форму они примут. Все будет зависеть от степени терпимости, какую они готовы проявить по отношению друг к другу. По ее мнению, ключ к успеху заключался именно в этом – в способности каждого позволить другому оставаться собой. А вот в этом-то как раз она и сомневалась. И чтобы что-то у них получилось, потребуется терпение, огромное желание, а может, даже чудо.

На прощание Лайам ее поцеловал. Она стояла в дверях номера в махровом халате и молча смотрела ему вслед. О чем она думала? Она и сама не смогла бы ответить на этот вопрос. Хотела быть с ним и страшилась общего будущего, знала, что не в силах перед ним устоять и одновременно хотела быть сильной, чтобы суметь справиться со всепоглощающим желанием. Он обернулся, улыбнулся ей, их глаза встретились, и все в ее душе растаяло. Саша любила его еще сильнее, чем прежде, такого, какой есть.

Через полчаса она встретилась в вестибюле с Ксавье. Саша так и сияла. Лайам пообещал на выходные прилететь в Париж, а у нее созрел еще один план. Она давно собиралась в Италию, познакомиться с новыми художниками, и наметила для этой поездки май. Теперь она решила взять с собой Лайама, и в выходные она ему об этом скажет.

– У тебя такой счастливый вид! – заметил Ксавье с улыбкой. – Что происходит, мам? – Он уже начинал думать, что дело в том человеке, с которым Саша встречалась в свой первый вечер в Лондоне. Он не стал ходить вокруг да около. – У тебя роман с тем парнем?

– Да нет. Он симпатичный, но скучный. – Филип Хеншоу ей понравился, хотя никакого влечения она не испытала. Теперь, когда к ней вернулся Лайам, о Филипе она и думать забыла. Саша понимала, что возобновлять отношения с Лайамом – чистое безумие, но ей так хотелось предпринять вторую попытку. Она говорила себе, что делать из раза в раз

одно и то же и ожидать другого результата как раз и есть признак помешательства. Но устоять перед ним было выше ее сил, сейчас она была абсолютно счастлива, что Лайам снова рядом. И не могла дожидаться выходных. Они обсуждали и возможность ее регулярных поездок в Лондон, но Саша боялась, что об этом так или иначе скоро станет известно сыну. Открываться детям она пока не собиралась. Сначала надо убедиться, что из этих отношений что-то получается.

Водитель отвез ее в аэропорт. В Париж Саша вернулась в таком же прекрасном настроении. Бернар с Эжени заметили это сразу, как только она переступила порог галереи.

– У тебя хорошее настроение, – вежливо заметил Бернар.

А вечером, придя домой, она обрадовалась щенку. Теперь, когда Лайам снова вернулся в ее жизнь, она радовалась всему и всем. С Лайамом сама ее жизнь делалась другой. Радостной, непредсказуемой.

Неделя была насыщена делами, а в пятницу вечером Саша стала готовиться к приезду Лайама. Она приготовила его любимое жаркое, спагетти и салат, накупила сладостей в магазине деликатесов «Фошон». Лайам прилетел точно по расписанию. Они ужинали в столовой, со свечами и музыкой. Это было похоже на медовый месяц, а точнее – на медовый вечер. А в субботу Саша объявила, что приглашает его с собой в мае в трехнедельную поездку по Италии. Лайам пришел в восторг. Все складывалось замечательно.

Весь апрель на уик-энды Лайам прилетал в Париж. Один раз они вместе ездили в Довиль. Остановились в занятом старом отеле, гуляли по берегу моря и играли в казино. Удивительным образом никто из Сашиного окружения пока не догадывался об их романе. Лайам приезжал в пятницу на ночь глядя, по субботам они на людях не появлялись, а по воскресеньям гуляли по городу или уезжали на машине за город. Они ходили на мессу в Сакре-Кёр, гуляли по Люксембургскому саду, по набережным. Никого знакомых не встречали, а на все приглашения, выпадавшие на выходные дни, Саша отвечала отказом. И не потому, что стремилась спрятать Лайама от своих знакомых, а потому, что дорожила каждым мигот, проведенным вдвоем. Пару раз они ужинали в Маре в компании его друзей-художников, которые, узнав, кто она такая, были потрясены. Большинство этих парней были вдвое моложе ее, отчего Саша чувствовала себя не в своей тарелке, но всякий раз говорила себе, что это лишь малая жертва, которую надо принести ради Лайама. Своим приятелям Лайам представлял ее как мать своего друга. Она понимала, что ему необходимо общаться с людьми своего круга. Она со своими заказчиками, знакомыми и друзьями встречалась в

будние дни, пока Лайам был в Лондоне. Они договорились, что будут жить по такому расписанию. Если бы Лайам оставался в Париже в будни, это все усложнило бы, тогда их роман уже не удалось бы скрывать, тем более что галерея находится в том же доме, где Сашина квартира. Они условились не выставлять своих отношений напоказ, пока сами не решат, что это у них серьезно.

Первого мая они отправились в Италию. Начать поездку решили с Венеции, где провели четыре восхитительных дня. Они чувствовали себя молодоженами. Лайам прилетел из Лондона, Саша – из Парижа, и встретились они уже в отеле. Они исполнили весь набор туристических развлечений, проехали на гондоле под мостом Вздохов, что, по заверению гондольера, должно было навеки привязать их друг к другу. Предавались чревоугодию в ресторанах, ходили по магазинам, осматривали соборы и музеи, сидели в уличных кафе. Это были их самые счастливые дни.

В Венеции они взяли напрокат машину и поехали во Флоренцию, где у Саши были назначены встречи с четырьмя художниками. Здесь их программа была практически такой же, как в Венеции, а в промежутках они общались с художниками. Работы двух из них заинтересовали Сашу. Они могли бы занять достойное место в ее галерее. Насчет третьего, скульптора, она пока сомневалась и взяла время на раздумье. Работы его были весьма необычные и, пожалуй, несколько громоздки для ее залов. Четвертый оказался самым обаятельным из всех, но работы его Саша отвергла, не колеблясь, деликатно объяснив, что ее галерея еще не доросла до такого искусства. Она не любила говорить людям неприятные вещи. Зачем оскорблять их в лучших чувствах, открыто высказывать свое неприятие, когда кому-то то, что они делают, может очень даже нравиться. Лайаму все больше импонировала Сашина манера вести дела. Он видел, что она доброжелательный тонкий профессионал и тактичный, искренний человек.

Они съездили в Болонью и Ареццо, неделю провели в Умбрии, путешествуя по сельской местности и ночуя в маленьких гостиницах. Несколько дней посвятили Риму. Потом съездили еще к одному художнику в Бари на берегу Адриатики, после чего провели заключительные дни своего турне в Неаполе, где у Саши тоже была намечена встреча с одной художницей. Она предупредила Лайама, что та совершенно чокнутая, но художница оказалась очень милая, имела шестерых детей, накормила гостей фантастическим ужином, а ее работы привели и Сашу, и Лайама в восторг. Она писала огромные красочные полотна. Способ их транспортировки заранее приводил Сашу в ужас. Но к моменту

расставания они были просто влюблены друг в друга, включая и возлюбленного художницы, китайца, отца ее шестерых отпрысков. Дети тоже были очаровательные. Словом, поездка удалась на славу.

Последние выходные перед отъездом они провели на Капри, в маленьком романтичном отельчике. Скорое возвращение к повседневной жизни навевало на обоих грусть. Саше нравилось просыпаться рядом с Лайамом, вечером засыпать в его объятиях, вместе совершать открытия, знакомиться с новыми людьми, да и просто гулять по историческим местам, впитывать дух прошлых времен и радоваться жизни. Здесь они словно пробегали годы своей жизни, повернув их вспять. Детство у обоих было непростое и в каком-то смысле одинокое. У Лайама – потому что он, со своим даром, никак не вписывался в суровый уклад его семьи, у нее – потому что она рано лишилась матери, а отец по большей части выполнял роль строгого ментора, хоть и любил дочь без памяти. И только когда она стала взрослой, он начал уважать ее и считаться с ее мнением. А Лайам от своей родни этого так и не дождался, и за насмешки и неприязнь своих братьев и отца ему приходится расплачиваться до сих пор. Оба оказались рано лишены материнской заботы и ласки. В памяти Лайама мать осталась чудесной, доброй женщиной, которая его боготворила и ждала от него только хорошего. Он по-прежнему безотчетно искал ту беззаветную любовь, какую видел только от матери, и Саше временами казалось, что он и от нее ждет такого же отношения. Но для взрослого человека ждать от кого бы то ни было безоглядной любви значит испытывать необоснованные надежды. Между взрослыми людьми, между возлюбленными не может быть беззаветной любви, вот почему ожидания часто не оправдываются. У Саши были похожие воспоминания о своей матери, и она спрашивала себя, неужели те, кого уже нет, всегда остаются в нашей памяти как самые преданно любящие нас люди. Ведь это вполне могло быть лишь иллюзией. Но сейчас она вспоминала свою маму с не меньшей теплотой и нежностью, чем Лайам – свою. Саша пыталась представить себе, что было бы, если бы ее мать дожила до сегодняшнего дня. Впрочем, сейчас ей было бы уже восемьдесят восемь лет. А Саше недавно исполнилось сорок девять. Лайам в этот день разбудил ее поздравлением, а она застонала при мысли о своем возрасте. В подарок он преподнес ей золотой браслет, купленный во Флоренции. Она его с тех пор не снимала и, наверное, уже никогда не снимет.

Ее по-прежнему беспокоила разница в их возрасте. От этого никуда не деться. Правда, у них оказалось больше общего, чем она сначала считала, – ранняя утрата матери, живопись, многие жизненные установки. Галереи,



музеи, храмы, магазины. Освободившись от каждодневных забот, оба становились беспечными и наслаждались жизнью. Тянуло их к разным людям. Сашу – к почтенным и солидным, возможно – по привычке, приобретенной еще при жизни отца. На нее неизменно производили сильное впечатление такие вещи, как репутация и образованность, не говоря уже о таланте. Лайама же неудержимо влекло ко всему новому, неординарному, бунтарскому. Саше новизна и эксцентричность были симпатичны, но не в людях, а в искусстве. Когда они сидели в кафе, она всегда наблюдала за пожилыми людьми. Лайама же тянуло к молодым, в считанные минуты он обычно завязывал знакомство с молодежью. Лучше всего он чувствовал себя с более молодыми, чем он сам, людьми, тогда как Саша предпочитала общество своих ровесников и людей постарше. Выходило, что они хотят общаться с совершенно разными возрастными категориями. Что ж, значит, они оба должны смириться с этими особенностями и проявить терпимость, что не всегда было просто. Саше было неинтересно общение с разбитными студентами, ее не вдохновляли их юношеские затеи. А Лайам, наоборот, считал, что у молодых есть чему поучиться, и с удивительным для своих лет энтузиазмом идентифицировал себя с этой молодежью. В обществе юнцов он и сам чувствовал себя молодым. А общение с теми, кто был интересен Саше, навевало на него скуку. И это было их камнем преткновения. Но сейчас, когда они путешествовали вдвоем, вдали от привычного для каждого из них круга, оба с энтузиазмом исследовали новые стороны жизни.

– Охота тебе сопровождать везде такую старуху, как я? – спросила как-то Саша, когда, выйдя из собора четырнадцатого века, они остановились съесть мороженого. Лайам по-детски жадно поглощал капающее мороженое, а Саша аккуратно придерживала свою порцию кружевным платочком, купленным в «Гермесе». В такие минуты она чувствовала себя не то что его матерью – бабушкой. – В один прекрасный день тебе это осточертеет.

Это было одно из ее худших опасений, и она всегда замечала, когда Лайам обращал внимание на молодых женщин. Но пока что, насколько она могла судить, дальше внимания дело не шло. Ему просто нравилось на них смотреть. Саша не спускала с него глаз и ревновала, чем была удивлена сама. Раньше она думала, что совсем не ревнива. При всей ее привлекательности и хорошей форме, молодое тело всегда влечет сильнее – это Саша хорошо знала.

– Мне нравится поглазеть на молодых женщин. Да и вообще на женщин, – нимало не смутясь, признался ей как-то Лайам. – Но быть я хочу

с тобой. Ты меня заводишь намного сильнее, чем любая другая женщина. И мне плевать, сколько тебе лет.

Она улыбнулась и выкинула остатки мороженого. Лайам облизал палочку, после чего вытер руки о джинсы и весь перепачкался. Саша смотрела на него с осуждающей усмешкой. Эта его ребячливость и не давала ей забыть о своем возрасте.

– Саша, я тебя люблю. Ты красивая женщина. Ну да, тебе не двадцать лет, и что с того? У двадцатилетних в голове ветер, они мне неинтересны, они не в состоянии меня понять. А ты меня понимаешь.

Саша не стала говорить, что и сама не всегда его понимает. Зато она знает, чего он от нее ждет – нежности, опеки, а самое главное – понимания. Временами он становился очень капризным и эгоистичным, какими бывают дети, и ему нравилось, что она о нем заботится. Иногда в таких ситуациях лучше всего было обращаться с ним как с маленьким ребенком. В других случаях он ждал уважения и восхищения. Они то были как единое целое, то – непримиримые противники. Изначально они были каждой частью своего мира. Саша была старше, успешнее, влиятельнее его в мире искусства, она пользовалась репутацией и уважением, и, наконец, она была богата или, по крайней мере, состоятельна. Лайам был талантлив, ярок, независим. Он умел постоять за себя в любой ситуации и постоял бы, наверное, и в чуждом ему кругу, если бы Саша его туда ввела. Но пока они ни разу не появились в свете вдвоем. И даже когда это случится, его все равно будут воспринимать как начинающего художника, а ее – как представительницу когорты самых уважаемых арт-дилеров в мире. В этом было их принципиальное отличие. К Саше всегда будут прислушиваться больше, чем к нему, и она не сомневалась, что это будет вызывать у него как минимум досаду. Лайаму нравилось быть в центре внимания. И в молодежном его окружении так всегда и бывало. В Сашином же кругу необходимо было иметь нечто большее, чем талантливые картины и эффектную внешность. От него потребуются хорошие манеры, эрудиция и серьезность, которой Лайаму не доставало. Да и Саша рядом с ним переставала быть серьезной, и это нравилось ей самой. Она получала удовольствие от своего легкомыслия. Порой они до слез хохотали над каким-нибудь пустяком. Никто и никогда не смешил ее так, как Лайам. И не доставлял ей такого наслаждения в постели. Что имело весьма существенное значение для такой зрелой и яркой женщины, какой была Саша.

Их отношения были для обоих и очень благо-творными, и одновременно очень рискованными.

В Риме они поехали повидаться с одним Саши-ным коллегой, тоже владельцем галереи, с кото-рым Саша имела опыт совместного бизнеса. Это был пожилой человек семидесяти лет, чьи представления об искусстве Саша очень уважала. А Лайам оказался не на высоте. В кабинете у Сашиного коллеги он вел себя как скучающий школьник. Он зевал, качал ногой, пинал стол, пока Саша не сделала ему замечания вполголоса. Чем привела его в такое негодование, что Лайам пулей вылетел из кабинета. Сашин коллега не подал виду и лишь повел бровью. А в результате Саше пришлось отказаться от обеда в его компании.

После этого у них произошел бурный спор по поводу случившегося. Кроме этого случая, ничто не омрачило их поездки. Ночью, после секса, Лайам перед ней извинился. Он сказал, что на него навалилась тоска и усталость, а к тому же ему не понравилось, как итальянец на нее смотрел, и разыграла ревность. Это признание Сашу растрогало, но убедить итальянца, что она привозила с собой интеллигентного и благовоспитанного взрослого человека и талантливого художника, было уже невозможно. Еще один тревожный звонок, не предвещавший ничего хорошего. Таких встреч в ее жизни множество, а Лайам был к ним просто не подготовлен. Если ему делалось скучно или он чувствовал, что с ним не считаются, он почти всякий раз начинал вести себя как капризный ребенок. Порой трудно было поверить, что этому человеку уже сорок лет. Скорее – ровно в половину меньше. Да Лайам и выглядел очень молодо, что составляло немалую часть его обаяния и одновременно являлось угрозой их с Сашей отношениям. И все же поездка в Италию принесла им много счастливых впечатлений.

За время путешествия Саша несколько раз звонила детям. У обоих имелся план ее поездки, но они редко звонили ей сами. Обычно звонила Саша, тем более что она часто отключала мобильный и с ней труднее было связаться. В отелях они с Лайамом регистрировались под своими именами – Лайам Эллисон и Саша Бордман, что, по мнению Лайама, звучало как название адвокатской конторы – «Эллисон и Бордман» – или компании по налоговому консалтингу. А иногда по ошибке их записывали как одного человека – Эллисона Бордмана, но они не возражали. Татьяну это однажды позабавило. Она позвонила матери во Флоренцию и попросила соединить с Сашей Бордман, а в ответ услышала, что у них есть только Эллисон Бордман, то есть, наверное, как раз тот человек, который нужен, только имя почему-то другое. Татьяну это ни на какие догадки не натолкнуло. Вот если бы позвонил Ксавье, он бы наверняка что-то заподозрил. Но Татьяна никак не ассоциировала мать с Лайамом. Так что ей и в голову не пришло, что Лайам путешествует вместе с матерью. Саша вместе с дочерью посмеялась

над ошибкой телефонистки, которые случаются даже в хороших отелях.

Такая же история повторилась, когда Саше из Парижа позвонил Бернар. Он уточнил имя, и после проверки ему сказали, что у них есть мистер Эллисон и миссис Бордман, что привело его в шок, но никаких вопросов Бернар не стал задавать.

Это был ее первый рабочий день по возвращении в Париж. Надо было просмотреть гору корреспонденции и массу накопившихся за три недели ее отсутствия слайдов от подающих надежды художников. Она задыхалась от дел, но это была необходимая плата за поездку.

Бернар заглянул к ней в кабинет, сел напротив и кинул внимательный взгляд на Сашу, пытаясь понять, подходящий ли момент для разговора. Бернар привык опекать Сашу, как старший брат. Как и свою дочь, его всему научил ее отец, и Бернар работал в галерее уже двадцать с лишним лет. Он поступил на работу к ее отцу еще до Сашиного переезда в Нью-Йорк. Бернар был на десять лет старше Саши, но у нее всегда было такое чувство, будто они выросли вместе.

Он смотрел на нее, а она проглядывала какие-то слайды. Она уже рассказала ему о своих встречах с художниками и о той художнице из Неаполя, которая произвела на нее такое сильное впечатление. Саша в нее просто влюбилась. И в ее работы тоже.

– Правильно ли я понимаю, что ты брала с собой консультанта? – осторожно спросил Бернар и поспешил прибавить: – Можешь не отвечать, если не хочешь. Это меня не касается.

Она подняла голову, задумчиво его оглядела и кивнула.

– Как ты узнал?

– В Риме в отеле тебя записали как Эллисон Бордман, а когда я их поправил, мне объяснили, что имели в виду мистера Эллисона и миссис Бордман.

– И то же самое было во Флоренции, когда мне звонила Татьяна. К счастью, она не стала вдаваться в подробности.

– У тебя все в порядке? – Бернар был обеспокоен. Он всегда за нее тревожился, и теперь, и раньше. После смерти Артура о ней некому было позаботиться. Она же заботилась обо всех, включая и самого Бернара. Саша была необыкновенной начальницей и другом, в точности как когда-то ее отец. К обоим Бернар испытывал чувство глубочайшей преданности, и никому на свете он так не доверял, как этим двум людям да еще своей жене.

– Все хорошо, – успокоила его Саша и улыбнулась. – Я, конечно, не ожидала, что так сложится. Это все как-то необычно... мягко говоря. Мне

трудно говорить с тобой на эту тему, ну ты понимаешь почему.

– Я еще в тот раз удивлялся, когда он у тебя десять дней прожил. Не похоже на твое обычное гостеприимство, даже в отношении прекрасного художника. Тогда у вас все и началось? – Одно-временно Бернара разбирало и любопытство.

– Не совсем. Он не просто так тогда приехал. Все началось еще в январе в Лондоне, когда я приезжала смотреть его работы. С тех пор отношения то обрывались, то начинались вновь. По правде сказать, не знаю, что мне с этим делать. Мы такие разные, да еще возраст... Он меня на девять лет моложе, понимаешь, Бернар?! Это ужасно! И еще... Он художник. Этим все сказано!

Оба понимали, что это значит. Бернар засмеялся.

– Пикассо был таким же. – Он улыбнулся. – Но с ним мирились. Лайам хороший мальчик. – Он был Бернару симпатичен, да и картины у него замечательные. Хотя Бернар и не был поклонником современных направлений в живописи.

– В том-то и проблема, – согласилась с ним Саша, радуясь, что наконец можно с кем-то близким обсудить свои проблемы. Бернар был человек разумный, к тому же – верный друг. – Для своих лет он очень юн. Иногда прямо-таки мальчишка, а иногда – взрослый мужчина.

Бернар понимающе кивнул. Они оба хорошо понимали, что Саше в качестве спутника и партнера нужен не мальчик, а зрелый, надежный мужчина.

– Мы все иногда бываем детьми. Мне пятьдесят девять лет, а жена все обращается со мной как с двенадцатилетним мальчишкой. И, по правде сказать, мне это даже нравится. Я чувствую себя комфортно и спокойно, я знаю, что меня любят. – Бернар говорил искренне, а Саша слушала его с задумчивым видом.

– Лайаму тоже это нужно. Его мать умерла, когда ему было семь лет. Мне нравится заботиться о близких мне мужчинах, но я не хочу превращаться в его наставницу и воспитательницу, а такое может случиться. И еще мне не хотелось бы и внешне выглядеть, как его мать, а такое очень скоро может произойти.

– Ничего подобного, Саша! Девять лет – не такая уж пугающая разница. – Бернар явно не имел ничего против их союза. Впрочем, его это не касается. Он беспокоился о Саше и хотел, чтобы она была счастлива. Он знал, как Саша была одинока после смерти Артура, и душа у него болела за нее. Саше никто и ничем не мог помочь. Может, у Лайама получится?

– Это правда. Но с Лайамом я чувствую себя такой старой! Он, как они

говорят, тусуется с молодыми художниками, а среди них я ощущаю себя древней старухой.

– Это действительно проблема, – согласился Бернар со вздохом. – Но ведь нет никакой необходимости принимать окончательное решение. Я, во всяком случае, на это надеюсь. – Бернар не хотел, чтобы Саша потеряла голову и второпях выскочила за Лайама замуж, но он хорошо знал Сашу и понимал, что это вряд ли произойдет. Она была благоразумной и осторожной женщиной, хотя роман с Лайамом открыл Бернару другую Сашу, о которой он ничего не знал.

– Не волнуйся! Поспешных решений я принимать не стану. Я вообще не собираюсь ничего предпринимать. Просто мне с ним хорошо. Сколько ни продержимся вместе, все это время – наше. – Саша все еще была уверена, что долго этот роман не продлится, и никаких особых надежд на будущее не возлагала. При этих ее словах Бернар испытал облегчение. По его мнению, в романе с Лайамом нет ничего плохого. А вот сделать его спутником жизни – это совсем другое дело.

– Дети знают?

– Нет. Татьяна меня наверняка убьет, да и насчет Ксавье я не уверена. Они с Лайамом близкие друзья. Трудно предугадать его реакцию. Я не тороплюсь им открываться. Без особой необходимости не стану. Кто знает, чем это все у нас закончится. Мы уже пробовали расстаться – с февраля по апрель мы не виделись, не перезванивались. Помирились незадолго до этой поездки. Она, кстати, прошла чудесно. Посмотрим, как все сложится дальше.

– Держи меня в курсе, если сочтешь нужным. – Бернар поднялся. Он был рад, что они поговорили. Теперь было ясно, что Саша ведет себя осмотрительно. А все остальное – их дело. Судя по всему, Саше было хорошо с этим парнем. – Если от меня потребуется какая-то помощь – скажи. – На данном этапе ему больше ничего знать не требовалось.

– Ты мне уже помог. Только не болтай, ладно? Я не хочу делать это достоянием гласности. По крайней мере – пока не станет ясно самим.

Бернар понимающе кивнул. Саше стало легче, когда она выговорилась. Она боялась реакции друзей, их осуждающих взглядов и разговоров за ее спиной. Сейчас она видела, что Бернара новость отнюдь не шокировала, и от этого Саше стало легче на душе. Эжени она говорить пока не станет, да и остальным сотрудникам и знакомым тоже. Хотя в те редкие случаи, когда Лайам звонил в галерею, к телефону подходила как раз Эжени. Но чаще он связывался с ней по мобильному. И детям она пока тоже ничего не скажет. Они решили так вместе с Лайамом, рассудив, что это будет правильнее.

Если поставить в известность детей, все сильно усложнится, а им еще есть над чем подумать и что решать. Всему свое время.

Следующие выходные Лайам опять был в Париже. И через неделю – тоже. Погода была дивная, они прекрасно провели время, и оба пребывали в приподнятом настроении. Все время они были вдвоем, Лайам даже с друзьями не общался. Им так много надо было сделать вместе, а времени было совсем мало. И не хотелось с кем-то его делить, будь то его друзья или ее. А на неделе он усиленно работал над предстоящей в декабре выставкой в Нью-Йорке. Саше не терпелось представить Лайама миру. Он тоже не мог дожидаться этого дня, и работа в лондонской студии шла необыкновенно плодотворно.

Они гуляли с Соксом в Булонском лесу, когда Саша, как уже много раз, поинтересовалась, как дела у его детей в Вермонте. Саша всегда поощряла его рассказы о детях. Она чувствовала, как он по ним скучает. Лайам не виделся с детьми уже год. Бракоразводный процесс должен был завершиться к Рождеству. Бет сказала, что сразу выйдет замуж. По словам Лайама, он уже совсем с этим примирился. Но дети нуждались в отце, они скучали по нему, им нужно было общение, да и он без них тосковал. Пожалуй, даже больше, чем признавался в этом. Саша считала, что Лайам перепоручил заботу о детях Бет и устранился от их воспитания.

– Лайам, может, тебе съездить, навестить их летом? – как-то предложила она. Лайам закинул подальше палку и стал ждать, когда Сокс ее принесет. Щенок быстро рос и уже многое умел. Саша была от него без ума, тем более что это был подарок Лайама. – В августе ко мне приедут Ксавье с Татьяной. – Так совпало, что именно в августе у всех выдавалось свободное время, и Саша хотела провести его с сыном и дочерью. В последнее время им все реже удавалось собираться вместе, дети стали взрослыми и вели все более насыщенную жизнь. Она понимала, что скоро в их жизни появятся более важные фигуры, тогда они вовсе перестанут с ней куда-то выбираться. Таких возможностей остается все меньше, и каждый год Саша воспринимала как последний. – Может быть, после того, как побудем с детьми, куда-нибудь съездим вдвоем? – Саша стремилась внести в его жизнь элемент организованности. Порой Лайама это бесило, а в других случаях – наоборот, забавляло. Он уже знал, что такова ее натура. Она ведет себя так со всеми. Классическая наседка, и это ему в ней особенно нравилось, особенно когда проявлялось по отношению к нему.

– Я даже не уверен, что они захотят меня видеть, – признался Лайам. Он часто говорил, что дети на него обижаются за долгое отсутствие. Как раз этого Саша и боялась. Лайам редко им звонил, а когда это случалось,

разговор, как правило, не клеился. Они открыто возлагали на него вину за развал семьи. Бет им многое рассказала, утаила лишь самые пикантные подробности, и они были огорчены и сердиты на отца. В результате звонки давались ему тяжело, да и разделявшее их расстояние сказывалось. Саша боялась, что еще немного – и наладить отношения с детьми будет невозможно, во всяком случае в обозримом будущем. И она предупреждала Лайама о такой опасности. Пока же прошел только год, и не все шансы были потеряны. Дети во всем разберутся и поймут. Старшему сыну Лайама исполнилось восемнадцать, в сентябре он уезжает в колледж, среднему – двенадцать, а дочке только-только исполнилось шесть. Они еще не такие большие, и наладить с ними отношения вполне возможно, только для этого надо приложить усилия. А что Лайам их любит, она знала. Когда он говорил о детях, глаза его частенько увлажнялись. Но он все чаще говорил о них, как о детях Бет, а не о своих. Она-то была с ними изо дня в день, а он – нет.

– Так спроси у них! – предложила Саша. – Как думаешь, может, Бет позволит тебе их куда-нибудь свозить? – У нее мелькнула мысль о доме в Саутгемптоне, но она решила пока ничего не говорить. К тому же Саша не была уверена, что дом не понадобится Татьяне. Такое вполне может случиться. Дети этот дом обожают, он им напоминает о детстве. У нее тоже с этим домом связано много воспоминаний. И о детях, и об Артуре.

– Даже не знаю, как она отнесется к такой перспективе. Она, как ты понимаешь, меня теперь не жалует.

Насколько Саше было известно, весь последний год Лайам не больно-то баловал жену деньгами. Бет больше поддерживал ее будущий муж, что еще больше усложняло дело и ставило Лайама в двусмысленное положение. Саша заплатила ему аванс, но у него были немалые текущие расходы, в частности, на холст и краски. И посылать Бет много он не мог. Лайам надеялся, что после выставки его финансовое положение улучшится. Но пока оно было весьма непрочным. А это создавало трудности и для Бет, и для детей. Мало того, что она маялась с ним двадцать лет, так еще и теперь никакой существенной помощи от него нет. С новым мужем она будет стоять на ногах намного прочнее. Лайам по-своему был даже рад за нее. И за себя – ему было хорошо с Сашей. Единственное, что терзало его сердце, – это разлука с детьми.

– Позвони своим, – посоветовала Саша, и Лайам пообещал сделать это в ближайшее время. И выполнил свое обещание. О разговоре с Бет Лайам сразу же рассказал Саше:

– Она не хочет, чтобы я их куда-то возил. Да, честно говоря, мне это и



не по карману. Но она не возражает, если я приеду их навестить и на несколько дней заберу. У ее родителей есть домик на озере неподалеку, Бет говорит, я могу им воспользоваться. Дети обожают там бывать. Ребята у меня любители рыбалки.

Обоим родителям это показалось наилучшим решением вопроса. Бет попросила только, чтобы он не тянул с приездом. На вторую половину лета у них были свои планы, они всей семьей собирались отправиться в Калифорнию – навестить будущих свекра со свекровью и побывать в Большом каньоне.

– Вот и отлично! – обрадовалась Саша. – Я как раз собиралась с тобой поговорить на эту тему. В конце июня мне надо быть в Нью-Йорке, я хотела пробыть там месяц. Хотела и тебя соблазнить. Могли бы пожить в моей квартире.

Татьяна в последнее время вела такую активную жизнь, что, даже когда мать бывала в городе, практически с ней не виделась. В любом случае без предупреждения она никогда не являлась, а с тех пор как обзавелась собственной квартирой в Трайбеке, больше у матери не ночевала. Так что скрыть от нее присутствие Лайама будет несложно.

– Наверное, сейчас, когда до выставки остается так мало времени, мне бы не следовало отрываться от работы, но раз так все складывается, я с удовольствием составлю тебе компанию. – После майской поездки в Италию разлука давалась им все тяжелее. Саше хотелось не просто встречаться с Лайамом, но и жить с ним вместе. К тому же в Нью-Йорке им было чем заняться. – Когда ты едешь?

– Дней через десять. Как раз собиралась с тобой это обсудить.

– Все! Решено, я приеду. – Лайам был в восторге.

– Если выкроишь время, поживем там несколько дней, – предложила Саша. Идея обоим показалась заманчивой. Правда, Саше в Нью-Йорке предстояло много дел, но при желании она вполне могла освободиться ненадолго. – Можем, например, отметить в Нью-Йорке Четвертое июля, а потом вернуться в Европу.

В июле у Саши были запланированы дела в парижской галерее, а на август она наметила отдых с детьми. На сей раз они наметили поехать в Сен-Тропе, дети обожали Ривьеру, и Саша уже забронировала напрокат яхту. И сын, и дочь грозились привезти с собой друзей, что Сашу только радовало. Единственное, что омрачало ее радостное предвкушение, была трехнедельная разлука с Лайамом. У нее мелькали мысли пригласить его на яхту хотя бы на уик-энд – на правах подопечного художника, – но пока она не решила, стоит ли это делать. Татьяну не проведешь, а Ксавье и вовсе

сразу все поймет. В своих хитроумных планах Саша доходила до того, чтобы уговорить Ксавье пригласить Лайама, но искушать судьбу ей не хотелось. Все говорило за то, что на три недели ей придется забыть о Лайаме. Но зато конец июня в Нью-Йорке – их.

В выходные они с воодушевлением строили планы. У Лайама в Нью-Йорке было полно знакомых художников – в Челси, Трайбеке и Сохо. А Саша хотела поводить его по разным местам. После поездки в Италию Лайам ни разу не проявил своей взбалмошной и эксцентричной натуры, и Сашины волнения насчет поведения Лайама в обществе отошли в прошлое. А уж в Нью-Йорке Лайам будет как рыба в воде, там светские условности не так строги, как в Европе.

– А может, – мечтательно проговорила Саша, когда воскресным утром они нежились в постели, – нам и в Саутгемптон удастся съездить. Там очень красиво, я раньше так любила там бывать. – После смерти Артура с домом на море связаны слишком тяжелые воспоминания. Может быть, теперь все изменится?

– Мне нравится Саутгемптон, – беспечно объявил Лайам и тут же вернулся к разговору о том, как он с детьми поедет на озеро. Саша знала за ним эту слабость: он мог не слушать, мог вести себя по-детски, а иногда требовал, чтобы все внимание было сфокусировано на нем одном. Это никак не было связано с ней и ни в коей мере не означало, что Лайам ее не любит. Теперь она это понимала. Просто он был такой, и все. В детстве все отказывались его слушать. А сейчас у него была Саша, готовая внимать каждому его слову. Он обожал ее за это. – Жаль, что ты не можешь поехать со мной в Вермонт, – сказал он, повернулся на бок и в упор посмотрел на нее. Секс по-прежнему доставлял им большое удовольствие. Со временем они стали даже доставлять друг другу большее наслаждение, хотя это казалось просто невозможным.

– Нет! Тебе надо побыть с детьми наедине, сблизиться с ними, а у тебя и так немного времени, – резонно заметила Саша. Лайам понимал, что она права. Его страшила предстоящая встреча с детьми. Он знал, что сыновья на него обижены. Что до Шарлотты, то она в свои шесть лет была рада предстоящей встрече с папой. Несколько дней назад Лайам говорил с ними по телефону. А до этого несколько месяцев и голоса не подавал. Бывало, что он о них даже не вспоминал. Бет всегда пыталась его реабилитировать и компенсировала недостаток отцовского внимания своей усиленной заботой, но теперь и она взбунтовалась. И еще Лайам страдал оттого, что не выдерживает сравнения с ее женихом, который все время рядом и заботится о них не на словах, а на деле. Год разлуки сильно сказался на его

отношениях с детьми. Теперь надо было налаживать все заново. Лайам понимал это и готов был сделать все, что нужно. Но вдохновляло его то, что конец июня он проведет вместе с Сашей.

– А на бейсбол со мной пойдешь? – усмехнулся он. Вид у него был как у мальчишки, которому не терпится поехать в летний лагерь. – Я фанат «Янки».

– Куда ты захочешь, туда и пойдем. Только не забудь, мне надо будет работать. Но думаю, нам удастся сочетать приятное с полезным. И еще я должна показать тебе место, где будет твоя выставка.

– Мм-ммм... – промурлыкал он с улыбкой. – Когда ты так говоришь, я чувствую себя королем.

– Вот и славно! – Саша улыбнулась в ответ и прижалась к нему. Иногда она и сама чувствовала себя рядом с ним королевой. Королевой-матерью.

## Глава 11

В пятницу вечерним рейсом Лайам прибыл в Париж, а в воскресенье утром они вдвоем улетели в Нью-Йорк. Саша оплатила его билет, и теперь они рядышком сидели в салоне первого класса. Лайам сиял, как ребенок на своем дне рождения, и упивался превосходным сервисом. Икра, шампанское... Он съел свой обед, большую часть Сашиного, потом разложил кресло, укрылся пледом и заснул. Он даже переоделся, но в какой-то миг, к ужасу Саши, стал проявлять отчетливые признаки непослушания, когда нацепил на голову целлофановый пакет. Посмотрел два фильма по видео, перекусил, вскрыл каждый пакет в наборе туалетных принадлежностей и предложил Саше немедленно вступить в клуб почетных пассажиров. Предложение она отвергла.

– Пожалуй, на обратном пути тебе надо будет дать успокоительное. – Она улыбнулась. – Как-то раз мы проделали это с Ксавье, его в детстве сильно укачивало. Так эффект был совершенно обратный – он разбушевался, как реактивный двигатель. В жизни не видела такого возбужденного ребенка. После того случая мы смирились с тем, что его в самолете всегда тошнит. А с возрастом это прошло.

Но никто в жизни так искренне не благодарил ее за комфортный полет, как Лайам. До самой посадки он не уставал твердить, как ему нравится лететь с такими удобствами.

– Я-то думал, что это в порядке вещей – сидеть с задранными к ушам коленками. И чтобы соседский локоть упирался тебе в бок. Здесь мне куда больше нравится, – восторгался он, то и дело раскладывая кресло и вытягивая ноги.

В аэропорту Лайам оставался в прекрасном настроении и шутил направо и налево. Как всегда, он мгновенно подружился со всеми стюардессами. С большинством из них Саша была знакома по предыдущим полетам, и они ее тоже помнили. К таможеннику Лайам обратился по имени, а потом оживленно побеседовал с носильщиком на тему бейсбола, пока Саша искала своего водителя. Энергия била из него через край. А больше всего он радовался тому, что прилетел в Америку, да еще вместе с ней. И, несмотря на его возбуждение, Саше было приятно находиться рядом.

Успокоился Лайам только тогда, когда они наконец оказались дома. Элегантность Сашиного жилища произвела на Лайама сильное впечатление. Он оценил качество антиквариата, а от ее картин у него

прямо-таки захватило дух. Тут был Моне, два Дега, один Ренуар, несколько бесценных рисунков Леонардо да Винчи и бессчетное число полотен, о которых Лайам даже не слышал. Сашина квартира в Нью-Йорке была во многих отношениях более официальная и представительная, чем ее парижское жилье, в которое она при ремонте внесла некоторые элементы модерна. Нью-йоркская квартира была похожа на маленький музей с бесценными сокровищами, в котором большинство полотен были подарены Саше ее отцом.

– Ну, Саша, – только и выдохнул он, стоя перед мрачноватой картиной Эль Греко, которую Саша не очень любила и потому повесила в коридоре. Не без труда ей удалось увести его в спальню. На мгновение Саша замерла. Эту постель она не делила ни с кем, кроме Артура. Но время пришло. Внутренне она была готова впустить Лайама и в свою спальню, и в свою жизнь.

Она попросила его оставить вещи в гостиной – на случай, если вдруг объявится кто-то из детей. А еще ей не хотелось шокировать горничную, которая убирала у них с незапамятных времен и продолжала приходить каждый день. Лайама эта просьба нисколько не обидела. Он оставил сумку в гостиной, после чего явился в спальню с мороженым на подносе. Он чувствовал себя как дома, устроился в любимом кресле Артура, включил телевизор и нашел трансляцию бейсбольного матча. Потом озорно взглянул на Сашу и расхохотался.

– Ну и дела! У меня такое чувство, словно я уже умер и попал на небеса. – Лайам тоже вырос в небедной семье, его отец был человек известный. Разница заключалась в том, что к нему всегда относились как к белой вороне, ведь он был совсем не такой, как они. Художник! В Сашином доме ему было хорошо и уютно, как и вообще с ней вместе. Все в жизни Лайама теперь было по-другому, да и в Сашиной тоже.

Она предложила поужинать в ресторане по соседству. Перед уходом позвонила дочери, но, как она и предполагала, Татьяна встречалась с друзьями, вся неделя у нее была расписана, а матери она пообещала заскочить в галерею, когда выдастся свободная минутка, вероятнее всего – в обеденный перерыв. Вечером Саша легла с Лайамом в постель. Горничная должна была прийти не раньше двенадцати, а к тому времени их уже не будет дома, она уедет в галерею, а он – к друзьям в Сохо. Здесь об их отношениях никто не должен знать. В любом случае версия о постояльце должна удовлетворить любое любопытство.

Лайам обнял Сашу и притянул к себе. Несмотря на все возбуждение, от него не укрылось, что ввести его в этот дом для нее было непросто. На

Сашу нахлынули воспоминания. Но вот он заговорил – и тревога отступила.

– Милая моя, не думай ни о чем, – прошептал он. Саша мгновенно почувствовала, что он понимает все, и кивнула. – Все хорошо?

– Все хорошо! Спасибо, что спрашиваешь.

– Я не хочу причинить тебе боль в этих стенах. Я не покушаюсь на твои воспоминания. Если хочешь, я могу лечь в другой комнате.

Она подняла на него глаза и улыбнулась.

– Мне будет тебя не доставать. Оставайся здесь, – сказала она и поцеловала его. Это был нежный поцелуй, но не такой, чтобы сделать вывод, что она ждет от него чего-то большего, кроме понимания. Лайам ответил таким же поцелуем и еще крепче прижал ее к себе. В ту ночь они не занимались сексом, только лежали рядом и нежно обнимали друг друга.

Назавтра Саша повезла Лайама в галерею. Помещение и то, с каким здравым расчетом оно использовалось, произвело на Лайама большое впечатление. Ему понравились выставленные работы, он уже представлял, как в этих же залах будут висеть его картины. Место, на его взгляд, было идеальное, а теперь, когда он увидел воочию планировку залов, у него появилось и представление о том, сколько потребуется работ и сколько должно быть ориентированных горизонтально и вертикально. Сам воздух этой галереи его будоражил. Саша представила Лайама сотрудникам. Ее помощница Марси при виде Лайама за его спиной выразительно закатила глаза.

– Бог ты мой, да он просто кинозвезда! – выдохнула она, а Саша счастливо рассмеялась. С этим не поспоришь, Лайам действительно был хорош собой. Но Саше он больше нравился дома, когда они были одни и Лайам принадлежал ей одной. На людях рядом с ним она смущалась и лишний раз вспоминала о своем возрасте.

– Он славный и художник талантливый, – небрежно бросила Саша. – Удачно, что мы с ним одновременно оказались в Нью-Йорке. Он здесь проездом по пути в Вермонт. Детей едет проведать.

Марси кивнула, продолжая с восхищением поглядывать на Лайама. Мало того, что красавчик и хороший художник, так еще и заботливый отец! Через пять минут знакомства Марси уже составила себе идеализированное представление о Лайама. Сашу, знавшую его лучше, было не ослепить. Она любила его. Любила таким, как есть. Со всеми недостатками, которых у Лайама, как у всякого человека, хватало.

Утро он провел с ней в галерее, со всеми перезнакомился, как следует осмотрелся. Он исследовал все выставленные картины, включая классику

на втором этаже, после чего отправился в Сохо на встречу с друзьями. Перед уходом шепнул Саше, что вечером приедет к ней. Она кивнула.

По счастливой случайности, вскоре после ухода Лайама в галерею нагрянула Татьяна. Она заскочила повидать мать по дороге к какому-то фото-графу. Дочь порадовала Сашу своим счастливым видом. Как всегда, выглядела Татьяна прекрасно, но теперь Саша как будто смотрела на нее новым взглядом и поражалась цветущей молодости дочери. Татьяне только что стукнуло двадцать четыре. Саша снова с горечью подумала о своем возрасте. В то же время она понимала, что, если всерьез строить отношения с Лайамом, эту навязчивую мысль придется побороть. Раньше она никогда не задумывалась о своем возрасте, теперь же он стал источником серьезных переживаний и страхов. Все люди вокруг казались ей юными. Она одна была такая старая.

– Привет, мам. Надолго к нам? – спросила Татьяна, целуя мать и протягивая руку к подносу с конфетами.

– Думаю, на месяц. – Саша с гордостью смотрела на дочь. Как же она соскучилась по Татьяне!

– Надолго! – Дочь была удивлена. В последнее время Саша редко приезжала в Нью-Йорк на такой долгий срок. Ее угнетало пребывание в квартире, где она столько лет прожила с Артуром, она всегда говорила, что здесь еще острее ощущает его утрату.

– В этом месяце у нас открывается выставка, мне ее курировать, так что какое-то время пробуду. А как у тебя дела? Какие новости?

– Замечательно! Только что получила повышение, главная редакторша меня на дух не выносит, и я хочу занять ее место. – Татьяна радостно щебетала. Она с улыбкой смотрела на мать, радуясь встрече.

– Ну, это нормально, – засмеялась Саша. – Не сомневаюсь, у тебя все получится!

– Побежала! Опаздываю. Заскочила только поздороваться. – На улице Татьяну ждало такси, и она выскочила так же стремительно, прихватив на дорожку конфет – вместо обеда. Саша второпях поцеловала дочь – и Татьяны след простыл.

День в галерее выдался суматошный, подготовка выставки шла полным ходом. Саша всегда сама готовила экспозицию, она любила эту работу. Сегодня она с трудом оторвалась от дел, чтобы в шесть часов отправиться домой, где ее уже ждал Лайам. Он сидел на кухне и ел пиццу, рядом лежала упаковка мороженого. Когда вошла Саша, он бросился к ней и расцеловал.

– Так! Опять мороженое? Это какое?

– Шоколадно-карамельное, – сообщил он. – Я и забыл, какое в Штатах классное мороженое. Английское и мороженым-то не назовешь.

– Во Франции еще хуже, – улыбнулась Саша. – Вот у итальянцев – совсем другое дело. – Она под села к столу. Господи! Как славно быть дома, видеть Лайама на своей кухне. Ну просто настоящая семья!

– Итальянское мороженое – для неженки, – возразил Лайам. – Вот это – я понимаю. Съешь кусочек пиццы, а потом мы с тобой отправимся развлекаться.

Саше не хотелось говорить, как она устала, к тому же она еще не перестроилась на местное время. Лайам же, наоборот, весь лучился энергией. Он прекрасно провел день с друзьями.

– И куда ты меня поведешь? Переодеваться нужно? – Ей хотелось одного: принять горячую ванну и завалиться спать. Хлопоты в галерее совершенно лишили ее сил.

– А как же! Надень джинсы. – Лайам поставил вазочку в посудомоечную машину. С Сашей он проявлял чудеса хозяйственности. А своя квартира у него была похожа бог знает на что. После отъезда Бет с детьми Лайам жил в студии и спал в спальном мешке на раскладушке. У Саши в квартире он купался в роскоши. – Я достал билеты на игру «Янки», – победным тоном возвестил он. Лайам взглянул на часы. – Через десять минут выходим. Матч начинается в семь тридцать, а сейчас в городе пробки. – Когда-то давно он целый год жил в Нью-Йорке, и нынешний приезд освежил в памяти потрясающее впечатление, оставленное этим городом. Лайам обожал его энергетику, всеобщее возбуждение, а больше всего – бейсбольную команду «Янки».

Чтобы не расстраивать Лайама, Саша изобразила радость и пошла переодеваться. Угораздило же ее связаться с молодым. Ему нужна такая, как Татьяна, а он вместо этого возится с мамашкой. Пиццу Саша есть не стала, только умылась, причесалась и надела джинсы, футболку и туфли без каблука. На ходу схватила шаль и уже через десять минут снова была в кухне. Лайам тоже был готов, на голову он водрузил бейсболку с эмблемой команды, предусмотрительно привезенную из Лондона.

– Готова? – Он радостно заулыбался. В лифте он болтал с лифтером, сказал ему, что они едут на стадион. «Янки» сегодня играли с «Бостон Ред Сокс». Лайам много ждал от этой игры. Он заявил, что «Янки» сейчас на подъеме и не оставят от бостонцев мокрого места.

На стадионе Саша почувствовала себя лучше. Усталость начала отступать. Лайам купил ей хот-дог и пиво и рассказал все подробности про обе команды. Он был настоящим фанатом бейсбола, что веселило Сашу.



Она сама здесь словно стала моложе, могла смеяться, кричать, не думая о реакции окружающих. Никогда прежде Саша не была на бейсбольном матче. У них в семье никто не был спортивным фанатом.

В ожидании начала игры Саша сказала Лайаму, что к ней заезжала Татьяна. Лайам ответил, что жаждет с ней познакомиться. Саша с тревогой подумала о том, как они поладят. Если со временем дети примут его, то их отношения еще больше окрепнут. По поводу Ксавье она не беспокоилась, они же с Лайамом давние приятели. Правда, к сообщению об их романе он может отнестись неодобрительно. А вот с дочерью наверняка будет посложнее. У Татьяны было своеобразное восприятие новых людей. Завоевать ее симпатию непросто, она куда более категорично и критически относится к людям, чем ее миролюбивый брат.

Лайам подробно комментировал ход игры. «Янки» выиграли со счетом шесть – ноль. Он был в восторге и всю обратную дорогу трещал без умолку. Сразу по возвращении они легли спать и снова обошлись без секса. Саша уснула, едва коснувшись подушки. Наутро Лайам уезжал в Вермонт к детям, а через четыре дня он должен был вернуться. Из Вермонта он обещал позвонить. Саша проводила его до Центрального вокзала, откуда направилась в галерею. Едва расставшись с Лайамом, она тут же начала скучать. К выходным он опять будет с ней. Саша принялась планировать поездку на море – если погода и настроение будут подходящими. Пока что она чувствовала, что не готова к любовным утехам в той постели, которую всю жизнь делила с Артуром. Лайам отнесся к этому с пониманием. Она не сомневалась, что и в Саутгемптоне он проявит чуткость. А вот в своем настроении она уверена не была. Спальня в Саутгемптоне была тем местом, где она в последний раз видела Артура живым. Для нее это место было священным, и она не очень ясно представляла себе, как привезет туда Лайама. По крайней мере, на данном этапе. Саша благоразумно решила не торопить события.

Всю неделю она была занята даже больше, чем ожидала, несколько раз ходила на званные коктейли, пообедала с Аланой, которая теперь была замужем и смело тратила мужнины деньги. Один раз поужинала с дочерью. Лайам, как и обещал, звонил и давал ей полный отчет о том, как развиваются отношения с детьми. Поначалу со старшим пришлось непросто. Всю вину за развод Том возлагал на отца. Бет все-таки открыла ему безобразные подробности инцидента с Бекки, и Лайам был вне себя. Саша посоветовала ему успокоиться и постараться все же наладить отношения с сыном. К концу недели лед, кажется, тронулся. После долгого и напряженного разговора по душам отцу с сыном удалось найти общий

язык. Джордж, младший сын, обрадовался отцу, но за прошедший год у него появился нервный тик, и сейчас он проходил курс лечения. Лайам самонадеянно решил, что это все ни к чему, и лекарств сыну давать не стал. Он сказал об этом Бет, а та пришла в такую ярость, что пригрозила немедленно забрать детей, если Лайам не одумается. Пришлось дать сыну таблетки. А с Шарлоттой все прошло без сучка без задоринки, и единственное, что омрачило их общение, было ее падение с велосипеда и растяжение запястья. В остальном же это была классическая загородная поездка отца с детьми, только после большого – длиною в год – перерыва. Саша рада была тому, что Лайаму хоть как-то удалось наладить контакт с детьми, а вот он сам до сих пор не мог поверить, что его длительное отсутствие будет иметь такие тяжелые последствия. Встреча с детьми открыла ему глаза на то, что значил для детей их с Бет развод.

– Нелегко спустя год объявляться и начинать все заново, – сказал он как-то Саше. – Столько воды утекло, они растут, меняются, совсем другими стали. – Но они оставались его детьми, и Саша старалась ему помочь своими советами, как могла. Лайам был благодарен ей за поддержку, а когда поздно вечером в пятницу вернулся в Нью-Йорк, вид у него был измученный, но все же счастливый. Он заявился прямо с поезда. Бейсболка на его голове была повернута козырьком назад, джинсы на коленях разорваны, а на щеках – недельная щетина. Если бы не щетина, он был бы похож на мальчишку, вернувшегося из лагеря.

Саша приготовила ванну, покормила скитальца, села рядом на кровати, а он смотрел на нее благодарными глазами ангела.

– Я совсем замучился, Саша, – признался он.

– Еще бы, бедный ты мой, – ответила она, радуясь его возвращению.

– А вот я и не ожидал, что все будет так непросто. Я вбил себе в голову, что стоит мне их увидеть – и все опять потечет, как прежде. Но все оказалось совсем иначе. Они изменились. Поначалу мы вообще были как чужие. Они на меня не на шутку были обижены. – На самом деле удивительно было только то, что для Лайама такой поворот стал неожиданностью. Он отказывался взглянуть правде в глаза и считал, что время остановилось. Но сейчас из его рассказа следовало, что за четыре дня ему удалось сдвинуться с мертвой точки и худо-бедно наладить отношения с детьми. Поездка была ненапрасной, а дети у него вообще были замечательные.

– Надо тебе почаще с ними видеться. Ты ведь не хочешь их потерять?! – Саша даже была готова оплачивать ему самолет. Пускай сейчас Лайам этого не понимает, но отношениями с детьми пренебрегать

нельзя. А может, теперь он и сам в этом убедился? Дети его любят, и он им нужен. Он их отец. Даже если их без пяти минут отчим в состоянии обеспечить их лучше, их отец – Лайам, и они должны это чувствовать. Если за этот год Лайам не слишком часто вспоминал о детях, то теперь, по прошествии четырех дней, он с трудом от них оторвался.

Саша слушала Лайама и легонько массировала ему спину. А потом они занялись сексом. Впервые в этой постели. Но теперь это уже не была супружеская постель. Постель Саши и Артура. Скорее – ее и Лайама. Скоро Лайам уснул, а она лежала рядом, гладила его волосы и осторожно, боясь потревожить, целовала его при лунном свете.

## Глава 12

В субботу утром Саша предложила съездить в Саутгемптон. Она думала об этом всю неделю, но ничего не говорила Лайаму, желая сперва убедиться, что сама к этому готова. Сейчас, готовя завтрак, Саша поняла, что наконец она решилась, а Лайам и вовсе пришел в восторг. Стояло жаркое утро, и перспектива провести день на море оказалась заманчивой.

В начале двенадцатого они выехали, а в половине второго были на месте. Всю дорогу Саша сидела притихшая. Машину вел Лайам, и время от времени они перебрасывались парой слов, главным образом о его детях и поездке в Вермонт. Его продолжал беспокоить старший сын, Том, который за год, что они не виделись, превратился в сердитого молодого человека. Осенью ему ехать в университет Пенсильвании, где ему дают стипендию, а общежитие будет оплачивать отчим. Том несколько раз указал Лайаму, что за последние полгода мамин жених сделал для него больше, чем родной отец. Лайам пытался объяснить, что он всего лишь не слишком успешный художник, на что Том огрызнулся, что ему нет до этого дела, и назвал Лайама никчемным типом и никудышным отцом. И еще Том припомнил ему связь с маминой сестрой. Лайам никак не мог понять, зачем Бет ему все рассказала.

– Зря она это сделала, – поддержала его Саша. – Ей не следовало посвящать в это детей. – Теперь Лайам в глазах детей выглядел чудовищем, и Саше было его жаль, хотя он сам был во всем виноват. Но «пусть бросит в меня камень, кто сам без греха...». Саша считала, что факт измены должен был остаться между взрослыми.

– Она ему все вывалила. – Бет, оказывается, рассказала Тому и об измене отца, и о его финансовой несостоятельности, которую ей приходилось расхлебывать все двадцать лет супружества.

– А как она теперь выглядит? Вы же встречались? – поинтересовалась Саша.

– Нет, не встречались. Когда я приехал за детьми, ее не было. Мне их выдала бабушка, едва ответив на приветствие. А когда я доставил их назад, дома была Бекки и будущий муж Бет. Надо думать, к нему она не лезет, как ко мне. Да он и поумней меня будет. – Лайам вздохнул и повернулся к Саше: – Симпатичный с виду мужик. И ребятам нравится.

Саша слушала его и убеждалась, что Лайам чувствует себя чужаком. Хорошо хоть, съездил и возобновил отношения, даже если со старшим и

были трения. Лайам сказал, что в конечном итоге Том немного успокоился и потеплел к отцу. Но сначала ему понадобилось выпустить пар, что он и сделал. Зря все же Бет разоткровенничалась с детьми насчет папиного грехопадения. Независимо от последствий сам инцидент должен был остаться между взрослыми. Саша была убеждена, что детям не нужно знать о родительских грехах. Когда она сказала об этом Лайаму, он попытался объяснить:

– Мне кажется, Бет еще не остыла, все злится на меня. Во всяком случае, я это понял из разговора. Они с Бекки всю жизнь друг друга ревнуют. – Со своей бывшей невесткой он разговаривать не стал, хотя и виделся с ней, когда привозил ребят домой. Молча кивнул и уехал. Бекки тоже не стала вступать в разговор.

Они и не заметили, как доехали до Саутгемптона. Когда двадцать лет назад Саша с Артуром покупали этот большой приземистый дом из белого камня в викторианском стиле, он им напоминал строения Новой Англии. По всему периметру шла широкая крытая веранда. Саша с Артуром любили сидеть на ней теплыми вечерами, а иногда и зимой, только тогда приходилось укутаться и согреться горячим шоколадом. Сейчас, открывая дверь, Саша постаралась отринуть воспоминания. Обычно она входила в дом через кухню, но сейчас решила воспользоваться парадной дверью.

– Саша, какой красивый старый дом! – восхитился Лайам, оглядываясь по сторонам. Саша с Артуром сохранили сельскую простоту дома, но это не лишало его уюта и прелести. В этом доме не было ничего претенциозного. Никаких дорогих картин, только милые безделушки, большие и удобные кожаные кресла и два дивана, закрытые полотняными чехлами. Но тут взгляд Лайама упал на картину Эндрю Уайетта над камином. Унылый и прекрасный пейзаж, одна из его самых известных работ. Пейзаж имел сходство с видом из окна, только в холодное время года. Кое-где на картине виднелись клочки снега, и в воздухе как будто ощущалось дуновение холодного ветра с моря. Рука мастера!

– Вот это да! – произнес Лайам, в благоговении застыв перед картиной. Уайетт был в числе его любимых художников. – Чего бы я не дал, чтобы иметь картину Уайетта! – Он присвистнул и улыбнулся, а Саша рассмеялась.

– Это свадебный подарок моего отца. – В доме было много таких предметов – памятные вещицы из семейной жизни, бесценные мелочи, сделанные детскими руками, антикварная мебель, которую они покупали вместе с Артуром в первые годы брака, когда специально колесили по

Новой Англии, или потом, когда навещали Татьяну, по дороге заглядывая в магазины и лавки. В столовой стоял старинный длинный стол, привезенный Сашей из Франции. Лайам разглядывал обстановку и понимал, что все эти вещи для Саши бесценны. Этим домом она очень дорожит, и сейчас ему стало понятно, каких усилий потребовало от нее решение привезти его сюда. Даже больших, чем открыть для него ее нью-йоркскую квартиру. Намного больших. Этот дом хранил в себе гораздо более личные воспоминания, и с ним у Саши было связано многое.

– Будь у меня такой дом, я бы, наверное, никогда из него не уезжал, – восхищенно проговорил Лайам. Он опустился на диван, снял бейсболку и продолжал крутить головой по сторонам.

– Когда дети были маленькие, мы каждое лето привозили их сюда. Они до сих пор любят здесь бывать, правда, теперь это случается все реже. Им скучно здесь. А Артур этот дом обожал. Я тоже. Раньше.

– А теперь? – Лайам с нежностью смотрел на нее. Ему открылась в ней новая сторона. У Саши, как у дорогого бриллианта, было много граней.

– После смерти Артура я здесь была всего однажды. Даже ночевать не осталась. Не смогла. А сегодня утром поняла, что мне хочется приехать сюда с тобой. – Растроганный и польщенный, Лайам встал, подошел к ней и обнял. Она открыла ему свой сокровенный мир, и это был самый дорогой подарок, какой он мог от нее получить. – Пожалуй, надо тут кое-что поменять и переделать. Все какое-то состарившееся, – произнесла Саша, оглядывая комнату. Теперь, когда она смотрела на дом глазами Лайама, все в нем стало казаться каким-то обветшалым, словно вещи вдруг разом постарели.

– А мне нравится здесь все как есть. Здесь хочется остаться и никуда не уезжать.

Саша улыбнулась. Именно так она всегда и воспринимала этот дом. Отчасти это восприятие сохранилось и теперь. Не было только Артура, зато рядом был Лайам.

– Есть хочешь? – спросила она, раздергивая шторы. В комнату хлынуло солнце, из окон стал виден океан и пляж. Саша захватила из города продукты, чтобы приготовить завтрак и ленч. А поужинать Саша решила сводить Лайама в один из местных ресторанчиков.

– Нет, я не голоден. Давай я сам что-нибудь приготовлю. – Лайам отнес пакет с продуктами на кухню. Это была просторная деревенская кухня с огромным разделочным столом посередине и потертыми рабочими поверхностями. У этого дома был вид хорошо послужившего и нежно любимого жилища. Таким он и был.

Лайам приготовил сэндвичи с индейкой, открыл две банки содовой, свою выпил прямо из банки, а Саша налила себе в стакан. Сразу после еды Лайам предложил пройтись по берегу. В спальню они не поднимались, Лайам понимал, что для Саши это станет очередным испытанием. Дом был полон воспоминаний, в нем словно обитал дорогой ее сердцу образ мужа. Лайам решил не торопить события.

Они около часа молча гуляли по берегу, держась за руки. Им было хорошо вдвоем. Время от времени Лайам нагибался и поднимал красивые ракушки, а дойдя до конца пляжа, они сели на песок, потом улеглись на спину и стали смотреть в небо. Оно было ярко-синим, с ослепительным диском солнца. Песок под ними был почти горячий.

– Из всех твоих жилищ это мне нравится больше всего, – проговорил Лайам, обняв Сашу. – Здесь дышится легко. – Она видела, что он говорит правду. – Я бы хотел, чтобы когда-то и дети мои здесь побывали. Они обожают море, как и я.

– Может, и побывают, – отозвалась Саша, потом села и с нежной улыбкой посмотрела на него. Он всегда удивлял ее своей красотой, а особенно сейчас, когда его длинные белокурые волосы разметал ветер. У нее сегодня волосы были заплетены в косу, она всегда так причесывалась, когда приезжала на море.

– А ты купаешься? – любопытствовал он.

– В это время года вода еще холодная. Обычно мне удается расхрабриться только после Четвертого июля, но и тогда еще бывает прохладно. По-настоящему тепло только в августе. – А к тому времени она будет с детьми в Сен-Тропе. Саше хотелось, чтобы Лайам хотя бы на одни выходные присоединился к ним. Она уже и ему сказала об этом, но окончательно они еще не решили.

– А у тебя найдется гидрокостюм? – спросил Лайам.

– Думаю, да. По-моему, Ксавье оставлял.

– Тогда после обеда пойду купаться. Хочешь со мной?

В ответ Саша рассмеялась.

– Я еще не сошла с ума. А ты, часом, не из экстремалов? – подшучивала она. Они двинулись обратно к дому.

Гидрокостюм он отыскал в гараже, а Саша тем временем распаковывала вещи наверху, после чего спустилась вниз совсем бледная. Всякий раз, как она видела их спальню и большую кровать со стойками, она вспоминала, как в то утро, когда уезжала в Париж, Артур в последний раз сказал ей о своей любви. А днем его не стало. Но Лайаму она об этом решила не говорить. Это была ее боль, ее воспоминания, и она не хотела

портить ему выходные и ставить его в неловкое положение.

Когда она спустилась, Лайам уже облачился в гидрокостюм и был похож на большого тюленя. Волосы он собрал в хвост.

– Ухожу в море. Хочешь полюбоваться? – Он снова напомнил ей маленького Ксавье, который всегда кричал: «Мам, смотри на меня!» – что бы он ни делал.

– Хорошо. – Она последовала за ним на пляж и сидела на песке, пока он входил в воду. В гидрокостюме еще можно было поплавать. Лайам несколько минут побарахтался и вышел, разбрызгивая вокруг себя ледяную воду.

– Черт, даже в костюме зябко. – Он поежился, Саша улыбнулась:

– Я предупреждала!

Но Лайам был вполне доволен.

После этого они вернулись в дом, и она повела его наверх. Его вещи она распаковала и повесила в шкаф рядом со своими. На шкаф Артура Саша еще год назад повесила замок. Вся его одежда оставалась там. Она еще ничего не разбирала и представить себе не могла, когда и как этим займется. Это ведь и Артура дом тоже. И раньше, и теперь. А в каком-то смысле и всегда будет. А Лайам здесь всего лишь гость. И, оглядывая спальню, он это отлично сознавал. В оформлении комнаты чувствовалась сильная мужская рука. По стенам висели рисунки, изображающие птиц и рыб, а над кроватью – большая картина с яхтой. Никаких современных работ Саша сюда не привозила. Это в Париже она украшала ими свое жилье. А тут была совершенно другая жизнь. Даже Лайам ощущал присутствие Артура, хотя никогда не был с ним знаком.

После купания Лайам принял горячий душ, и они устроились на веранде с вином. На вечер Саша заказала столик в небольшом рыбном ресторане. В семь часов они туда отправились, оба заказали омара и опять пили белое вино. За ужином они вели легкий разговор, и Лайам видел, что Саша понемногу оттаивает.

Вернувшись домой, они опять сидели на веранде и негромко разговаривали, глядя на океан, а в полночь поднялись в спальню. Лайам был нежен и деликатен, он не стал добиваться секса. Они лежали рядом, обнявшись. Ночью Саше снился Артур, но она не стала рассказывать об этом Лайаму. Сон был безмятежный. Ей снилось, что Артур по песку уходит от нее вдаль, а она даже не пытается его догнать. Потом он оборачивается и с улыбкой машет ей рукой, после чего исчезает.

Саша приготовила сытный завтрак – яичницу и вафли с начинкой. В доме была большая допотопная вафельница. Лайам сварил кофе. Они опять



гуляли по пляжу, загорали на веранде, а потом Лайам вздремнул в шезлонге. Когда солнце начало клониться, они решили остаться еще на одну ночь. Им здесь было очень хорошо вдвоем и не хотелось расставаться с этой завораживающей вечерней красотой.

Вечером они вместе готовили ужин, ночью мирно спали, а в понедельник после обеда вернулись в город. Саша решила не ходить в этот день в галерею. А ужин был запланирован в Сохо в компании друзей Лайама.

Они встретились в итальянском ресторане. Пришли четверо художников и два скульптора. Разговор шел о галереях и выставках и, конечно, о том, кто над чем работает. Все были моложе Лайама, на вид всем было лет под тридцать. Сашу Лайам представил просто по имени. Когда принесли десерт, одна художница, симпатичная молодая женщина, упомянула галерею «Сювери». Она сказала, что завтра должна завезти туда слайды. Саша с Лайамом переглянулись, он улыбнулся. Он так и не раскрыл ее инкогнито, а по дороге домой Саша спросила его об этой художнице.

– Из нее выйдет толк. Но пока еще ей надо поработать.

Было забавно общаться с ними, не называя себя. А еще забавнее, что никто не догадался, кто она такая. Ей нравилась такая игра, хотя был момент, когда разговор коснулся ее галереи и конкурентов и Саша почувствовала себя шпионкой во вражеском стане. За вечер ее имя несколько раз всплывало – как имя хозяйки легендарной галереи.

– Какие планы на завтра? – спросила она Лайама уже в постели. Ее снова тянуло в Саутгемптон.

– Пойду на стадион, наши опять играют, – ответил Лайам, предвкушая интересную игру.

Какая у них теперь чудесная жизнь! Море, друзья, художники, у него – бейсбол, у нее – работа. Сам того не желая, Лайам изменил ее жизнь, привнес в нее что-то новое и прежде неизведанное. Какой-то молодой задор и легкомыслие, которых она лишилась, рано выйдя замуж и заведя детей. Да и до последнего времени она была слишком занята постижением отцовской науки, а потом – работой в его галерее. У Саши никогда не было той беспечной жизни, которую Лайам продолжал вести и в свои сорок лет. Ни один из его товарищей еще не вкусил успеха и не знал тех обязанностей и большой ответственности, с какими успех бывает сопряжен. Они много работали, но достигли немногого. Мало кто из них был женат, а дети и вовсе были только у Лайама. Такое впечатление, что этой публике обязанности вовсе неведомы. У Лайама обязанности были, но за него их

выполнял кто-то другой, в данный момент – бывшая жена и ее будущий муж. И отчасти – Саша, которая взялась устроить его дела.

Неделя в галерее выдалась напряженная, в понедельник открывалась выставка, а оставалось еще много дел. Саша всегда сама курировала выставки, вплоть до развешивания картин, поэтому засиживалась на работе допоздна.

К концу рабочей недели она была сильно измотана. Хотелось опять поехать на море. На этот раз они отправились в пятницу, как было при Артуре. К девяти часам добрались до места, посидели на веранде и рано отправились спать. Теперь они хоть и робко, но занялись любовью. Время и любовь делали свое дело. Саша понемногу привыкала к тому, что в ее жизни появился Лайам. Для нее это был большой шаг вперед, а для Лайама – тем более.

В субботу, гуляя по берегу, она сообщила, что приглашена на ужин, и предложила ему тоже поехать. Гостей собирала известная голливудская актриса. В последние годы киношники полюбили Саутгемптон и окрестности, и пару лет назад Саша познакомилась с этой актрисой. Приглашение она получила очень давно, а в пятницу Марси напомнила, как раз перед Сашиним уходом из галереи. Ожидалась шумная компания, со всевозможными развлечениями и музыкантами, приглашенными специально из Лос-Анджелеса. Лайама ее приглашение удивило. Она еще никогда не звала его с собой в гости. А Лайам прекрасно помнил их первую бурную ссору.

– Ты хочешь, чтобы я пошел? – Лайам был польщен.

– Да, – лаконично ответила она, ничего не объясняя. Лайам не стал расспрашивать.

Звали к семи, но они приехали в восемь. В приглашении была упомянута «неофициальная форма одежды», но Саша знала, что многие женщины придут расфуфыренными. Она надела белые слаксы, белый тонкий свитерок и нитку жемчуга. Лайам натянул джинсы, футболку и привезенный Сашей из города блейзер. Она нашла ему мокасины из домашних запасов.

– Тогда тебе не придется надевать носки, – подшучивала она. – Здесь это высший шик – мокасины на босу ногу.

– Тогда я лучше надену. Мне уже поздно начинать следить за модой. – Всю жизнь он только и делал, что плыл против течения.

В конечном итоге носков он все же не надел, и в результате они оба попали прямо в точку. Они были прекрасной парой. Лайам шепотом признался, что потрясен знакомством с кинозвездой и ее знаменитыми

друзьями. Среди гостей было по меньшей мере десять лиц, которые вмиг узнал бы любой человек на свете.

– Жаль, никому даже не расскажешь, – проворчал Лайам. Но на самом деле ему ни с кем не хотелось делиться впечатлениями, кроме Саши.

Они пробыли в гостях почти до часу ночи, танцевали под живую музыку и домой вернулись счастливые, хоть и усталые. Весь вечер Лайам вел себя как истинный джентльмен, и ей с ним было очень хорошо. Несколько женщин пришли с куда более молодыми кавалерами, так что их с Лайамом разницу в возрасте можно было и проигнорировать. В Голливуде считалось очень модным иметь молодого кавалера. Перед сном Саша поделилась своими наблюдениями с Лайамом.

– Я же тебе говорил, терпеть не могу быть модным, – сказал он беспечно. Он чудесно повеселился и был горд тем, что Саша взяла его с собой. – А кроме того, девять лет разницы... И говорить не о чем!

– Для тебя – может быть. – Она хохотнула, юркнула к нему под бок и погасила свет. – Не уверена, что так же это воспримут мои дети.

– Когда ты меня познакомишь с Татьяной? – спросил он в темноте.

– Скорее всего, на вернисаже. Она нечасто одаривает нас своим присутствием, но в этот раз обещала быть.

– Как думаешь, я ей понравлюсь?

– Не исключено. Трудно сказать. Татьяна непредсказуема. У нее на все свое мнение. Одних людей она обожает, других – ненавидит. Будет проще, если мы не скажем ей, что мы вместе. – На данный момент Саша еще не созрела для того, чтобы посвящать детей в свою личную жизнь. Их это совсем не касается. Отношения с Лайамом проходят испытательный срок, и она еще ни в чем до конца не уверена. Но пока все прекрасно! Наконец-то она может это сказать хотя бы себе самой: «Все прекрасно!»

## Глава 13

Предстоящая выставка привела Лайама в необыкновенное возбуждение. Она поможет ему составить представление о том, как через полгода будут выставляться его работы. К тому же ему был симпатичен автор картин, представленных в экспозиции. Это был молодой художник из Миннесоты, которого Саша открыла год назад на художественной выставке в Чикаго. Он писал в мощной, несколько провокационной манере. Накануне открытия Саша проторчала в галерее до двух часов ночи, перевешивая картины, пока не осталась удовлетворена. Она во всем добивалась совершенства.

До полуночи Лайам крутился рядом, наблюдая за ее работой. Саша была так погружена в себя, так сосредоточена, что едва его замечала. А когда вернулась домой, он уже видел десятый сон.

Назавтра Саша весь день провела в галерее. Там же она приняла душ и переоделась к намеченному на вечер приему. Когда в шесть часов подъехал Лайам, она уже встречала гостей. В белом льняном костюме, контрастировавшем с ее иссиня-черными волосами, темными глазами и загорелым лицом, Саша выглядела великолепно. Глаза у нее были темно-карие, а порой казались совсем черными. Увидев Лайама, она улыбнулась. Она представила его художнику и нескольким гостям, после чего пустила в свободное плавание. Лайам был без пиджака и без галстука – только черные брюки, белая сорочка, мокасины на босу ногу. Но в этой среде его одежда вполне соответствовала случаю. Художники были одеты кто во что горазд, а клиенты и возможные покупатели были при пиджаках и галстуках. Среди приглашенных было несколько знаменитых манекенщиц, а также один известный фотограф, который не раз покупал у Саши картины. Писатели, драматурги, искусствоведы и критики, прочая публика, съехавшаяся на тусовку с дармовым шампанским и закусками. Обычный для Нью-Йорка вернисаж, только высшего разряда, поскольку проходил в галерее «Сюверии».

Татьяна приехала в восемь. Толпа уже начинала редеть, но в залах еще было много народу. Татьяна направлялась в какое-то заведение на ужин и заехала лишь потому, что обещала. Выставки в маминой галерее были для нее делом не новым. Она была ослепительна в шелковом платье бирюзового цвета и серебристых босоножках на высоком каблуке. С пышными светлыми волосами и большими голубыми глазами, она не имела

никакого сходства с матерью. Лайам видел, как она подошла к Саше, и сперва даже не понял, кто она такая, но потом женщины обнялись и расцеловались, и стало ясно, что это Сашина дочь, хотя внешне между ними не было ничего общего. Изящная и соблазнительная, Татьяна в то же время производила впечатление высокомерной и холодной красавицы. Саша была намного теплее и обаятельнее, она доброжелательно представляла гостей друг другу, улыбалась, разговаривала. С Сашей хотелось быть рядом, а Татьяна, наоборот, словно воздвигала стену между собой и людьми. Саша говорила ему, что дочь застенчива. Сейчас она стояла в стороне ото всех и рассеянно оглядывала зал. Сразу было видно, что притягивать мужские взоры ей привычно. В двадцать четыре года, да такая красавица – все шансы были на ее стороне. Ее мать была намного скромнее, хотя тоже хороша собой. Но ее очарование в значительной мере заключалось как раз в том, что она не отдавала себе отчета в своей красоте. Саша обладала невероятным обаянием. А Татьяна, как заключил Лайам, то и дело поглядывая на нее, недостает сердечности. К ней подходили люди, она перебрасывалась с ними парой слов, а Лайам издали наблюдал, и вдруг она, словно почувствовав его взгляд, обернулась и встретилась с ним глазами. И Лайаму показалось, она его сразу невзлюбила.

Он решил не торопиться со знакомством, чтобы она ничего не заподозрила. Он не хотел испортить впечатление. Это могло бы огорчить Сашу.

Бродя по залу, Лайам чуть не налетел на Татьяну и поспешно отступил в сторону. Сашина дочь стояла с отрешенным видом, а вокруг нее вились трое молодых людей. Она же рассеянно потягивала шампанское. Лайам решил примкнуть к небольшой компании.

– Добрый вечер, – любезно произнес он. – Я Лайам Эллисон. Хорошая выставка, вы согласны?

Татьяна смерила его таким взглядом, словно он сморозил какую-то глупость. Весь ее вид говорил: не подходи! Саша была куда более радушна и никогда не отталкивала людей. Напротив, она всем хотела помочь, всех опекала.

– Да, пожалуй, – согласилась Татьяна. – Вы тоже художник? – Она определила это по его внешнему виду, глаз у нее, конечно же, был наметанный, даром что ее мать всю жизнь занимается искусством. Произвести на Татьяну хорошее впечатление было задачей не из легких.

– Да. В декабре тоже выставляюсь. У вашей матери, здесь.

– Какого плана у вас работы?

Он стал объяснять ей свои творческие принципы, подозревая, что она

все пропускает мимо ушей, и был недалек от истины. Все это Татьяна слышала уже много раз. Ей явно не доставало маминой непосредственности и искреннего интереса к собеседнику. Саша в этом отношении разительно отличалась от дочери. Если бы не Саша, Лайам к этой девице и на пушечный выстрел не подошел. Она показалась ему высокомерной и бесстрастной. А по его меркам, это были серьезные недостатки. Лайам тоже не расположил к себе молодую женщину. Он был не таким уж и юным. Типичный художник, которого обошел успех. Татьяну же окружали другие люди. Это были уверенные в себе деловые мужчины, благополучные и надежные. Лайам был явно не из их числа. Едва перебросившись двумя словами, они уже испытывали друг к другу неприязнь. В попытке как-то сгладить ситуацию – хотя бы ради Саши – Лайам упомянул, что хорошо знаком с Ксавье. Татьяна кивнула с выражением глубокого безразличия. Она вспомнила, что брат как-то называл его имя, но ведь у Ксавье все дружки какие-то ненормальные, не то что у нее.

Спустя несколько минут к ним подошла Саша. Она заметила их отчуждение и встревожилась. У Татьяны на лице читалось раздражение. Плохой знак! Лайам был более оживленным, и Саша боялась, что своими расспросами и интересом к ее дочери он может выдать себя. Но пока Татьяна, кажется, ничего не подозревала. Она просто не имела желания с ним общаться, что, впрочем, для Саши было неудивительно.

– Вы уже познакомились? – спросила Саша небрежным тоном и обняла дочь. Сейчас она была только матерью, никем более. И уж во всяком случае – не возлюбленной этого долговязого художника.

– Познакомились, – подтвердил Лайам с улыбкой, на которую Саша ответила одними глазами.

– Лайам – один из наших художников и друг Ксавье по Лондону. Там я с ним и познакомилась. Ксавье его к нам привел. В декабре устраиваем ему выставку. А ты куда собралась? – спросила Саша у дочери. Выглядела та прекрасно, но Саша терпеть не могла, когда под платьем был виден каждый изгиб тела, а это был как раз тот случай. Впрочем, здесь все молодые женщины были одеты так же смело. Сейчас все молодые так одеваются. Саша не одобряла эту моду, но она ничего не сказала. Дочь достаточно взрослая, чтобы одеваться так, как считает нужным.

– Я ужинаю в «Пастис», в одной компании, – ответила Татьяна и взглянула на часы. Маленькие часики с бриллиантами, которые отец подарил ей в последнее в его жизни Рождество.

– Спасибо, что заскочила, родная, – с улыбкой проговорила Саша. Она

знала, что Татьяна бывает в этом районе исключительно по делам. Как у всей молодежи, жизнь ее протекала в центре города.

– Я же тебе обещала! – Татьяна сказала это с каким-то вызовом. Этот визит, скорее всего, не входил в планы девушки, но она любила мать и не решилась ее огорчить. Она высоко ценила Сашину работу и гордилась тем, что Саша приумножает созданную дедом империю. Татьяна его хорошо помнила. Когда они жили в Париже, он ее вечно пугал. Ксавье с ним лучше ладил. И все же именно дед дал жизнь галерее «Сювери».

– А мы ужинаем в «Прожорливой Жанне», – сообщила Саша. Это был один из ее любимых ресторанов, так что дочь не удивилась. Находился он по соседству с галереей, и в нем всегда было оживленно и полно всяких знаменитостей. Саша уже водила туда Лайама, ему тоже очень понравилось.

Через несколько минут Татьяна попрощалась, а Саша вернулась к Лайаму.

– Ну как, понравились друг другу? – Она была немного встревожена.

– Красивая у тебя дочь, – признал Лайам. Это было трудно отрицать. – Но строгая, должен заметить. Кажется, я ей не понравился.

– Не тушуйся. Она всегда такая. К ней вечно мужики лезут, вот она и надевает броню.

«И клыки», – мысленно добавил Лайам, но вслух ничего не сказал. Нет, эта девочка ему не понравилась. Она показалась ему избалованной. Вот Ксавье – другое дело. А на эту даже факт его дружбы с братом не произвел впечатления. Да ее ничем не проймешь, в этом Лайам не сомневался.

Вскоре после этого они уехали в ресторан. Саша пригласила с собой нескольких человек, с которыми Лайам должен был легко найти общий язык, и, конечно, художника, героя сегодняшней выставки. Всего набралось четырнадцать человек, их усадили за длинный стол, и весь ресторан вокруг них хлопотал. А больше всех – Саша. Она, как наседка, пеклась обо всех и каждом, следила, чтобы никого не обделили и чтобы всем было хорошо и весело. Вот за эту заботу о людях Лайам ее и любил. Она была доброжелательна, открыта и внимательна ко всем. А девиц вроде ее доченьки никто, кроме собственной персоны, не волнует. Саша делала все, чтобы Лайаму было удобно, чтобы он чувствовал себя значительным и желанным гостем в этой компании. И в ее жизни. А в этом он больше всего и нуждался.

Ничто в ее поведении не говорило о том, что между ними существуют близкие отношения. Она ничем себя не выдала, ни взглядом, ни

прикосновением, ни словом. Она дала всем понять, что ценит его как художника, а заботится о нем на правах устроительницы его дел. И со всеми другими она была так же приветлива.

Вернувшись домой, Лайам похвалил ее. Он совершенно освоился в ее квартире. Можно было только догадываться, в какое негодование пришла бы Татьяна, если бы увидела, как он курит сигару, развалившись в спальне в любимом кресле ее отца. Для Татьяны все связанное с отцом было свято. Она много раз давала понять матери, что рада, что Саша ни с кем не встречается, и надеется, что так оно и будет. Старший брат смотрел на вещи куда более реалистично. Он хотел прежде всего видеть маму счастливой, а она сама разберется в том, что или кто может сделать ее счастливой.

– Саша, ты чудо! – сказал Лайам, с улыбкой глядя на нее сквозь сигарный дым. Она даже курить ему здесь позволяла, говорила, что ей нравится запах, да он ей и в самом деле нравился. Артур всегда выбирал только самые качественные сигары, кубинские. – Вернисаж прошел замечательно. Ты всех сумела убедить, что Хочкис – большой, настоящий художник. Он сам – на седьмом небе, этот Хочкис. – Так звали художника, героя дня. – Он весь вечер твердил, как мне повезло, что меня тоже ты представляешь. А главного-то и не знает! – Лайам рассмеялся, Саша – следом.

– Рада, что ты доволен. – У нее был по-настоящему счастливый вид. Она привыкла всю себя отдавать и своим художникам, и покупателям. И успех ее вернисажей был ее личным успехом и радостью.

– Еще бы! – поддакнул Лайам, любуясь ею. Она уже переодевалась ко сну. Она его совсем не стеснялась, как будто они прожили вместе уже много лет. – Вот Татьяна твоя меня напугала, – признался он, гася сигару.

– Не говори глупостей. Она еще девчонка. Потому и строгость на себя напускает. Она была очень привязана к отцу и питает ко мне собственнические чувства. Я тебе уже говорила, она очень бескомпромиссный человек. Должно быть, решила, что ты – очередной сексуально озабоченный художник, вздумавший за ней приударить. Вообще-то зря она так одевается. Неудивительно, что мужики на нее клюют. Просто вызывающий вид!

– Выглядит она сногшибательно, – согласился Лайам, но при этом не питал насчет Татьяны никаких иллюзий. Наверное, Саша лучше знала дочь. – Она совсем не похожа на Ксавье. Тот может поговорить с бездомным и убедить его в том, что он король. А рядом с Татьяной я чувствовал себя, как кусок дерьма у нее под ногами. – Это было, возможно,



преувеличение, но Саша огорчилась.

– Она немного избалована, слишком много внимания к ее персоне. Но сегодня она была очень хороша.

– Она вообще очень хороша собой, а не только сегодня. – Что ему не понравилось, так это ее ледяной тон. Саша была как ярко горящая свечка, причем этот огонек светил неугасимо. А Татьяна как айсберг, протяни руку – и наткнешься на холодный лед.

– Она очень похожа на моего отца. Тот тоже был чрезмерно строг, хотя, думаю, тебе бы он по-нравился. – В то же время Саша не сомневалась, что на Симона картины Лайама не произвели бы никакого впечатления. Отец всю жизнь, до смертного часа, не жаловал молодых художников, хотя от прибыли, которую приносила семье Сашина страсть, не отказывался. Но работы современных мастеров он никогда не понимал и не признавал.

– Какие планы на завтра? – спросил Лайам, укладываясь в постель. Взгляд у него был много-значительный, да Саша и не возражала. Эта постель уже давно принадлежит им двоим.

– Я подумала, может, на море съездим? – предложила она, а он уже обнимал ее.

– Я с удовольствием, – сказал он и поцеловал ее.

– Отлично, – поддакнула Саша, ответила на поцелуй, и все на свете перестало для нее существовать, остался только Лайам.

Утром она поехала в галерею, просмотрела и осталась довольна отзывами прессы, а после ужина они укатили в Саутгемптон. По дороге захватили кое-какой еды и на место прибыли в десять часов. Немного посидели на веранде за разговором. Говорили обо всем. Рано легли спать, опять занимались любовью, а утром отправились гулять по берегу. Жизнь все больше входила в размеренную колею. После обеда, сидя на пляже, Лайам сообщил, что подумывает осенью перебраться с мастерской в Париж. Это будет проще, чем каждую неделю мотаться из Лондона, что и утомительно, и накладно. Он хотел и в будни быть рядом с ней.

Оба понимали, что рано или поздно об их отношениях станет известно. Бернар уже был в курсе. Но Лайам не собирался шумно вторгаться в ее жизнь. Он соглашался, что у них очень непохожий образ жизни и окружение, и был вполне доволен тем, что у них было общего. Выходило, что на таком уровне отношения возможны, причем с точки зрения обоих. Лайама это очень радовало, а Саша тоже медленно, но верно убеждалась в его правоте. Хоть она и многого вначале опасалась, выходило, что ничего невозможного нет.

Вечером они поехали в кино, а потом легли в постель и, обнявшись,

говорили о всякой всячине и смеялись, когда снизу до них вдруг донесся какой-то звук. Внизу явно кто-то был.

– У тебя нет кнопки для вызова полиции? – шепотом спросил Лайам, и Саша отрицательно мотнула головой.

– Есть какая-то штука, только не знаю, где, – прошептала она в ответ.

Внизу отчетливо слышались шаги, потом человек ступил на лестницу. Лайам огляделся по сторонам, схватил кочергу и в тот момент, когда шаги уже были совсем близко, распахнул дверь настежь. Одновременно он зажег свет и теперь с кочергой наготове красовался в дверях Сашиной спальни в чем мать родила. Прямо перед ним стояла Татьяна, на лице ее застыл ужас. Рядом с ней на лестничной площадке был молодой человек. При виде Лайама девушка вскрикнула, он тоже. Сцена была как в кино. Татьяна кавалер подскочил и встал рядом, а Саша заняла позицию бок о бок с Лайамом. Она тоже была не одета и смотрела на дочь в панике. Татьяна не говорила, что собирается приехать. Она, видимо, думала, что мать сюда больше не приезжает. Саша не рассказывала ей о своих поездках, а уж объясняться насчет Лайама и вовсе не собиралась.

– Мама, боже мой! Что ты делаешь? – Татьяна разрыдалась, а ее спутник благоразумно удалился вниз. Он мгновенно оценил ситуацию и решил не вмешиваться в семейную сцену. – Ты с ума сошла? – Тут она в слезах повернулась к Лайаму: – Какого хрена ты делаешь в постели моего отца, хотела бы я знать? О чем вы оба думаете?! Совсем голову потеряла, никакого уважения к папиной памяти не осталось? – снова накинулась она на мать. – Как ты могла притащить его сюда? Как ты могла? Этим ты в Париже занимаешься? Трахаешься со всеми своими художниками?

Впервые в жизни Саша не подумала над тем, что делает, и, дрожа всем телом, вlepила дочери пощечину. Татьяна ответила тем же, а Лайам со стоном выпустил из рук кочергу. Его тоже трясло, и он поспешил в ванную, чтобы что-то на себя накинуть. В суматохе ничего, кроме трусов, не обнаружил, что было ненамного лучше, но все же мужское достоинство оказалось прикрыто. До одежды ли ему было, когда он бросился спасать Сашу от грабителя? Уж лучше бы он встретился лицом к лицу с вооруженным бандитом, чем с Татьяной.

– Ну-ка, успокойтесь обе! Пожалуйста! – взывал он к рыдающим женщинам, но тщетно. Татьяна в истерике продолжала кричать на мать. – Замолчите! Пойдемте вниз и поговорим, – приказал Лайам по возможности спокойным тоном. Никто не собирался его слушать, а потом Татьяна снова повернулась к нему:

– Убирайся из дома моих родителей, подонок! Тебе здесь не место!

Лайам растерялся. В такой ситуации бывать ему не приходилось. Слава богу, Бет не застучала их с Бекки в постели, иначе могло быть еще хуже, хотя куда уж хуже? Обезумевшая девица его убить готова, а Саша умирает от стыда. Все это было ужасно!

– Замолчи! – закричала Саша. – Он мой гость.

– Какой же он гость?! Он твой любовник. До чего же вы оба отвратительны! – гневно выпалила девушка, развернулась и бегом бросилась вниз. Через несколько секунд дверь хлопнула и от дома отъехала машина. Романтический уик-энд у Татьяны не получился. Как и у Саши с Лайамом. Саша сидела на лестнице и, закрыв лицо руками, рыдала. Лайам сел рядом и обнял ее. Не хотела она, чтобы дочь узнала об их отношениях таким образом. Саша была в отчаянии и никак не могла унять слез.

– Пойми, Лайам, она теперь навсегда перестанет меня уважать. Она считает, что я осквернила память ее отца. Она возненавидит меня. – Саша едва могла говорить, ее всю трясло. – Обозвала меня шлюхой. Господи... Поверить не могу!

Лайаму все происшедшее тоже казалось невероятным, и единственное, что он мог сейчас сделать, – это по возможности утешить Сашу. Он считал, что Татьяна повела себя чудовищно, какое бы удивление и разочарование ее ни постигло. Наговорила матери такое, что назад не вернешь, даже если Саша и захочет ее простить. А он знал, что так и будет.

– Наши отношения – это не ее дело, – убеждал Лайам Сашу, уговорив ее снова лечь в постель. Лайам присел на кровать, взял Сашу за руки и продолжал: – Ты ничего дурного не сделала. Ты взрослая женщина, твой муж почти два года как умер. Что же тебе теперь – не жить? Ты находилась у себя дома, наедине с любимым мужчиной. Тебе не за что себя корить. – Лайам нежно ее поцеловал. – Она должна перед тобой извиниться, Саша. То, что она сказала, не имеет оправданий. – А если Саша и найдет эти оправдания, то он – ни за что. Маленькая мерзавка! Обозвала его куском дерьма и дешевым жиголо, он такого ни от кого терпеть не станет! Руки так и чесались врезать нахалке, но Лайам не мог этого себе позволить. Хотя бы ради Саши. Незачем было подливать масла в огонь. Но оттого, что Татьяна столько наговорила и так бурно среагировала на их присутствие в семейной спальне, страдали оба.

– Это ведь и ее дом, – жалобно проговорила Саша. – Она имеет право здесь быть. Я просто пока не хотела ей говорить о нас, а эта сцена... Господи, теперь это будет всегда стоять между нами. – Она чувствовала себя проституткой, застигнутой с клиентом. Дочь обвинила ее во всех грехах. Только на рассвете они наконец уснули, проговорив несколько

часов кряду, пытаясь найти себе оправдание и как-то примириться с ситуацией. Уснула Саша в слезах в объятиях Лайама, а в половине десятого их разбудил телефонный звонок. Звонил Ксавье из Лондона. Сестра позвонила ему ночью и все рассказала. В ее изложении все выглядело омерзительно. Она сказала, что застала Лайама расхаживающим гольшом по дому, явно после секса с их матерью. В первый момент Ксавье опешил, в особенности из-за нарисованной сестрой картины. Но потом, успокоившись и поразмыслив на холодную голову, пришел к выводу, что не имеет ничего против такого союза. Лайам ему симпатичен, а матери он желает только счастья. Единственное, что его огорчало, так это то, как это все выглядело в глазах сестры. Когда он звонил, в Лондоне было уже половина третьего дня. Едва услышав его голос, Саша залилась слезами. Она глубоко страдала.

– Мой мальчик, прости меня... Я не могла... Я думала... Все совсем не так, как решила Тати. О боже... Что же теперь делать? – Саша была убеждена, что отношения с дочерью испорчены навсегда, а большего стыда она в жизни не испытывала. Никакой роман не стоит того, чтобы ради него разрушать семью, терять детей. Она любила Лайама, по крайней мере, ей так казалось, но на первом плане для нее всегда будут оставаться дети. И она страшно боялась, что Ксавье тоже осудит ее.

– Для начала тебе надо успокоиться, – резонно заметил сын. То же самое он говорил и сестре, когда та разбудила его в шесть утра и истерически рыдала в трубку, обзывая мать шлюхой. Он велел ей немедленно замолчать, и Татьяна замолкла. Потом они долго говорили. Ксавье убеждал сестру, что ничего ужасного не произошло. Он говорил, что Лайам хороший мальчик, его близкий приятель и он их сам познакомил, хотя то, что случилось, было и для него неожиданностью. Ксавье и в голову не могло прийти, что у них может завязаться роман. Но он считал, что мама имеет право на счастье и ей решать, с кем она его найдет. Это сугубо личное дело. И еще, заметил он сестре, мать не выставляла свои отношения с Лайамом напоказ, ведь никто ничего не знал. Даже он, хотя и видел их вместе, ни о чем не догадывался. И нечего из матери делать чудовище, падшую женщину! Она – свободная женщина, и она вправе выбрать себе мужчину. И неважно, что Лайам на несколько лет моложе, это их тоже не касается.

– Как она может делать это в папиной постели? Это мерзость! – всхлипывала Татьяна. Отца она боготворила и до сих пор не могла примириться с его смертью. А теперь, вдобавок к ее горю, в его кровать мать уложила чужого мужика.

– Тати, это ведь и мамина постель тоже. Куда, по-твоему, ей деваться? Нам еще повезло, что она нас пускает в этот дом. Могла бы и не пускать. Папа ведь его ей оставил.

– Шла бы в отель!

– Вот это уже было бы мерзко. Тати, она имеет на это право, а он приличный человек, клянусь тебе! Я его хорошо знаю.

– Да уж, «приличный»! Нищий художник – за ее деньгами охотится. За нашими деньгами, между прочим, – уточнила она, рассчитывая восстановить брата против друга. Но это не сработало. Ксавье был знаком с Лайамом не один год.

– Это вряд ли, – возразил он. – Нет, не похоже. Скорее, у него к маме действительно чувство. – Во всяком случае, он на это надеялся и, собственно, ради этого и позвонил сейчас маме. – Мам, у вас это серьезно? – без обиняков спросил он, и Саша растерялась. Она не знала, что сказать. Точнее – какое подобрать определение. Они любят друг друга, но никаких далекоидущих планов не строят. Они только-только начали задумываться о будущем.

– Не знаю. – Саша не стала кривить душой. Она всегда была честна с детьми. И про Лайама она не хотела говорить до поры до времени, пока сама во всем не разберется. Это была не ложь, а сознательное умолчание, а это не одно и то же.

– И давно это у вас? – спросил Ксавье, надеясь, что это не знакомство на одну ночь и не порыв слепой страсти, иначе он сам окажется дураком в глазах Татьяны, которой он заявил, что мама относится к таким вещам со всей серьезностью и, видимо, очень дорожит этими отношениями. Отчего Татьяна лишь еще горше зарыдала. Она и помыслить не могла, чтобы мать связала свою жизнь с этим альфонсом-художником. Стыда не оберешься. Она никогда с этим не смирится. Татьяна не сомневалась в том, что ее мать всю жизнь должна быть верна памяти отца. Ей и в голову не могло прийти, что жизнь матери еще не подошла к финалу.

– Мы вместе уже полгода. С января, – всхлипывая, ответила Саша. Лайам слышал их разговор, лежа рядом с ней в постели. Поняв, что Саше надо дать возможность поговорить с сыном наедине, поднялся и пошел вниз варить кофе.

– Ты за него замуж собираешься? – продолжал расспросы Ксавье.

– Господи боже ты мой... Не знаю я! Я ему все время твержу, что это невозможно. И, по-моему, Татьяна это только что подтвердила. Я не стану делать ничего такого, что может восстановить вас против меня. Мы с Лайамом еще сами не поняли, куда это нас может завести. Может, и вовсе

ни-куда.

– Мам, этим ты нас против себя восстановить не можешь. Да и ничем другим тоже. Мы тебя любим. Дурь у Тати пройдет. Это она от неожиданности. Мы тебе желаем только счастья. – Ксавье говорил за себя и за сестру, но Саша знала, что Татьяна его мнения не разделяет. Во всяком случае, сейчас.

Очередное воспоминание о ночном скандале, когда они с Лайамом стояли голые напротив Татьяны и кричали друг на друга, вызвало у нее стон. А эта пощечина! Татьяна описала все брату в точном соответствии с действительностью.

– Это было ужасно! Мы сначала подумали, к нам вор лезет. Лайам выскочил в коридор раздетый, с кочергой в руке.

– Она мне так и сказала, – подтвердил Ксавье. Он был старше сестры на два года, а это многое меняет. И Лайам был ему друг, а не чужой человек. В первый момент новость об их романе с Сашей его тоже сразила, но он хотя бы знал, что мамин возлюбленный – приличный человек. Татьяна же о нем не знала ничего. – Хорошо еще, он ее в темноте по голове не стукнул.

– Он зажег свет, чем сделал только хуже – она нас сразу увидела.

На этот раз Ксавье рассмеялся:

– Да, мам, накрыли вас! Что ж, бывает! Но лично для меня главное, чтобы ты была счастлива. С Татьяной я потом поговорю. Я ей велел принять валиум и лечь спать.

– Она пьет валиум? – удивилась Саша.

– Нет. Но уверен, она его возьмет у знакомых. Просто вчера у нее был такой голос, что я подумал, ей не мешает успокоиться. Вам бы надо было ее из пожарного шланга окатить. Я ее даже сначала не узнал по телефону. Она со мной говорила таким голосом, будто сошла с ума. – А кроме того, понял Ксавье, она успела как следует выпить и была не совсем трезва. Короче, сестра была никакая, и он отправил ее спать, пообещав все обсудить потом. – А могу я с Лайамом поговорить?

Саша отправилась искать его на кухню. Тот протянул ей чашку кофе, а она ему – телефонную трубку. При звуке знакомого голоса Ксавье хохотнул:

– Мне что же, теперь тебя папочкой величать?

– Это намного лучше, чем то, как меня назвала твоя сестрица. Слышь, старик, ты меня извини. Я совсем не хотел никаких скандалов. Никогда бы не поступил так ни с твоей мамой, ни с тобой.

– Да понимаю я все... Дело житейское. – Тут Ксавье вспомнил о своей

роли главы семейства и встал на защиту маминых интересов. – Ты ее любишь? – строго спросил он. Ксавье надеялся на положительный ответ, Лайам ему нравился и должен был вести себя достойно, а не порхать, как мотылек. Он не хотел, чтобы его мамой кто-то воспользовался, тем более – друг.

– Да, люблю, – громко ответил Лайам и обернулся на Сашу, которая со страдальческим видом съежилась в кресле. Она испытывала невероятное унижение.

– Позволь спросить о твоих намерениях.

– Пока что мы оба пытаемся разобраться, что к чему и чего мы хотим. Ответ дать ни я, ни она пока не готовы. От меня потребовалось немало усилий, чтобы убедить твою маму хотя бы попробовать. Подозреваю, прошлая ночь может многое испортить. А мне, ты же знаешь, еще нужно дождаться развода. – Тут он сам обратился с вопросом к Ксавье: – Если решимся – благословишь?

Ксавье задумался. К такому вопросу он не был готов.

– Если вы считаете, что можете сделать друг друга счастливыми, я бы возражать не стал. Я, конечно, не ожидал ничего подобного, но жизнь порой преподносит сюрпризы. Может, у вас как раз и получится. Это вам решать. А я тем временем сестру постараюсь привести в чувство.

– Спасибо тебе, – дрогнувшим голосом отозвался Лайам. Он, конечно, имел в виду не столько обработку разъяренной сестрицы, сколько готовность Ксавье благословить их на долгосрочные отношения, хотя и душевспасительная беседа с Татьяной была бы нелишней. Особенно это важно было для Саши, которая никак не могла прийти в себя. Потом Лайам вернул ей трубку, а сам вышел на веранду.

Ксавье продолжил разговор с матерью и снова стал ее успокаивать. Саша тихонько всхлипывала, ему было ее жаль. Он прекрасно понимал, каким кошмаром стал для нее ночной скандал.

– Мам, постарайся успокоиться. Я поговорю с Тати. Для тебя сейчас главное – прийти в себя. Не думай о том, что случилось. У Тати все уляжется. И у тебя тоже. Лайам хороший мальчик. Сказал мне, что любит тебя. А больше тебя ничто не должно волновать.

– Я его тоже люблю, – всхлинула Саша, – но терять ради него своих детей не собираюсь.

– Да никого ты не потеряешь! Ну, покричит она немного, ногами потопает, она же у нас капризная. Такой уж характер, ничего не попишешь. Ты имеешь право быть счастливой. Если, конечно, Лайам то, что тебе нужно. Можешь рассчитывать на мою поддержку. А если у вас все удачно

сложится, и на Татьянину тоже. А не сложится – будем считать эксперимент неудавшимся и как-нибудь вместе посмеемся.

Но в данный момент всем было не до смеха. Ксавье, правда, был на высоте – проявил неожиданную зрелость и великодушие – в противоположность сестре.

Саша была ему благодарна, они еще немного поболтали, потом распрощались, и Саша вышла вслед за Лайамом на веранду. Он в задумчивости смотрел на море. Услышав шаги Саши, он повернулся.

– Прости меня! Я не хотел создавать тебе такие проблемы. – Вид у него был побитый.

– Дело не в тебе. Просто эта ужасная ситуация... Рано или поздно они все равно бы узнали. Но кто же знал, что все так получится... – Саша была безутешна, она ни о чем не могла думать.

Воскресным вечером они вернулись в город. Саша несколько раз пыталась дозвониться до дочери по мобильному, но он все время был включен на голосовую почту. Дома у Татьяны тоже включался автоответчик, Саша надиктовала несколько сообщений. Лайаму было неприятно слышать, как она унижается, но он понимал, что дочь для нее много значит. Эту бы Татьяну да отхлестать по первое число! Но Саше он ничего не сказал. Она лучше знает, как объясниться с дочерью.

Ксавье тоже оставил сестре несколько сообщений, и она перезвонила ему в Лондон. Он тщетно взывал к ее здравому смыслу, но Татьяна была непоколебима и злилась, что брат выгораживает своего ничтожного дружка.

– Ты не лучше их! Тоже спятил. Сам подумай: он же ее лет на двадцать моложе! Какой надо быть идиоткой!

– Никакая она не идиотка. Ей одиноко. И моложе он ее всего лет на восемь или девять. – Ксавье говорил спокойно и терпеливо, пытаясь образумить сестру.

– А выглядит как мальчишка. Этот прикид, эти длинные волосы! Ужас какой-то! И что мать в нем нашла?! Разве только он хорош в постели...

– Прекрати, Татьяна! Да, Лайам часто ведет себя по-детски, но он не ребенок. Он взрослый человек. Говорит, что любит ее. И мне показалось, она его тоже. Нравится нам или нет, но она имеет право быть с тем, кто ей мил. И, если уж на то пошло, я предпочел бы, чтобы она была с Лайамом, чем с каким-нибудь надутым снобом или охотником до ее денег.

– А он наверняка как раз и охотится за ее деньгами, неужели ты не понимаешь?!

– Не думаю. Он порядочный человек, был женат двадцать лет, у него трое детей. – Он не стал говорить о том, что Лайам разрушил семью,



изменив жене с ее собственной сестрой. – Положись на маму. Может, у них все сойдет на нет. Они же никому не мешают своими отношениями!

– Она выставляет себя круглой душой! А если кто узнает или, чего доброго, она с ним в обществе начнет появляться, то и мы с тобой будем опозорены.

– Можешь мне поверить, я выкидывал номера и покруче. И ты, кстати, тоже. – Все Татьянины тайны были Ксавье хорошо известны. У нее тоже случались романы, которые она не хотела афишировать. А Саша, похоже, не выставляет напоказ отношения с Лайамом. И даже больше того, держит их в секрете, а в Саутгемптон уезжает, чтобы не попадаться никому на глаза. Но даже если люди прознают, ничего зазорного в романе с Лайамом нет. Они взрослые люди, черт возьми! И чего это Татьяна так распсиховалась?! Как же, боится она за свою репутацию! Раньше надо было об этом думать!

– Она же наша мать! – волновалась Татьяна. Она не была настроена уступать. А если уж Татьяна закусила удила, знай держись. Хочешь не хочешь, а придется ждать.

– Тут ты права, Тати. Знаешь что? Дай ей время. Будь с ней поласковой. Ей это нужно, поверь. Когда папа умер, помнишь, как она страдала? Я хочу, чтобы она была счастлива.

– Только не с этим типом! – Татьяна объявляла войну обоим – и матери, и ее возлюбленному – и не собиралась отступать. Она хотела любой ценой изгнать Лайама из маминой жизни. Спасти Сашу от нее самой, хотя бы ради памяти отца.

Брат с сестрой проговорили чуть не целый час, но Татьяна осталась при своем. Она объявила, что не успокоится, пока Лайам не исчезнет из поля зрения. Судя по ее голосу, она была полна решимости. Ксавье оставалось надеяться, что Лайам проявит больше упорства и терпения, чем сестра. Татьяна же всегда отличалась умением достигать своей цели.

## Глава 14

В понедельник Саша приехала в галерею в ужасном состоянии. Управляющая галереей, Карен, это заметила. А верная Марси, вручая Саше очередную пачку газетных вырезок, спросила, все ли у нее в порядке. У Саши в глазах стояли слезы. Татьяна ей так и не перезвонила, а утром в конторе Саше сказали, что ее нет на месте. Ей не хотелось надоедать, было ясно, что Татьяна решительно не желала с ней говорить.

– В выходные с дочерью возникла проблема, – уклончиво ответила Саша. Не могла же она пуститься в объяснения о том, как Лайам голый стоял в дверях спальни и держал наготове кочергу, в то время как Татьяна осыпала обоих оскорблениями. Каждый раз воспоминание об этой сцене вызывало у Саши содрогание и на глаза вновь и вновь наворачивались слезы. Все это было ужасно.

– У нее все в порядке? – Марси, никогда не имевшая не только детей, но и мужа, была, однако, прирожденной наседкой, что Саше очень импонировало. Ее секретарша не только была дельным работником, но и отличалась большой добротой и вниманием к людям, а к Саше относилась прямо-таки по-родственному.

– Она со мной не разговаривает. Мы жутко поссорились. Описать не могу.

Марси знала, что мать с дочерью нередко ссорились, еще когда Татьяна была девочкой, но в последние годы они стали прекрасно ладить. До сегодняшнего дня.

– Это у нее пройдет, – успокаивала Марси. – Ты же знаешь ее характер.

– Не уверена, – покачала головой Саша и кружевным платочком вытерла слезы. Привычка всегда иметь при себе носовой платок передалась ей от матери. И она была ей верна, бережно храня память о рано ушедшей Марджори. В любой ситуации у Саши в сумочке имелся платок. – Ужас что было, – повторила она, а Марси кудахтала над ней с чашкой чая и печеньем. Саша подняла голову и улыбнулась: – Спасибо, Марси.

Секретарша не знала, остаться или дать Саше побыть одной.

– Если нужна помощь, – сказала она, – можешь на меня рассчитывать. – Она вела себя предельно деликатно.

– Да нет, спасибо, ты тут ничем не можешь, – ответила Саша и зарыдала еще безутешнее. Тогда Марси не удержалась, подошла к Саше и обняла ее за плечи.

– Что бы у вас там ни произошло, все перемелется, можешь мне поверить, – сказала Марси, сама чуть не плача.

– Нет, не перемелется! – Саша всхлипнула, слезы все текли по ее щекам. – Это из-за Лайама, – наконец призналась она. Марси опешила от неожиданности.

– Из-за Лайама? – Интересно, он-то тут при чем? Марси никак не могла взять в толк. – А она с ним знакома? – Как это он в семейную ссору затесался? У Марси голова шла кругом.

– Да уж, и даже лучше, чем ей бы хотелось. Он был со мной в Саутгемптоне. – Это ничего не проясняло, но Марси сочувственно слушала Сашин рассказ.

– И они там поругались?

– Она нас обоих такими словами поливала! И шлюхой, и проституткой, и жиголо, и подонком. И это только начало.

– Боже мой! Что у вас там стряслось? – Марси была шокирована.

Саша посмотрела на нее долгим, пристальным взглядом. Марси она полностью доверяла. Они знакомы уже столько лет, Марси – надежный друг. Саша сначала не собиралась ни с кем откровенничать, но молчать дальше было невозможно. Ей надо было выговориться.

– Она нас застукала в Саутгемптоне. Я понятия не имела, что она собирается на дачу. Мы были в спальне. И тут вдруг она. Мы решили, это грабитель. Лайам как был голышом, так и шагнул к двери с кочергой в руке. Чуть ее по голове не огрел. Ну, после этого и началось.

– Лайам? А что он в твоей спальне-то делал? – недоумевала Марси, и Саша рассмеялась сквозь слезы.

– Бога ради, Марси, сама подумай, что он мог делать голый в моей спальне? В отличие от тебя, Татьяна все поняла. Тем более что он был без одежды, а она привезла с собой парня, чтобы, по всей видимости, заняться тем же, чем занимаемся мы с Лайамом уже полгода. Мы пробовали разбежаться, потом снова сходились. А эта ужасная сцена... Не знаю, что теперь делать!

– Ты и Лайам? – У Марси было такое лицо, словно это ее ударили кочергой по голове. – Ты и Лайам?

– Неужели это так ужасно звучит? – совсем сникла Саша. Она в жизни не испытывала столько унижений, сколько за последние три дня. А теперь еще и Марси в ужасе. Зря она с ней поделилась.

– Ужасно? Смеешься, что ли? Да если бы мне удалось захомутать такого мужика, я бы до конца дней свечки ставила. Хорош собой, талантливый, приятный. Что тебе еще нужно? А ей-то какое дело до вас?!

Может, ревнует?

– Не в этом дело. Она его сразу возненавидела. Она вообще художников терпеть не может, столько всяких чудиков на своем веку повидала, что считает их никчемной публикой. И по большей части она права. Лайам действительно иногда ведет себя безответственно. Но я его люблю, а он говорит, что любит меня. А теперь вот Татьяна готова его убить, а со мной, наверное, до конца жизни разговаривать не станет.

– Еще как станет! Как это я сразу не поняла? – удивлялась Марси своей недогадливости. – Дура безмозглая! А глаза куда смотрели?

– Мы старались не афишировать, хотели сначала сами разобраться, что к чему. По правде сказать, в последние три месяца у нас все идет очень хорошо, но это же небольшой срок.

– Чего ты боишься? – мягко спросила Марси. Саше и раньше доводилось делиться с ней личными проблемами, и советы Марси всегда давала очень мудрые.

– Издеваешься? Он же – мальчишка, хоть ему уже сорок. А я – как его мамаша, даже внешне. А мне совсем не хочется быть его мамашей, мне своих детей хватает.

– Во-первых, на мамашу его ты совсем не тянешь. Ты даже рядом со своими детьми смотришься, как их сестра. А во-вторых, все мужчины – что малые дети, а мы, женщины, рано или поздно становимся квочками. В противном случае они быстренько делают ноги в сторону той, которая готова их нянчить.

– Или в сторону молоденьких красоток. Я не хочу связывать свою жизнь с мужчиной, который через десять лет убежит к двадцатилетней. А это вполне может случиться.

– А он такой? – забеспокоилась Марси.

– Кто знает? Он двадцать лет был женат, пока сам все по глупости не разрушил. Но для своего возраста он слишком легкомыслен. Как он сам о себе говорит, шальной художник. – Правда, Саша признавала, что Лайам в последнее время очень изменился. – Никогда не думала, что увлекусь мужчиной на девять лет моложе, да еще и нашим клиентом. Ты же меня знаешь, Марси... Мы с Артуром всегда жили так спокойно, так упорядоченно... И вот – надо же! Я влюбилась в великовозрастного мальчишку, и вся моя жизнь пошла кувырком. А теперь со мной перестала разговаривать дочь, бог знает кем меня считает!

– Если она не возьмется за ум, я ее своими руками высеку. Она уgomонится. Она просто испытала шок. Надо полагать, как и вы.

Саша посмотрела на подругу и горько улыбнулась:

– Представляешь, мы оба стоим в чем мать родила, у Лайама в руке кочерга, она выкрикивает нам все мыслимые оскорбления, а ее кавалер, кажется, вот-вот уползет под коврик. Я влепила ей пощечину, она – мне. Никогда в жизни не поднимала на нее руку. И представить такое не могла! Как в дешевой мелодраме. Вот она я, полюбуйте, с молодым любовником, да еще в постели ее отца, как выразилась Татьяна, и мы оба стоим перед ней во всей красе. Господи, Марси, ну что может быть хуже?

– Ничего, – без колебаний согласилась Марси. – А ты попробуй взглянуть на вещи с другой стороны. Твой возлюбленный ведь мог быть старым, обрюзгшим, лысым, некрасивым. И как бы он тогда выглядел голый?! По-моему, тебе с Лайамом очень повезло. Послушай, ты вот овдовела совсем недавно, так? А я всю жизнь одна куковала и, наверное, так и буду куковать, и не потому, что мне так нравится, а потому, что никак не встречу приличного человека или он меня никак не найдет. Одни разведенные встречаются, которые платят алименты и поэтому всех баб презирают, или растерявшиеся вдовцы, которые убеждены, что лучше их покойной супруги никого нет, забывая о том, как от нее при жизни на стену лезли, и что бы ты ни делала, тебе никогда не получить их одобрения. А есть такие, кто патологически боится каких-либо обязательств, а еще пьяницы, наркоманы, подлецы, насильники, женоненавистники, тайные гомики, явные гомики – эти жаждут поносить твои платья, – зануды, от которых не знаешь, куда деваться, мужики, от которых скверно пахнет, которые безобразно выглядят и по характеру дрянь, или дряхлые старцы, которых уже никакая виагра не берет. Я лет десять не встречала мужчину, которым можно было бы увлечься, а в постели с мужчиной уже года три как не была. Я уже давно отказалась от мысли спать только по любви. Потому что с этими принципами, коими я когда-то очень дорожила, так и останешься наедине со своей по-душкой. Вот так-то, подружка. Значит, тебя беспокоят девять лет разницы с красивым, талантливым и порядочным мужчиной, в которого ты влюблена и который сходит по тебе с ума? Вели своей Татьяне прикусить язык и успокоиться. А хочешь, это сделаю я?

Саша знала, что произнесенная Марси речь выстрадана. Марси была чудесная женщина, не красавица, но миловидная, всегда хорошо одета, фунтов десять лишнего веса есть, но они ее не портят. Умная, образованная, хорошо зарабатывает, к тому же – добрейший человек. Еще Саше было известно, что у Марси уже много лет нет близкого друга-мужчины. Она сама была достойна хорошего человека, но так и не встретила стоящего. В окружении Саши и Марси было много таких женщин – славных, приятных, но одиноких. И дело здесь не в возрасте, не

в социальном положении и доходах. Людям стало очень трудно находить друг друга, вот почему многие все чаще прибегают к знакомствам через Интернет. Саша и сама несколько раз подбивала на это Марси, но та робела. И Саша ее понимала: знакомиться с чужим человеком по Интернету – в этом есть что-то опасное. Аргументы Марси были убедительны, и Саша понимала, что Марси поступает правильно. А Марси считала Сашу самой везучей женщиной на земле, раз ей удалось заполучить Лайама, а его – самым везучим мужчиной. А если Татьяне что-то не нравится – это ее проблема. Когда Саша сказала, что кричала ей дочь, Марси рассвирепела.

– Ты в самом деле считаешь, что ничего страшного, что я на девять лет старше? – в который раз спросила Саша. Она была благодарна подруге за то, что Марси искренне разделила ее тревоги.

– Господи боже ты мой, ему же не двадцать два! Он взрослый, сознательный человек. У него дети. А рядом вы смотрите ровесниками. К тому же в наше время такое сплошь и рядом случается. В определенном возрасте в этом даже есть своя прелесть. У тебя был прочный брак, теперь дети выросли. Тебе нужно уже не то, что двадцать пять лет назад. Тебе нужен человек, с которым можно было бы хорошо проводить время, который тебя ценит, с которым у тебя есть общие интересы. А у вас они как раз есть. Вам нет необходимости неотлучно следовать друг за другом, вы можете даже жить в разных местах. А можете вместе, если вам так удобнее. У каждого может быть своя жизнь, свои друзья, а вместе вы тогда, когда этого хотите. По мне, так это прекрасно. И вот еще что. Если он тебе не нужен – отдай мне. Я его всего на три года старше. Буду счастлива пережить унижение, выходя с ним в общество. Мечтаю об этом!

Теперь Саша уже не плакала. Она слушала Марси и улыбалась. Марси заставила ее поверить, что все будет хорошо. Доводы Марси были вполне резонными. Ну и что, что девять лет? Ну и что, что он шальной художник? С этим она как-нибудь сама разберется. К тому же в последнее время Лайам вел себя безупречно.

– Так что мне с Татьяной-то делать? – спросила она наконец.

– Да ничего! Дай ей остыть. Она решила, что ты предаешь отца. Ты же знаешь, как она была к нему привязана. Чуть не святым считала. Артур был прекрасный человек, но надо смотреть правде в глаза: его больше нет, как это ни прискорбно. Мне кажется, он был бы только рад, если бы узнал, что ты счастлива. Если ты, конечно, счастлива. Артур был самый замечательный мужчина из всех, кого я знаю. Не думаю, что он желал бы тебе век одной куковать. Татьяне просто нужно повзрослеть. Пережить все это. Дай ей время, и она образумится. Не будет же она всю жизнь с тобой

воевать.

Но Саша знала, что дочь бывает упряма, а ее преданность отцу не ведает границ. Это у нее с юных лет. А теперь, когда Артура не стало, она его боготворит вдвойне. Это дает ей ощущение, что связь с ним не потеряна. Но совет Марси был не лишен смысла. Надо дать ей время.

– Я ей оставила миллион сообщений. Она так и не взяла трубку.

– Оставь ее в покое. Может, ей стыдно того, что она наговорила. Вообще-то есть чего стыдиться. А как Лайам пережил эту пытку?

– С большим достоинством, – ответила Саша. – Он был на высоте. Татьяна позвонила брату, и Ксавье говорил с нами в воскресенье. Он меня успокаивал. Лайама он обожает, они друзья, собственно, так я с ним и познакомилась. Ксавье пытался урезонить сестру. Но Лайам теперь Татьяну боится, он испытал самый настоящий шок.

– Не отталкивай его, Саша. Все образуется. – С этими словами Марси поднялась, и они закончили разговор, а через полчаса в галерее появился Лайам. Когда он проходил мимо стола Марси, та подняла голову и заулыбалась. Пусть парень хоть здесь чувствует себя желанным гостем.

– Добрый день, Лайам, – поздоровалась Марси и дружелюбно помахала рукой.

– Добрый день, Марси, – ответил он. Вошел, благодарно улыбнувшись, к Саше в кабинет и закрыл за собой дверь. Вид у него был озабоченный. – Как ты сегодня? – спросил он и поцеловал ее.

– Нормально. – Саша не стала говорить ему о разговоре с Марси. Это их секреты, Лайаму о них знать необязательно. Но у нее теперь было намного легче на душе.

– Татьяна не объявлялась? – Весь день этот вопрос не давал ему покоя.

– Нет. Думаю, ей надо остыть.

– Мудро. – Лайам видел, что сейчас Саша намного спокойнее, чем была утром. – У меня на сегодня билеты на бейсбол. Как тебе такой план? – Он хотел ее отвлечь от грустных мыслей, а никакого другого способа не придумал.

– Отлично. – Саша улыбнулась. Она бы предпочла поужинать вдвоем в каком-нибудь тихом ресторанчике. Или даже в шумном, вроде «Прожорливой Жанны». Но она знала, что он помешан на бейсболе, и была готова разделить его страсть. После разговора с Марси Саша смотрела на Лайама другими глазами, словно видела в первый раз. А еще, несмотря ни на что, она была благодарна судьбе за то, что подарила ей Лайама.

В свои сорок девять она прекрасно знала, что достойные мужчины на дороге не валяются. То, что описала Марси, было правдой, хоть и звучало

несколько преувеличенно и комично. Лайам был достоин ее внимания и любви, и она не собиралась с ним порывать, как бы к этому ни относилась ее дочь.



## Глава 15

Четвертое июля и примыкающие выходные Лайам с Сашей провели в Саутгемптоне. Все дни стояла солнечная и жаркая погода. Они готовили еду, ужинать ходили в ресторан, днем лежали на пляже, купались, а в День независимости были приглашены в гости – Сашины знакомые устраивали барбекю. Саша приняла приглашение, и в назначенный день в шесть часов они отправились в гости, в джинсах и сандалиях, как и было указано в приглашении. Саша купила две сине-красно-белые банданы, и каждый из них повязал бандану себе на шею. Когда они выходили из дома, Лайам оглядел Сашу и улыбнулся. По его словам, он никогда еще не был так счастлив, как сейчас.

– Мы с тобой как близнецы, – усмехнулся он, имея в виду их одежду. Лайам – блондин, она – брюнетка, он высокий, она – миниатюрная. Саша понемногу начинала забывать о своем возрасте. Очень помогли Марси и Ксавье, которые ее поддержали и благословили на продолжение отношений. От Татьяны с того ужасного дня не было ни слуху ни духу. Саша ее не теребила, давала прийти в себя.

Гостей собралось человек двести. Стояли длинные столы с едой, гигантский мангал и специальная палатка с карнавальными масками и костю-мами.

Саша с Лайамом сидели рядом за длинным столом и ели гамбургеры и хот-доги, когда Саша вдруг поняла, что Лайам пьян. В разгар ужина он громко заявил, что ему жарко, снял рубашку и, подмигнув Саше, швырнул в огонь. В нем снова стал пробуждаться необузданный мальчишка. Дело было плохо. Саша попробовала утянуть его домой, но Лайам заявил, что ему весело и он никуда не пойдет. К этому моменту он уже был пьян настолько, что не замечал, что Саше совсем не до веселья. Он начал с ромового пунша, продолжил пивом, а за столом усиленно налегал на вино. Потом кто-то предложил ему отведать мохито, и Саша с ужасом смотрела, как он, не переводя дух, осушил подряд три рюмки. Вот когда его по-настоящему развезло. А хуже всего, что Саша оставалась трезва как стеклышко и с каждой минутой расстраивалась все сильнее, чего Лайам совершенно не замечал. Ему было море по колено.

Потом в центр лужайки вышли танцовщицы, Лайам сорвался со своего места и выхватил из круга одну девушку, самую хорошенькую и молоденькую, и пустился с ней в разудалый танец, девушка с готовностью

подхватила и дошла до того, что расстегнула Лайаму ширинку. На этом «экзотика» закончилась, но Саше хватило. Люди вокруг хохотали, кто-то смотрел неодобрительно, а Лайам вернулся к ней, застегнул джинсы, смачно на глазах у всех поцеловал ее в губы и обеими руками сгреб за ягодицы, не оставляя ни у кого сомнений насчет их отношений. До этого Саша всем представляла его как одного из своих подопечных художников из Лондона.

– В чем дело, зайчик? – спросил он заплетающимся языком, глядя на нее пьяными глазами. Саша готова была его убить на месте и хотела одного: поскорее уйти.

– Лайам, я хочу домой, – тихо сказала она. Она не хотела устраивать сцену, но и не намерена была дальше позориться. Лайам себя не контролировал, и положение усугублялось с каждой минутой. Он заказал «Отвертку», а когда официант подошел с заказом, стакан перехватила Саша.

– Ты что? – возмутился Лайам и попытался выхватить у нее коктейль. Но официант уже понял, что происходит, молча забрал стакан и унес.

– Тебе уже хватит! Нам пора.

– Вот еще! – Лайам вскочил и, шатаясь, встал перед ней. Он чуть не упал ей на руки, потом его вдруг потянуло на нежности. Саша выразительно на него посмотрела, но ей уже было ясно, что увезти его домой не удастся. Он, несомненно, был в ударе. – Я не твой сынок, чтобы ты мне диктовала, что делать! – Лайам положил ей руку на плечо.

– Тогда веди себя как взрослый! – вполголоса сказала Саша. Он был похож на распоясавшегося пьянчужку.

– Ты не имеешь права мне указывать! – повторил он, Саша кивнула, окружающие с любопытством смотрели на них. Один из гостей заметил, что назавтра у парня будет тяжелое похмелье, другой засмеялся. С обоими мужчинами Саша была хорошо знакома. Это были приятели Артура. Еще не легче!

– Лайам, я устала. Я хочу домой, – взмолилась она.

– Так иди и поспи. Можешь меня в машине подождать. В кои-то веки я хочу повеселиться. Мне здесь нравится. – Он опять качнулся и, к Сашинуму ужасу, нырнул в толпу. Она нашла его верхом на коне, запряженном в повозку для увеселения гостей. Конь пугался, а конюх безуспешно уговаривал Лайама слезть. Гости стояли и смотрели, как будут развиваться события. В конечном итоге с помощью трех официантов Лайама удалось спустить на землю. Он все кричал: «Нно! Пошла!» – и колотил лошадь пятками по бокам. Саше хотелось его прибить.

Хозяин дома помог усадить его в машину. Лайам мгновенно отключился, и Саша повезла его домой. Разбудить его возле дома не удалось, и она оставила его спать в машине. В семь утра она проснулась оттого, что он пробрался к ней под бок. В девять она поднялась, а Лайам еще не проснулся. Он спустился только к полудню, да и то надел темные очки и все причитал, что солнце очень яркое. Саша молча сидела на кухне с газетой, а Лайам налил себе кружку кофе. Потом подошел и сел рядом, и ей ничего не оставалось, как оторваться от газеты и поздороваться. Голос у нее был холоднее льда.

– Вот это я понимаю, повеселились... – произнес Лайам как ни в чем не бывало. Саша пристально на него посмотрела. – Я, кажется, перебрал – судя по раскальвающейся голове. – Он хохотнул. Саша молча смотрела на него. – Что я вчера натворил? – осторожно спросил он. Он мало что помнил о вчерашнем вечере. Зато Саша помнила все в мельчайших подробностях.

– Много чего, – ответила она и перечислила все его «подвиги». Не забыла и о том, как он лапал ее и пустил псу под хвост всю их конспирацию. – Но больше всего мне, конечно, понравилась выходка с лошадью. Ты был неподражаем и испугал коня, изображал из себя ковбоя и вопил во все горло. – Саша едва сдерживалась, чтобы не расплакаться от обиды. А Лайам, оказывается, тоже был обижен. Он не желал выслушивать нотации. Он взрослый человек, имеет право вести себя так, как ему хочется. Об этом он ей и заявил. Сказал, что слишком долго был паинькой, а время от времени ему надо выпускать пар.

– Я тебе говорил, Саша, я предупреждал! Ты не имеешь права накидывать на меня узду. На меня всю жизнь родня наезжала, а теперь и ты туда же. Каждому человеку нужно иногда встряхнуться. И что с того, если я дал себе развлечься? – Он все-таки оправдывался, чувствовал себя виноватым и от этого еще сильнее злился.

– Ты меня опозорил, – заявила Саша, глядя ему в лицо. Все шло так хорошо, а он взял и снова перевел стрелку в сторону «невозможно». Саша искренне хотела быть с Лайамом, хотела радоваться его успехам, гордиться им. Она была готова представить его как своего близкого друга своим знакомым. Но если он по-прежнему считает возможным выкидывать такие номера, не считаясь с ней, вряд ли у них что-нибудь получится. – Если ты так будешь себя вести, я с тобой больше никуда не смогу показаться. Тебе наплевать на свою репутацию, но я не позволю тебе позорить меня.

– Ты говоришь в точности как мой отец, не собираюсь от тебя это выслушивать, – воинственно объявил Лайам. – Собственно, что произошло?! Ну выпил я немного лишнего.

– Ты выпил *много* лишнего. И сделал все, чтобы те, кому мало-мальски есть до этого дело, убедились, что мы любовники.

– А у меня твоя конспирация вот где!

За месяц в Нью-Йорке от их тайны мало что осталось. Бернар знал и до этого. Теперь знает Марси. Знает Татьяна. Знает Ксавье. И еще бог знает сколько человек догадываются. Пока Лайам держался прилично, Саша была готова обнародовать их отношения. Но сейчас...

– Тогда веди себя как взрослый человек, и не нужна будет конспирация.

– Если бы ты меня любила, ты бы не боялась, что об этом все узнают. – Он говорил тоном обиженного ребенка.

– Я тебя люблю, но не позволю тебе выставить меня на посмешище. Мне и так непросто из-за разницы в возрасте. Мне надо время, чтобы свыкнуться. А тебе – чтобы подрасти.

– Ради бога, Саша! Ну сколько можно! Забудь об этом! И я уже давно вырос. Я художник, вольная птица. Меня не удастся выдрессировать, как цирковую собачку, чтобы производить впечатление на твоих друзей и в угоду твоей доченьке. Или ты любишь меня как есть, или не любишь.

– Так вот оно в чем дело! В Татьяне? Лайам, пройдет время, и она опомнится. Она считает, я предала ее отца, а она его боготворила. И узнать о наших отношениях было для нее ударом. А твои выкрутасы вряд ли помогут кого-либо убедить, что они жизнеспособны. И меньше всего – меня.

Не говоря ни слова, Лайам вышел из кухни и хлопнул дверью. В окно Саша видела, как он направился к пляжу. Настроение у обоих было хуже некуда. Вчерашний вечер вспоминался как кошмар. А хуже всего было то, что завтра они возвращаются в Европу, она – в Париж, он – в Лондон. Если последний день они проведут в ссоре, то времени на наведение мостов уже не останется.

Когда вечером они выехали в город, Лайам продолжал дуться. Дома он отказался от ужина – пробурчал, что не голоден. Саша все равно приготовила спагетти, и Лайам все же сел за стол.

– Прости, я вчера дурака сваял. Идиот! Не знаю, что на меня нашло, просто мне хотелось оттянуться немного. Имеет человек право хоть изредка расслабиться?! Я не преступник, не подлец, могут у меня быть всего лишь маленькие слабости? Черт побери, Саша, да меня иногда тянет выпить пива с твоим консьержем. По-моему, он симпатичный малый. Но, заметь, я этого не делаю.

– Спасибо тебе за это! Прости, если мой образ жизни кажется тебе

невыносимо строгим. – Саша была в полной растерянности. Опять все вернулось на круги своя. Именно этого она опасалась с самого начала, когда поняла, что Лайам абсолютно не терпит какого бы то ни было контроля над собой. И любые порядки цивилизованного общества воспринимает как попытку притеснения. Но у нее вся жизнь строго упорядочена. Она никогда не могла и не может позволить себе делать все, что вздумается. А для Лайама, чего Саша и боялась, это, как видно, непосильная ноша. Значит, не могут они быть вместе? Сейчас Саше это трудно было представить. – Лайам, я и вправду не знаю, что сказать. Я не хочу делать тебя несчастным, не хочу портить твою жизнь, давить на тебя. Но ты не можешь распоясываться всякий раз, как у тебя возникает настроение. – Пока при Саше это случилось лишь однажды. Лайам своим поведением словно пытался показать Саше, что он все равно останется тем, что он есть, – шалопаем-художником, бунтарем и озорником.

– И что теперь? Что будем делать, когда вернемся? – забеспокоился Лайам. Он рассчитывал, что этот дурацкий эпизод не повлияет на их уже более устойчивые отношения. И выяснять отношения снова и снова, давать еще раз обещания, заверять Сашу в любви – это все они уже проходили. Ну что теперь делать – он вот такой! Так он живет, так он любит, хотите – берите. Но Саша считала, что закрыть глаза на выходки Лайама еще не значит решить проблему. Оба были поставлены перед дилеммой, причем нешуточной. Чтобы доказать Лайаму свою любовь, она вынуждена рисковать собственной репутацией. А если у них в конечном счете ничего не получится, она навсегда останется посмешищем. Так она, во всяком случае, думала. И это ее серьезно беспокоило. Саша бы предпочла не выставлять своих отношений с Лайамом напоказ, пока они сами не решат, как им жить дальше. Лайама же бесили ограничения, которые налагала на него близость с Сашей. Даже двадцать лет брака не смогли сломить его независимую гордую натуру. Вот и сейчас он хотел быть с Сашей, но не мог изменить своей привычке жить вольно.

– До конца июля я в Париже, – сказала Саша в ответ на его вопрос о том, что будет дальше. – Приезжай, если захочешь. В Сен-Тропе мы отправляемся первого августа.

– А что потом? – спросил Лайам, и Саша недоуменно подняла брови. Она не понимала, о чем он. – Что будет, когда ты с детьми уедешь?

– Я же говорила. Мы едем в Сен-Тропе, я зафрахтовала яхту, меня не будет три недели. Если хочешь, после этого можем куда-нибудь съездить вдвоем. В Нью-Йорке мне надо быть в сентябре, да и то недели мне хватит. Если захочешь, можешь тоже поехать. Но тебе, наверное, надо будет к

выставке готовиться. – Сейчас она говорила, как его мать и дилер, причем он сам поставил ее в такое положение, вместо того чтобы говорить с любимой и любящей женщиной.

– А в Сен-Тропе мне можно приехать? – спросил он с каким-то скрытым вызовом. Они как-то говорили о том, что он мог бы на несколько дней к ним присоединиться, тем более что там будет Ксавье, и Лайама можно будет представить как его друга. Точнее – можно было раньше, но не теперь. Все эти планы строились до того, как Татьяна застала их в Саутгемптоне и учинила скандал. Теперь и сын, и дочь знали, какое место отведено Лайаму в ее жизни.

– Лайам, ты что, действительно не понимаешь – после того, что произошло с Татьяной, это совершенно исключено. Раньше я рассчитывала, что ты присоединишься к нам на правах приятеля Ксавье, а теперь этот сценарий не пройдет.

Саша до сих пор и сама не сумела поговорить с дочерью. Татьяна продолжала игнорировать ее звонки, и в конце концов Саша послала ей короткое сообщение в надежде помириться. Но ответа не получила. Надо было понимать так, что война продолжается. Ксавье тоже нечем было ее порадовать. Саша с ним несколько раз говорила. Он по-прежнему считал, что не надо форсировать события. Он назвал сестру инфантильной и упрямой и обвинил в ребячестве. Так что теперь она и на него злилась.

– Может, лучше прямо объявить твоей дочери, как обстоят дела? – Лайам хоть и был по-прежнему возмущен поведением Сашиной дочери, но в то же время чувствовал себя виноватым. А Саше надо было любой ценой восстановить отношения с дочерью.

– Чтобы ей что-то объяснить, надо получить возможность разговаривать, – ответила Саша.

– И что? Как ты собираешься действовать? Так и будешь лебезить перед ней, извиняться неизвестно за что? А она ведь меня тоже оскорбляла!

– Лайам, ты несправедлив. – На глаза Саши навернулись слезы. – Она моя дочь. Я не хочу ее потерять! Сначала мне надо с ней помириться. Если все у нас с тобой будет хорошо, я с ней сама разберусь. Но пока ведь и мы с тобой не пришли ни к какому решению!

Он и сам это понимал, только признаваться не хотел.

– И как долго ты планируешь держать меня на испытательном сроке? – спросил он, глядя на нее сверху вниз. Саша подняла голову.

– Это не испытательный срок. Мы с тобой пытаемся понять, есть ли у нас перспективы. Нас многое разъединяет. Про нас не скажешь, что мы друг другу безоговорочно подходим.

– А мне казалось, что подходим, – припечатал он и вышел из кухни. Складывать вещи он ушел в гостевую спальню, а Саша собирала свои. Она пыталась угадать, станет ли он с ней сегодня спать, и, когда он пришел, вздохнула с облегчением. Секса не было, они просто лежали обнявшись. Саша уснула, а Лайам так всю ночь и пролежал без сна, уставясь в потолок. Его мучила обида, что она не встала на его защиту перед Татьяной. Еще в апреле он пообещал держать их роман в секрете, по крайней мере какое-то время. Но тогда он даже не представлял, насколько это окажется унижительно. И от этого страдал.

## Глава 16

Саша с Лайамом летели в Европу врозь: она – в Париж, он – в Лондон. Они практически одно-временно добрались до места, и она сразу ему позвонила. В его голосе слышалось отчуждение. Они говорили коротко, Лайам пообещал прилететь на уик-энд. Но Саша не очень поверила. Да Лайам и сам не был уверен в том, захочет ли сдержать свое обещание. Что-то сдвинулось в их отношениях, по безмятежности был нанесен болезненный удар. Спасибо Татьяне! Саша не собиралась ради Лайама начинать военные действия с дочерью. Татьяна по праву рождения может рассчитывать на ту беззаветную любовь, какой от Саши добивается Лайам. А у него такого права нет.

На неделе он встретился с Ксавье. Они посидели в ресторане. Лайам попытался обсудить создавшееся положение, но понял, что Ксавье обо всем судит по своей благополучной жизни. У него были замечательные родители, в чьей любви он никогда не сомневался. Лайам этого был лишен, у него в душе было полно шрамов. И теперь из-за этих шрамов страдала и Саша – он никак не мог себя обуздать. Разница в возрасте и образе жизни лишь усугубляла положение. Саша опять мучилась сомнениями в возможности их прочных отношений. Она всей душой желала их продолжения, но не ценой объявления войны собственной дочери. Это была бы слишком высокая плата за любовь.

В пятницу вечером Лайам прилетел в Париж, и этот уик-энд прошел вполне благополучно. Лайам остался на Четырнадцатое июля, и они вместе смотрели парад на Елисейских Полях. Лайам вспомнил, как они вместе ходили в Нью-Йорке на бейсбольный матч. А еще он много говорил о своих детях. Перед отъездом из Штатов Лайам хотел с ними еще раз повидаться, но оказалось, они уехали с Бет, и он обещал навестить их в сентябре.

В галерее в июле было тихо. Саша с волнением ждала поездки в Сен-Тропе с детьми. Она старалась поменьше говорить об этом с Лайамом, чтобы не бередить раны. Татьяна наконец прекратила играть в молчанку, но говорила с матерью сквозь зубы. Трудно было представить, во что превратится их совместный отпуск. Ксавье надеялся, что сестра все же попытается держать свои эмоции при себе, но появление Лайама грозило бы непредсказуемыми последствиями. Ксавье сообщил матери, что Лайаму он так и сказал.

В последнюю июльскую субботу они гуляли с Соксом в Булонском



лесу, и Лайам вдруг повернулся к Саше.

– Что ты решила насчет отпуска? – Вопрос застал ее врасплох. Она думала, что все уже обговорено, хотя им обоим хотелось бы провести это время вместе. И тут вдруг выяснилось, что Лайам ждал, что она передумает или сумеет уговорить Татьяну. Тот факт, что она до сих пор этого не сделала, Лайам воспринял как очередное Сашино предательство.

– Что ты имеешь в виду? Что я должна решить? Мне кажется, тут и говорить не о чем. Как ты себе представляешь этот отпуск вчетвером? Я и так вся издергалась – не знаю, как подступить к Татьяне... Придется столько сил положить, чтобы хоть как-то наладить с ней отношения. А у нас с тобой еще много времени будет для путешествий и отдыха.

– Ты, стало быть, не собираешься вправлять ей мозги? – Лицо у Лайама было каменное.

– Не сейчас. Потом, если надо будет, я это сделаю. Но надеюсь, до этого не дойдет. Со временем она просто привыкнет к мысли, что мы с тобой вместе. Даже взрослые дети, бывает, с трудом переносят то, что их мать или отец с кем-то встречается. – Саша воспринимала упрямство дочери именно в таком свете.

– Если ты на нее сейчас не надавишь, она меня никогда не примет, – наседал на Сашу Лайам.

– Она только на прошлой неделе согласилась разговаривать со мной, – напомнила ему Саша. – Лайам, я не могу насильно заставить ее тебя любить. Вспомни, при каких обстоятельствах она с тобой познакомилась! Я имею в виду вашу встречу в Саутгемптоне. Не торопи события!

– Она ведет себя как избалованная девчонка, – заявил он. Справедливо, но сказано уж больно не по-доброму. Но Татьяна ведь ее дочь! Тон, каким говорил Лайам, ее задел.

– Ты тоже, – мягко заметила она.

Лайам не стал продолжать разговор и стал играть с собакой. По дороге домой он не проронил ни слова. И дома ходил надутый и злой, как мальчишка, обиженный на строгую мать.

Саша готовила ужин, когда Лайам вдруг спустился с рюкзаком в руках.

– Ты куда это? – спросила она, замирая от страха. Она уже знала ответ.

– Я ухожу. Я не позволю обращаться с собой, как с маленькой и постыдной тайной прихотью, и тем более терпеть оскорбления от твоей дочери.

– Лайам, прошу тебя... – Саша запаниковала. – Не руби плеча, дай нам шанс! Мы же с тобой с самого начала понимали, что придется притираться, а для этого нужно время. И никакая ты не тайная прихоть! –

Какая уж «тайная», когда все об этом знают.

– Нет, я для тебя позорище. Ты меня стыдишься! – При этих словах обоим на память пришло злополучное Четвертое июля и барбекю.

– Я тебя люблю! Но ты требуешь от меня выбирать между тобой и дочерью. Это несправедливо! – Саша заплакала. Лайам требовал от нее невозможного.

– Иногда приходится идти на жертвы. Я хочу, чтобы ты меня любила и уважала. А ты отказываешься.

– Если бы ты сам меня любил и уважал, то не просил бы выбирать между тобой и дочерью.

Лайам молча смотрел на нее. Потом взял в руки рюкзак и произнес:

– Все кончено, Саша. С меня довольно. Мы исчерпали все возможности. Ты была права. Наши отношения невозможны. Ты всегда это говорила. Так что ты права, а я заблуждался.

Она не хотела этой правоты! Она хотела ошибиться. И она почти уверилась в том, что ошиблась. Они были так близки к развязке. Но развязке совсем не той, что предлагал ей он. Он поставил ее перед этим ужасным выбором.

Она сделала шаг к нему, но он жестом ее остановил:

– Не надо! Я тебя люблю. Я еду в Лондон. И не звони мне. Все кончено. – И в завершение – последняя порция жестокости: – Пламенный привет Татьяне! Скажи, ее взяла. Пусть радуется! – Лайам развернулся и вышел. Дверь закрыл тихо. Потом стукнула тяжелая калитка, а Саша стояла в своей кухне и смотрела ему вслед, вернее – туда, где только что был он, и по щекам ее ручьем катились слезы. После смерти Артура ей еще ни разу не было так мучительно больно.

Она опустила на пол и зарыдала. Подошел щенок, Саша стала его гладить. Теперь у нее остался только этот пес. Лайам ушел, вернулся в свой мир, и Саша знала, что он говорил серьезно.

Она долго сидела и плакала в темноте. Свет зажигать не хотелось. Она повторяла одно и то же слово. Невозможно. А Лайам уже был в пути и думал о том же.

## Глава 17

Отпуск в Сен-Тропе был бы для Саши приятным развлечением, если бы не болела душа. Едва приехав и увидев мать в отеле «Библос», где у них были забронированы номера, Ксавье понял, что случилось нечто ужасное. В таком состоянии он не видел Сашу со дня смерти отца. Впрочем, Ксавье уже накануне заподозрил неладное, когда столкнулся в пабе с Лайамом, пьяным в стельку и увлеченно целующимся с красивой молоденькой спутницей. У Ксавье от этого зрелища екнуло сердце. Он уже тогда подумал, что Саша с Лайамом, наверное, расстались. Лайам не был склонен к изменам, если не считать того единственного рокового случая, который привел к их с Бет разводу. И если он появился на людях в обществе другой женщины, значит, с Сашей у него все кончено.

– Поссорились? – негромко спросил он мать, когда они сидели на балконе и потягивали «Перно».

– Он стал требовать, чтобы я поставила на место Татьяну. Я объясняла ему, что сейчас этого нельзя делать. Ему хотелось быть здесь, с нами. Но это же безумие! Я не хочу портить с Тати отношения. Он захотел все и сразу. Я не могла на это пойти.

– Ну и дурак! – рассердился Ксавье. В свои двадцать шесть он был намного взрослее Лайама. – Я ему то же самое сказал. Все, что от него требовалось, это успокоиться и ждать. Но он же как молодой конь – все бьет копытом и рвется вперед.

– По-видимому, ждать для него не по силам. – Уж больно живучи у него детские комплексы. Наверное, они так и будут его терзать до конца дней. Взрослые люди, если хотят быть вместе, должны сложить воедино свой жизненный багаж и дальше нести его наравне, а если это не получается, то и отношения не складываются. У Лайама с Сашей так и вышло.

И тут Ксавье, недолго думая, объявил:

– Я его видел вчера в пабе. Лыка не вязал. Я сразу понял, тут что-то не так. Но он был не в том состоянии, чтобы разговаривать. – По его тону Саша почувствовала, что сын что-то утаивает от нее. Глядя на него в упор, она задала вопрос, который ее терзал:

– Он был один? – Слова дались ей с трудом. Грудь стиснуло, в глазах зарябило. Ксавье молчал целую вечность, а потом качнул головой:

– Была с ним какая-то дурочка. Наверное, там же и познакомились.

Это ничего не значит, мам. Он был пьян. Уверен, он ее даже не знает. – Про поцелуи Ксавье говорить не стал, про юный возраст подружки Лайама – тоже. Но и сказанного хватило, чтобы Саше словно нож вошел в сердце. Стало быть, все действительно кончено. После такого известия настроение ее было испорчено вконец. Вся поездка для нее прошла как в тумане. Но Ксавье тут был не виноват. Просто Лайам ушел – и все. А она ни о чем другом не могла думать.

Две недели они провели в Сен-Тропе, общались с друзьями, ходили на пляж и по ресторанам. Обедали обычно в «Клубе 55». Пили коктейли в баре «Горилла». А еще, когда приехала Татьяна, женщины совершили налет на магазины. Саша была погружена в свои переживания, а Татьяна была холодна с матерью. Имя Лайама в разговорах не всплывало. Ксавье тоже не решался о нем заговорить. Он видел по глазам, как страдает мать, даже когда она делала вид, что все в порядке, – а это происходило почти все время. А вечером, уходя к себе в номер, Саша горько плакала в подушку. Ей страшно не хватало Лайама. И одновременно она понимала, что никакой силой его не вернуть. Оставалось только покориться судьбе. Она не могла позвонить и предложить ему приехать. В таком случае немедленно уехала бы Татьяна. Саша не хотела рисковать, да и теперь уже было поздно пытаться.

Знакомые несколько раз приглашали их провести вместе вечер. Саша соглашалась только тогда, когда это были ее ровесники или клиенты. Но даже сидеть и вести беседу было ей мучительно тяжело, хотелось тайком уползти в какой-то тихий уголок. Такого с Сашей еще никогда не было. После смерти Артура она несколько месяцев жила затворницей. Теперь она снова вращалась в обществе и делала вид, что у нее все в порядке, но это было для нее невыносимо. Она пыталась себя занять, но ничто не приносило утешения. Она рвалась к Лайаму и понимала, что он больше ей не принадлежит. Она не звонила, он – тоже. Каждый вечер Саша представляла себе, как он кутит в барах в обществе молодых женщин. К тому моменту, как они взошли на зафрахтованную яхту, она совершенно извелась. И, только покинув город и выйдя в море, вздохнула с облегчением.

По ее совету и Ксавье, и Татьяна пригласили своих друзей. Они весело проводили время. Развлекать их не было никакой необходимости. Можно было лежать с закрытыми глазами на палубе, в кормовой части, думать о Лайаме и снова, и снова переживать свое горе. Когда по вечерам молодежь сходила на берег, Саша оставалась на яхте. Она говорила, что не хочет портить им веселье. На самом же деле у нее просто не было сил ни с кем

общаться. Ей нужно было настрадаться вволю.

В Портофино она ненадолго сошла на берег. Они поужинали в «Сплендидо», и в кои-то веки она согласилась пойти с молодежью развлекаться. Но, несмотря на героические усилия, вид у нее был такой несчастный, что она, сославшись на головную боль, отправилась на яхту.

– Мама не заболела? – забеспокоилась Татьяна, вернувшись. Ей было невдомек, что это она стала причиной Сашиного горя. Или она делала вид – Ксавье пока не знал.

– Нет, не заболела, – ответил брат. – Она переживает. Впервые ее такой вижу после папиной смерти. – Ксавье посмотрел на сестру с упреком, а та ничего не сказала. – Ты, Тати, ей здорово подгадила. Она этого не заслужила. Перед самой поездкой они с Лайамом расстались. – Он переживал за обоих и был убежден, что они искренне любят друг друга, какая бы ни была у них разница в возрасте. В тот вечер, когда он случайно увидел Лайама, тот тоже был в ужасном виде. Только проявлялось его плачевное состояние иначе, чем у Саши. Он вел себя вызывающе, а она страдала молча. Татьяна в ответ на слова брата не выказала ни малейшего сожаления.

– Ну, и к лучшему. Мерзкий тип! – заявила она, и Ксавье захотелось вlepить сестре пощечину.

– Как ты можешь говорить такие гадости? Неужели тебе хочется, чтобы мама была несчастна? – Он не на шутку рассердился. – Я тебе говорю, он отличный парень. И любит ее. А она, судя по всему, его. Ну что ты теперь с ней станешь делать? Рядом сидеть и развлекать, чтоб ей не скучно было? Но у тебя своя жизнь. И у меня тоже. А она опять одна осталась. – Он был рассержен и переживал за мать.

– Она любит папу, – упрямо проговорила Татьяна.

– Любила. А теперь любит Лайама.

– Она выставляла себя идиоткой, а он над ней потешался. И вообще, это гадко по отношению к папе.

– Ничего дурного она не сделала. Он умер, пойми ты! И никогда не вернется. А у мамы есть право на личную жизнь, как бы ты ни противилась. Они ведь с Лайамом расстались из-за того, что она не захотела огорчить тебя его присутствием здесь. Ты должна перед ней извиниться! Может, еще не поздно все исправить. Они любят друг друга. И имеют на это право. А ты не имеешь права встравать!

– А я не хочу, чтобы у них что-то исправлялось! – в отчаянии воскликнула Татьяна.

– Как ты можешь быть такой эгоисткой после всего, что она для нас

делает? – Ксавье хотелось придушить сестру за бессердечное отношение к матери, которая по-настоящему страдала из-за разрыва с Лайамом. Что лишний раз убеждало Ксавье, как сильно она его любит.

– Может, я ей услугу оказала.

– Вот задрать тебе подол и надавать по заднице! Он прав, ты избалованная мерзавка.

– Он так сказал? – Татьяна рассвирепела. – Да он вообще предстал передо мной со всем своим хозяйством да еще хотел меня по голове шарахнуть! И это после того, как слез с нашей мамули! – В Татьяне кипел благородный гнев.

– Ты отвратительна. Надо было тебя действительно по башке огреть. Ты это заслужила, – сердито бросил Ксавье. Татьяна стремительно выскочила за дверь, а на следующее утро Саша заметила, что брат с сестрой перестали разговаривать. Почему, она не знала. Ей и в голову не пришло, что они поругались из-за Лайама. После этого разговора Ксавье стал с матерью еще нежнее, Татьяна тоже несколько смягчилась. Она была рада узнать, что Лайам исчез с горизонта, и считала это большим благом для всех. Она ни словом не обмолвилась о нем матери, а Саша тоже не поднимала эту тему, чтобы лишний раз не провоцировать ссору. Да и какой смысл? Его не вернуть. А говорить о нем ей было больно.

Невзирая на Сашины страдания, они прекрасно отдохнули в море и с большой неохотой причалили в порту Монако. Это был их последний вечер на яхте. Молодежь отправилась в бар, а Саша решила лечь пораньше. На следующее утро они все разъехались. Татьяна улетела в Нью-Йорк, Ксавье – в Лондон с обещанием в скором времени навестить мать, а Саша, проводив детей, села на парижский рейс. Три недели отпуска тянулись для нее бесконечно долго. Она была рада вернуться домой. Там ждет ее удобная постель и ее ласковый пес.

Дом поразил Сашу своей тишиной и пустотой. Теперь ждать от жизни было нечего, оставалась одна работа, которая и раньше, когда она овдовела, помогала ей держаться. Но сейчас ей было тяжелее. Когда Артур умер, ей ничего не оставалось, как принять утрату и приспособиться, как бы трудно ни было. Другого выхода не было. А Лайам жив и здоров, работает у себя в мастерской и волочит за молоденькими. От этой мысли Саше стало совсем плохо. Оставалась крошечная на-дежда, что он все же позвонит, а может, и вернется. Но, зная Лайама, она не очень в это верила. Он слишком упрям и слишком тяжело воспринял ее отказ поставить дочь на место. У него в душе снова открылись старые раны, нанесенные предательством и непониманием родных, и зарубцуются они не скоро, она это знала. Саша за

это время хорошо изучила Лайама и не сомневалась в своей правоте.

В первый же рабочий день она попросила Бернара, если позвонит Лайам, не соединять с ней, а переговорить самому. Саша решила не отвечать на его звонки. Она отдавала себе отчет в том, что в свете приближающейся выставки Лайам может связываться с галереей по разным вопросам, и не могла себе представить, как станет с ним говорить. Сердце еще слишком болело.

– Что-то случилось? – забеспокоился Бернар. Несмотря на отдых, вид у Саши был неважный. Под загаром угадывались синяки под глазами, и вид у нее был поникший. Бернару даже показалось, что Саша похудела.

– Нет, ничего... – Саша хотела было отговориться, а потом решила сказать правду: – Мы с Лайамом расстались. И не спрашивай меня, пожалуйста, ни о чем!

– Та-ак, – Бернар не знал, как и реагировать. Он видел, как она несчастна. Он помнил, какой Саша была приподнятой, когда все у них с Лайамом шло хорошо. – Его выставка в Нью-Йорке не отменяется? – на всякий случай поинтересовался он.

– Нет, конечно. Это же работа. – Теперь в ней говорил профессионал. Саша молча прошла к себе в кабинет и закрыла дверь. Тема Лайама была исчерпана.

Эжени тоже заметила, что Саша словно притихла и затаилась. А в сентябре она отправилась в Нью-Йорк готовить очередную выставку, и теперь уже волноваться за нее пришлось Марси. Саша с трудом сдержала слезы, когда поведала ей о разрыве с Лайамом. А ведь с его ухода прошло уже два месяца. У Саши было такое чувство, будто, начиная с июля, она и не живет вовсе, а делает все автоматически. Загар почти сошел, и вид у нее был измученный. Да и чувствовала Саша себя не лучше. Все вокруг напоминало ей о Лайаме, все без него казалось пустым и безжизненным. Кровать в парижском доме была чересчур велика. Войти в нью-йоркскую квартиру было пыткой. Консьерж оживленно расспрашивал ее, как дела у Лайама. Притом что своих отношений они не афишировали, сейчас, когда Лайам ушел, все будто сговорились и только о нем и спрашивали. Он всех покориł, заморозил. Она это по себе знает – каким неотразимым мог быть Лайам. Одна Татьяна его невзлюбила. Она так и не призналась, что в курсе их разрыва. Зато Ксавье радовал мать частыми звонками, и она подолгу и с удовольствием с ним разговаривала.

Несколько раз Ксавье виделся с Лайамом, но матери об этом ничего не говорил. И даже имени его не упоминал. Лайам всякий раз был с новой пассией. Казалось, он наверстывает упущенное. Лайам говорил о своем

разводе, а о Саше никогда не спрашивал, из чего проницательный Ксавье заключил, что Лайам тоже по-прежнему любит Сашу – уж больно он старательно обходил эту тему.

В октябре Ксавье как-то провел с матерью выходные. Погода в Париже стояла замечательная, они поужинали в «Вольтере», их любимом ресторане. Саша выглядела оживленной. Она только что вернулась из Амстердама, где подписала контракты с двумя новыми художниками. Она не стала жаловаться сыну, но, чтобы ехать в Нью-Йорк и делать выставку Лайама, приготовилась собрать всю волю в кулак. До открытия оставалось полтора месяца. Саша понимала, что за эти полтора месяца ей так или иначе придется с ним общаться, и надо было научиться не проявлять эмоций, что бы она ни чувствовала при встрече. Она занимается его картинами, она должна как можно выигрышнее показать его полотна – вот ее задача. Ксавье видел его последние работы и дал им высокую оценку. Бернар тоже летал в Лондон на них посмотреть. Он остался очень доволен и не сомневался, что и Саше картины понравятся.

Выставка открывалась 1 декабря. Поскольку ей предстояло быть в Нью-Йорке, Саша договорилась с детьми провести вместе День благодарения. За пару дней между праздником и вернисажем она как раз успеет все подготовить. Во Франции День благодарения обычно не отмечался, и был прямой резон собраться всем в Нью-Йорке.

Непосредственно перед отъездом из Лондона Ксавье заезжал к Лайаму в студию. И застал у него приятную молодую женщину. Он так и не понял, какие отношения связывают с ней Лайама. Ксавье вдруг пришло в голову, что с Лайама станется притащить ее с собой в Нью-Йорк. Сашу это добьет. Но в глубине души он надеялся, что у Лайама достанет такта этого не делать. Ксавье понимал, как болезненно Саша воспримет появление Лайама в обществе другой женщины. Сама Саша и не пыталась найти замену Лайаму. Ксавье заговорил с ней об этом еще в Париже, за ужином, и у нее на глаза навернулись слезы, так что она не смогла вымолвить ни слова и лишь качала головой. Больше он этой темы не поднимал. Похоже было, что Саша поставила крест на своей личной жизни. В сорок девять лет это было преждевременное решение, но Саша словно ушла в себя и ни с кем не хотела общаться. Единственным ее интересом оставалась галерея. Ксавье был рад, что у нее есть любимое дело и необходимость работать.

– Увидимся в Нью-Йорке! – бодро прокричал ему вслед Лайам. Он пребывал в возбуждении от предстоящей выставки. Имя Саши опять ни разу не прозвучало.

Саша с детьми отметили День благодарения у нее дома. После ужина



они с Ксавье отправились прогуляться, а Татьяна присоединилась к своей компании. В третий раз они отмечали этот праздник без Артура, и впервые он прошел не так болезненно. Последовавшие выходные Саша провела в хлопотах о выставке.

Наконец-то прибыли из Лондона работы Лайама.

Когда распечатали ящик с картинами, все ахнули от изумления. Саша даже отошла чуть назад и стала рассматривать их издали, испытывая гордость за Лайама. Он проделал фантастическую работу. Все картины прибыли в целостности и сохранности. Саша поставила их вдоль стены и решала, как развесить. За этим занятием она провела всю субботу и воскресенье, а напоследок, уже вечером, стала выбирать, какую из двух самых интересных и самобытных работ выставить при входе, чтобы посетители сразу оценили талант автора. Она была так увлечена, что не слышала, как вошел Лайам. Дверь в галерею была не заперта. Незадолго до этого заезжал Ксавье, и Саша забыла за ним запереть. Итак, она стояла перед двумя последними полотнами, как вдруг раздался знакомый голос, и сердце ее часто забило. Это был Лайам, прямо с самолета. В черной водолазке и джинсах, в своей неизменной бейсболке, байкерских сапогах и потертой кожаной куртке. Длинный белокурый хвост спускался между лопатками. «Он уже не мой», – сказала себе Саша и обернулась. Она заговорила обманчиво спокойным голосом и смело встретила его взгляд. Лайам и догадаться бы не смог, что это потребовало от нее немалых усилий.

– Работы замечательные, – это были ее первые искренние слова. Она напомнила себе, что теперь она для него только галерист и никто более. Их глаза встретились. Он не подошел и не поцеловал ее даже в щечку. Просто стоял в отдалении и смотрел на нее, а она – на него. Все изменилось. Он был серьезен, печален и утомлен, но красив, как и прежде. – Ты потрудился на славу, Лайам. – Саша в самом деле была восхищена.

– У меня не было выхода, – ответил Лайам.

– Это верно, – согласилась Саша и тут же рассердилась на себя за эту реплику. Ей не хотелось быть с ним нарочито жесткой. С волнением она продолжала: – Какую бы ты выбрал для этой стены, у входа? Я тут уже целый час стою, никак не могу решить.

– Вот эту, – без тени сомнения указал он на самое большое полотно. – А ты как думаешь? – Сашино мнение он по-прежнему ценил очень высоко. У нее был верный глаз, и Лайам всегда питал глубокое уважение к тому, что и как она делает.

– Да, пожалуй. Ты прав. А я что-то растерялась и засомневалась. Но ты, конечно, прав. – Она перенесла картину туда, где ее решили вешать, и Лайам поспешил на помощь. Холст был слишком велик, чтобы нести его одной, но Саша бы справилась. Ей было не впервой задерживаться в галерее допоздна и собственноручно развешивать картины, одновременно воюя со стремянкой, полотном, рулеткой, уровнем, гвоздями и молотком. Лайам с улыбкой смотрел, как она ловко загнала в стену гвоздь и подхватила поданную им картину. Все такая же упрямая и целеустремленная! Ничто не изменилось. Когда она спустилась полюбоваться результатами своего труда, он все еще улыбался. – Вот это да! Смотрится идеально!

Лайам кивнул и окинул картину на стене придирчивым взором художника. И тоже остался доволен.

– Да, отлично. – Потом он обошел другие залы и был восхищен тем, как Саша все разместила. Но он и заранее знал, что она сделает все наилучшим образом. А Саша стояла, смотрела на него и считала в уме, сколько времени прошло с их последней встречи. Получалось, что четыре с лишним месяца. Но Саша твердо решила не делать ни одного шага навстречу. Хватило бы только сил выдержать эти дни, когда он здесь, совсем рядом. Ее по-прежнему пронзало током, как и раньше, когда он приближался, но она не должна была этого показывать. Лайам казался оживленным, был доброжелателен к ней и... спокоен. Это и мучило Сашу, и озадачивало. Но она сказала себе, что так даже к лучшему. А, собственно, она ничего другого и не ждала.

Когда Лайам прошел по всем залам, Саша погасила в галерее свет, включила сигнализацию и заперла дверь. Они вместе вышли на улицу. К Сашиному изумлению, с неба сыпал снег. Она пробыла в галерее весь день и не заметила, как изменилась погода.

– Ты где остановился? – как можно более ровным голосом спросила она. Лайам смотрел на нее и поражался, какой у нее усталый вид и как сильно она исхудала. А Саша, глядя на него и гадая, какие у него теперь подружки, чувствовала себя уставшей немолодой женщиной. Но Лайам и сейчас отдавал должное ее красоте. Правда, она казалась уж очень изможденной. Может, она больна? – забеспокоился он.

– У друзей в Трайбеке. – Он специально выразился так туманно, не хотел обсуждать никаких личных тем. – На следующей неделе хочу съездить к детям, сразу после выставки. Бет в Новый год выходит замуж. – Лайам и сам не знал, зачем это ей говорит, но было так приятно снова ее видеть. Приятно, но очень странно. Странно было так любить человека, а в

результате их даже друзьями нельзя назвать. Художник и галерист, вот чем теперь исчерпываются их отношения. Вот пройдет выставка, и когда они в следующий раз увидятся, одному богу известно.

– Как твои ребята? – поинтересовалась Саша, дожидаясь такси. Снег падал и не таял, и, судя по всему, давно, так как насыпало уже несколько дюймов, а такси все не появлялось. Но вот наконец подъехала одна машина.

– Да вроде все в порядке, – ответил Лайам и приготовился уступить машину ей. Им было совсем не по пути, так что подвезти никто никого не мог. Да и в любом случае Саша бы с ним в машину не села. Оказаться с ним так близко было бы для нее слишком тяжело. Но тут она поняла, что следующей машины он может дожидаться и час. Они и эту-то минут двадцать ждали.

– Может, забросишь меня, а сам дальше поедешь? А то ты тут так до утра проторчишь в такую-то погоду, – предложила она. Снегопад усилился, и под ногами было уже сплошное месиво. Если бы не холод и сырость, зрелище было бы завораживающее. Лайам подумал и кивнул. Они вместе сели в машину.

Саша назвала таксисту адрес, и оба пассажира погрузились в молчание.

– Надеюсь, до метели дело не дойдет, а то люди и на вернисаж не попадут, – вслух рассуждала Саша, глядя в окно.

– А мне Нью-Йорк в такую погоду нравится, – улыбнулся Лайам, любуясь снежной пеленой. Он по-прежнему был похож на озорного мальчишку, или ей теперь всегда так будет казаться?! – Как провела День благодарения? – из вежливости любопытствовал он.

– Раньше было веселее, при Артуре. Но в этом году настроение было получше, чем в предыдущие, – сказала Саша. А вот это была откровенная ложь. Настроение у Саши было паршивое, глаза на мокром месте.

Они уже подъехали к ее дому, Саша вышла и попрощалась с Лайамом, привратник распахнул дверь.

– До завтра. Ты вот-вот станешь звездой, – с улыбкой проговорила она. И добавила: – Ты уже звезда. Удачи тебе!

– Спасибо, Саша! – Лайам вложил в эти слова всю свою искренность.

Машина отъехала, а Саша чуть не налетела на Татьяну, которая заскочила взять у мамы в долг обещанное платье – на будущей неделе ей предстояло идти на какое-то мероприятие. Саша видела, что дочь бросила взгляд внутрь машины и узнала пассажира. В лифте Татьяна ничего не сказала, но, едва войдя в квартиру, поспешила дать волю своему

раздражению.

– С кем это ты приехала? – недовольным голосом спросила она. Но Саша, не дав вырваться на волю раздражению, не реагировала больше на дочкины выходки и провокации. Тема Лайама между ними не возникала с самого июля.

– Ты прекрасно знаешь, с кем, – ровным голосом ответила она. – Завтра у него вернисаж. В моей галерее.

– Вы, значит, опять вместе? – Татьяна смерила мать критическим взглядом, словно готовая отчитать ее, если ее опасения подтвердятся. Сашино возмущение все нарастало. Татьяна и так уже сильно осложнила ей жизнь. Больше она этого не потерпит.

– Нет, мы не вместе. – «И я сожалею об этом!» – хотелось крикнуть ей. Но теперь уже ничего не изменишь...

– У него небось подружки вдвое тебя моложе, – ехидно проговорила Татьяна, и Саша взорвалась.

– Ну вот что, хватит! – закричала она, и изум-ленная Татьяна вздрогнула. – Чем и с кем он занимается – не твоего ума дело. И не моего тоже.

– Так ты что же, все еще влюблена в него, а? – передернула плечами Татьяна, и Саша посмотрела ей в глаза.

– Да, влюблена, можешь себе это представить?!

– И очень жаль!

– А мне жаль, что у тебя хватает наглости говорить такие вещи, портить жизнь ни в чем не повинным людям, да еще оправдывать свое хамское поведение именем отца! Это никакого отношения не имеет ни к отцу, ни к тебе, ни к твоему брату, чтоб ты поняла. Лайам порядочный человек. У нас с ним не сложилось, и я об этом чертовски сожалею. Но если тебе вздумалось и дальше ковырять пальцем мои раны, можешь выметаться немедленно. У меня и так жизнь не сахар, а ты мне еще больнее делаешь! Ты можешь понять, что люди могут страдать?! – У Саши в глазах стояли слезы, и Татьяна остолбенела от такой реакции матери. Ксавье говорил ей, что мама любит этого Лайама, но Татьяна отказывалась верить. Она думала, все дело только в сексе. Теперь видела, что все куда серьезнее.

– Прости меня, мама, – вдруг произнесла она. – Я не знала, что он тебе так дорог. Я не хотела причинить тебе боль! – До Татьяны, похоже, стало доходить, что она натворила.

– Да, он мне очень дорог, но теперь это уже неважно, – честно призналась Саша и вытерла слезы.

Впервые после той злополучной ночи в Саутгемптоне Татьяне стало искренне жаль мать. Она, живя весело и насыщено, и не задумывалась, насколько одиноко Саше живется. Дочь больше волновали собственные проблемы, потеря отца, чем одиночество матери и ее неустроенность.

– Я просто думала, что тебе лучше было бы с человеком вроде папы, – еще тише проговорила Татьяна, жалея обо всем сказанном прежде. И тут она окончательно поняла, как все обстоит на самом деле, и разрыдалась. – Нет, не так, – поправилась она. – Я хотела, чтобы ты вообще ни с кем не была, только с папой!

– Я знаю, – сквозь слезы ответила Саша и обняла дочь. – Мне тоже его очень не хватает, глупышка. Когда Артур умер, я думала, что не смогу жить без него. И уж меньше всего я могла предположить, что полюблю Лайама. Я совершенно не хотела, но это случилось. – Она закрыла глаза. – Но все это уже неважно. Все кончено. – Слезы градом покатались по ее лицу.

– Может, он еще вернется? – сказала Татьяна, жалея мать. Долго же она шла к своему раскаянию!

– Нет! Это невозможно, – тихо сказала Саша, а дочь продолжала обнимать ее, прижавшись к груди. – Дело не в тебе, Тати. Если бы он меня по-настоящему любил, он бы не ушел. Наши отношения так или иначе бы распались. Они были невозможны с самого начала. И ты была права, – Саша грустно улыбнулась, – я для него слишком стара. Мне нужен взрослый человек, зрелый во всех отношениях.

– Папа был взрослый и зрелый, – проговорила Татьяна с таким же скорбным выражением. Теперь она чувствовала свою вину за все, что случилось.

– Да. Но таких мужчин мало. – Саше пришел на память давнишний монолог Марси о том, что попадаются одни придурки и неудачники. Наверное, она права. Ей и самой встречались такие люди за те два года, что она вдова. Лайам хотя бы был искренен и честен. И любил ее, несмотря на всю свою инфантильность и незрелость. Умом Саша понимала, что живут на свете интересные умные мужчины, но у нее уже не было ни сил, ни желания, чтобы пускаться на поиски. И доверять никому она была уже не в силах. Ей просто было очень больно. И никто ей больше был не нужен. Теперь она может оплакивать обоих своих мужчин – Артура и Лайама.

После примирения Татьяна поцеловала мать на прощанье и убежала с вожделенным платьем, а Саша сидела и думала о том, что только что произошло между ней и дочерью. Ведь Татьяна не сделала ничего необычного – она, как всегда, наскочила на мать из-за Лайама. А Саша дала ей отпор. Это было то, чего добивался от нее и Лайам, но тогда это было

невозможно. Время тогда еще не пришло, хотя совет был правильный. Саша была у него в долгу и теперь этот долг отдала. Но когда он требовал от Саши защитить их отношения, она этого не сделала, сочла, что еще слишком рано. А сейчас, увы, уже поздно. Поздно для нее и для Лайама. Но она все равно была рада, что высказала все дочери. Татьяне надо было это услышать. А ей надо было это сказать. Саша наконец отстояла свою любовь, Лайама в глазах дочери, и пусть это будет ему последний подарок.

## Глава 18

За ночь снегопад прекратился и улицы успели расчистить. Утро выдалось ясное и морозное. Саша одевалась на вернисаж. Как всегда по таким случаям, требовалось что-то темное и строгое. Она выбрала маленькое коктейльное черное платье. Подобрала украшения. Все внимание должно было быть отдано картинам, а не ей.

Марси сообщила Лайаму, что приехать надо к половине шестого, чтобы ответить на вопросы, поговорить с критиками. И еще один популярный журнал хотел сделать фотографии Лайама и его работ. Приглашения были разосланы на шесть.

Саша оставила Марси организовывать интервью и фотосессию и удалилась к себе в кабинет, а когда ровно в шесть вышла, чтобы встречать гостей, критик, корреспонденты, фотографы уже ушли. Лайам стоял взволнованный в центре зала. Он был в черном костюме с белой сорочкой и темно-красным галстуком, на ногах – дорогие черные туфли из мягкой кожи со шнурками, волосы стянуты в хвост. Саша усмехнулась, заметив черные носки. Вид у него был безукоризненно ухоженный и подтянутый, и она невольно залюбовалась. Однако ни одна черточка в лице Саши не выдала ее чувств. Саша была приветлива и бесстрашна, она предвкушала открытие нового художника широкой публике. Она предвкушала успех.

– Ты сегодня прекрасно выглядишь, Лайам, – сердечно проговорила она, а он окинул взглядом ее изящную фигурку в маленьком черном платье.

– Ты тоже. – Он ответил комплиментом на комплимент. Подошел официант с шампанским, Лайам взял себе бокал и тут же робко взглянул на Сашу. – Не бойся, я себя буду хорошо вести.

– Я в этом ни минуты не сомневалась, – кротко отозвалась она.

– Надеюсь, сегодня на лошадях катать не будут? – сказал Лайам, припомнив злополучную вечеринку в Саутгемптоне, где он безбожно напился и вел себя непотребным образом.

– Верхом не будут. – У Саши в глазах сверкнули искорки. – После вернисажа запланировано катание на санях.

Лайам помотал головой в притворном ужасе.

– Лошадей побереги.

Она улыбнулась, но ничего не сказала, а лишь подняла за него тост:

– За успех твоей первой выставки в галерее «Сювери»!

– Спасибо, Саша. За моего вдохновителя и патрона!

В этот момент начали прибывать первые гости. И началась обычная в таких случаях круговерть. Толпы людей бродили по галерее, рассматривали картины, обменивались мнениями, обсуждали свои дела, смеялись, знакомились, здоровались. Вопросы, цены, любопытствующие и коллекционеры – все смешалось. Но интерес и восхищение были очевидны. За весь вечер Саше не удалось и словечком перемолвиться с Лайамом. Она оставила с ним Марси, чтобы та знакомила его с людьми, поддерживала в нем бодрость духа и – на всякий случай – присматривала, чтобы Лайам не разошелся.

Никаких инцидентов или сюрпризов не случилось. Единственной неожиданностью – но не для Саши – было то, что распроданы оказались все картины за исключением двух. Лайам не мог в это поверить. Когда Саша сообщила ему эту радостную новость, он остолбенел и уставился на нее непонимающим взором, готовый заплакать.

– Большой успех, Лайам! Такое редко случается. Только с большими, по-настоящему талант-ливыми художниками. А это значит, что твои работы поняли и оценили по достоинству. Тебе есть чем гордиться! – И добавила: – Лично я тобой очень горжусь.

Он молча сгреб ее в объятия и тут же испугался. Его переполняли чувства.

– Ты теперь не просто талантливый и признанный художник – скоро и богатым станешь. Очень, очень скоро. – Про себя Саша уже решила, что впредь надо будет назначать цены повыше. – Теперь, думаю, можно будет в Париже выставку готовить. Там рынок не такой бойкий, но раз в Нью-Йорке ты прошел на ура, то и там, скорее всего, будет успех, по опыту знаю. До твоего отъезда еще все обсудим.

Лайам никак не мог оправиться от потрясения и в таком состоянии поехал в ресторан на банкет. Саша отправила его вперед с Карен и Марси, а сама собирала остальных гостей. Приглашены были его друзья, постоянные клиенты галереи, которые уже что-то купили и которым она теперь хотела его представить лично. Стол был заказан на двадцать персон, во главе было место Лайама, а Сашино – напротив, на противоположном конце стола. Рядом с Лайамом Саша посадила его друзей. Она чувствовала себя довольно неловко в этой ситуации, но сейчас она делала свою работу, и делала ее хорошо, независимо от ее отношений с Лайамом. Среди приглашенных по его просьбе художников было несколько женщин, Саша с ними уже встречалась. Тогда они числились у Лайама в друзьях. Она не имела представления о том, кто теперь его дама сердца, да ей это и не нужно было знать. Ее соседями за столом были ее знакомые – постоянные



покупатели, люди солидные и состоятельные. Остальные гости были людьми совсем молодыми. Лайам был свой среди них – он вернулся в привычный круг. Ему больше не надо приспосабливаться к ней и ненавистным правилам. И даже вести себя можно как хочется, как-никак он – герой дня. Но Лайам сегодня вел себя на удивление достойно – то ли так сам пожелал, то ли Саше хотел угодить. Сегодня был большой день в его жизни, он одержал крупную победу.

За ужином Саша сделала объявление. Один из давних ее клиентов только что принял решение купить две непроданные картины. Выходило, что в первый же день вернисажа были проданы все картины. Саша стоя, под аплодисменты гостей, огласила эту новость и подняла тост за Лайама. А он сидел напротив и смотрел на нее во все глаза.

Потом он произнес довольно нескладный тост за Сашу и за всех, кто заинтересовался его работами, сказал, что не мастер говорить речи и что он благодарит всех, а особенно Сашу, Марси и Карен. Он был неподдельно растроган. Саша смотрела на него с нежностью и гордостью.

Пару раз она одобрительно улыбнулась ему через стол, этим и ограничилась. Она радовалась тому, что выставка прошла с таким успехом. А это и было изначальной целью их союза. Все остальное было вроде неожиданной премии и уж ни в коем случае не мотивом для ведения с ним дальнейших дел. Она добилась того, к чему стремилась, – обеспечила Лайаму успех. Собственно, они оба пришли к успеху, объединив усилия. К успеху, увы, лишь в делах.

Ужин продолжался до начала первого ночи, и, как всегда, Саша оставалась до конца, пока не уехал последний гость. Она расплатилась по счету, поблагодарила хозяина и вместе с Лайамом вышла в ледяную декабрьскую ночь. Было морозно, колючий ветер студил лицо, дыхание перехватывало на морозе.

– Не знаю, как тебя и благодарить, – сказал Лайам. Он был на седьмом небе от счастья. К ужину Саша заказала прекрасные вина, но он, похоже, к ним мало притрагивался. Успех пьянил Лайама – она видела это.

– Тебе не нужно меня благодарить, – бесхитростно ответила Саша. – Это моя работа – знакомить мир с подающими надежды художниками. – После сегодняшнего вечера Лайам не просто «подавал надежды» – многие из его на-дежд неожиданно сбылись. – К тому же, как ты знаешь, галерее идет приличный процент. Так что я благодарна тебе не меньше.

– Спасибо, что верила в меня и дала мне шанс. Вот ребята удивятся... – мечтательно заулыбался он и снова посмотрел на Сашу. В сапогах на низком каблуке она казалась такой маленькой. – Можно

пригласить тебя выпить? – Первым порывом Саши было отказаться, но, удивляясь себе самой, она согласилась. Что, если это ее последний шанс?

Они решили поехать в бар отеля «Карлайл», а по дороге делились впечатлениями о состоявшемся вернисаже. Лайам жаждал услышать все подробности, все мнения и замечания. Саша пересказала ему все, что знала и слышала, он жадно впитывал.

В «Карлайле» он заказал бренди, а она взяла себе чашку чая. Вина она уже достаточно выпила за ужином и не хотела терять самообладания. Они впервые сидели рядом после окончания их бурного романа. Саше еще предстояло выработать новую модель поведения и общения с Лайамом. Трудно было держаться в рамках строго деловых отношений.

После обмена ни к чему не обязывающими фразами Саша вдруг неожиданно для себя самой рассказала о вчерашнем разговоре с дочерью.

– Даже не знаю, зачем я тебе это рассказываю, – проговорила она со смущенным видом. – Наверное, хотела, чтобы ты знал, что я все-таки за тебя заступилась. Теперь это уже не имеет ни малейшего значения. А ты оказался прав – стоило мне проявить материнскую строгость, как Татьяна мигом сдала позиции. Тогда, летом, я была не в состоянии говорить с ней на эту тему, объясняться с ней, просить прощения... А собственно, за что?! Если бы не эта сцена в Саутгемптоне, можно было рассчитывать на другой разговор. Но что теперь говорить! Прошло время, мы обе овладели собой. Надеюсь, она поняла, что ее мать не похотливая самка, а ты вполне заслуживаешь доверия и любви. Словом, я отстояла свою честь, да и твою тоже. Моя дочь признала, что она была не права.

– Саша, – мягко сказал Лайам, – я все понимаю. Мы были в сложном положении. В жизни все так запутывается. И прошлое, и настоящее, и будущее; нас держит наше прошлое, мы недовольны настоящим, торопимся в будущее. Ты была права, когда называла меня сумасбродным мальчишкой. Я хотел немедленно быть отпущенным, злился на Татьяну, на тебя... Видел происходящее только со своей колокольни. Мне было проще. Татьяна – твоя дочь, родной тебе человек, и тебе нельзя ее потерять. Я, к сожалению, поздно это осознал.

– Спасибо, что не держишь зла, – с улыбкой ответила Саша. – Я знаю, тебе нелегко пришлось. Мне тоже. Но ты прав, Татьяна – моя дочь. При этом она уже вполне взрослый человек, а в той ситуации повела себя как обиженный ребенок. Наверное, с каждым из нас такое случается.

– А у меня так это даже пунтик, – горько усмехнулся Лайам. – Я очень преуспел в инфантильном поведении.

– Какое самобичевание! С чего это вдруг? – спросила Саша, глядя на

него с нежностью. Она смотрела на Лайама, и сердце щемило от любви и боли. Он был таким родным, таким близким и... таким далеким и недоступным!

– Старею, надо полагать. Скоро сорок один стукнет.

– Только не надо этих слезных признаний! А мне что тогда делать – ведь в мае мне будет пятьдесят. Черт, когда я только успела состариться? – «И поглупеть», – хотела она добавить.

– Не прибедняйся, Саша. Ты все такая же красивая и элегантная. Не понимаю, с чего все с ума сходят из-за своих лет? Я, впрочем, тоже. Все молодого из себя корчу, а какой из меня юноша? Как ни грустно сознавать, но придется соответствовать возрасту. Не понимаю, почему мы считаем юность таким сладостным периодом в жизни? Моя юность была отвратительной. Так я ее тогда воспринимал. Сейчас же я просто наслаждаюсь жизнью. Жизнь прекрасна!

– Жаль, что не могу сказать того же о себе. – Саша откинулась к спинке дивана и смотрела на него. Как странно! Из любовников они превратились в деловых партнеров, а может, станут друзьями. С Лайамом она могла говорить свободнее и откровеннее, чем с кем бы то ни было. За исключением разве что сына. Но Ксавье – ее сын. Были вещи, в которых она ни за что не призналась бы Ксавье, зато свободно могла сказать об этом Лайаму. Все эти долгие месяцы ей так не хватало человека, с которым бы она могла быть откровенной.

– Ты не должна так говорить! Ты самый умный человек на свете, ты столько всего знаешь! Ты счастливая мать, красивая, элегантная женщина. Талантливый, успешный профессионал!

– Мы два сапога пара, – сказала Саша и прикусила язык, неожиданно смутившись. Она не хотела, чтобы Лайам решил, что она пытается вернуть его. – Я говорю о живописи.

– Мы и в других сферах неплохо ладили. По большей части. Просто иногда у нас случался сбой.

С Сашиной точки зрения, это было очень мягкое определение. За те одиннадцать месяцев, что они были знакомы, они дважды и надолго расставались.

– Ты называешь это сбоем? Ты великодушен, – она допила чай и поднялась. Они уже два часа сидели в баре. Пора было ехать домой.

Швейцар вызвал для них такси, и Лайам, как и накануне, отвез ее домой. Саша бы с великой радостью пригласила его подняться, но понимала, что этого она не должна себе позволить. Она захочет большего и не совладает с собой. Та часть жизни, которую они провели вместе,

закончилась навсегда, и оба это знали. Никуда от этого не спрячешься. Не разница в возрасте – сама жизнь их развела. Разные ценности, разный образ жизни. И Татьяна. Иными словами – судьба. Как бы их ни тянуло друг к другу, им не суждено быть вместе.

Перед прощанием Лайам сказал:

– Спасибо за фантастический вернисаж, за успех! – Он помедлил, потом взял ее за руку. – В пятницу я еду в Вермонт. – Он не знал, сколько Саша пробудет в Нью-Йорке. – Можно мне тебя пригласить завтра на ужин, Саша? В знак признательности за сегодняшний успех. Вспомнить прошлое.

– Не уверена, что это хорошая идея. Стоит нам пойти куда-то ужинать, и на нас сваливаются неприятности. Не забыл?

– Можешь мне довериться. Я буду вести себя хорошо, – рассмеялся Лайам. – Обещаю!

– Я не тебя, а себя боюсь. – Она была с ним предельно откровенна, как и раньше, как и всегда.

– А вот это уже интересно! «Успешный художник подвергся насилию со стороны своей галеристки и подает в суд за сексуальные домогательства». Смотри, Саша, станешь приставать – позову на помощь. Что, боишься? Давай рискнем?! – Лайам был неподражаем, Саша не могла отказаться.

– Я буду держать себя в руках, – пообещала она с улыбкой. Лайам сгорал от желания поцеловать ее на прощанье, но сдержался. Не хотел портить то, что между ними сохранилось, к тому же видел, что она напряжена. Как и он.

– Я заеду за тобой в галерею в шесть часов. Хочу зайти и полюбоваться на свои работы, пока их не увезли покупатели.

Саша рассмеялась, вышла из машины, помахала на прощанье рукой и направилась к подъезду. Такси медленно отъехало.

Саша вошла в свою квартиру, и воспоминания охватили ее. Она словно слышала снова смех Лайама, а вот он зовет ее из ванной, вот они завтракают на кухне. Теперь этот дом населяли призраки. Артур. Лайам. Даже дети разлетелись. Теперь она в категории одиноких женщин, и это, увы, печальная реальность. Саша сняла пальто и начала раздеваться. Она заснула, едва коснувшись головой подушки.

## Глава 19

Ровно в шесть, как и обещал, Лайам приехал за ней в галерею. Перед уходом он еще раз бросил взгляд на свои картины. Грустно было сознавать, что больше он их не увидит. Это было похоже на то, как отдать своих детей в чужие руки. Он дал этим полотнам жизнь, а теперь должен с ними распрощаться. По дороге в ресторан Лайам пребывал в задумчивости. Он заказал столик в «Сильвано». В июле они с Сашей тут бывали. Это был популярный итальянский ресторан в центре города, в нем всегда царила непринужденная атмосфера. Официанты, например, могли спеть итальянскую песню, а еда была выше всяких похвал.

Они, как и прежде, говорили обо всем на свете. Лайам рассказал, что у старшего сына в колледже дела идут хорошо, младший сын избавился от тика, а малышка – просто прелесть. Потом он заговорил о Бет. Признался, что ему странно представить Бет женой другого. К Рождеству все бракоразводные бумаги будут оформлены.

– Я надеялся, мы хоть друзьями останемся. Получается, что даже это нам не под силу. Мы с тобой хотя бы нашли способ сохранить дружбу, правда, Саша? А это уже немало.

Но оба понимали, что между ними существует нечто большее, чем просто дружба. Их взаимное влечение не ослабло. Во всяком случае, про себя Саша знала это определенно. И это ее испугало. Неужели она никогда не освободится от этого плена?!

Они вспоминали поездку в Италию. У обоих сохранились о ней самые чудесные воспоминания. Тут Лайам бросил взгляд на Сашину руку и увидел, что у нее на запястье подаренный им браслет. Саша все время носила его. Так она будто бы и не расставалась с Лайамом. И сейчас, когда Лайам это заметил, она смутилась.

– Видишь, я старею. Становлюсь сентиментальной.

– Я тоже, – признался он, но объяснять ничего не стал.

– Как собираешься встречать Рождество?

– Пока не знаю. Сейчас вот съезжу к детям, потом вернусь в Лондон. В Вермонте я только выходные проведу. Мы остановимся в мотеле, домик на озере к зиме не приспособлен.

Она кивнула и задумалась. Она ни разу не видела его детей. А может быть, Лайам когда-нибудь в будущем привезет их в галерею на очередную выставку... Правда, в следующий раз сам Лайам будет выставляться не

раньше чем через год, а то и два. Да, он непременно должен будет пригласить детей на следующую свою выставку. Следующую выставку она наметила провести в Париже. А потом можно снова выставить новые полотна в Нью-Йорке. Саша имела на Лайама большие виды, точнее, на его картины. А ничего другого ей, как видно, ждать от будущего не придется.

– А ты? На Рождество в Париже будешь?

– Пока не знаю. Татьяна в этот раз куда-то с друзьями едет. У Ксавье новая подружка, он не хочет с ней расставаться. Думаю, недели три я еще здесь пробуду. А к Рождеству – в Париж. Я по-думываю позвать Ксавье вместе с его подружкой. Как годы летят! – Саша улыбнулась, стараясь себя приободрить. Но при мысли о Рождестве – сначала без Артура, а теперь вот и без Лайама – сердце ее начинало ныть.

Им удалось за весь вечер ни разу не коснуться больной темы и не задеть чувства друг друга. Они аккуратно обходили опасные участки, словно пробирались по минному полю. За их столом часто звучал смех. Лайам в конце вечера предложил проводить ее на такси, но Саша отказалась. Лайаму совсем в другую сторону, к тому же недалеко – в Трайбек, а ей предстояло ехать к себе через весь город.

– Не упрямясь, Саша! – настаивал Лайам. Но Саша понимала, что, чем бы этот вечер ни кончился, она все равно будет в проигрыше. Если Лайам проявит сдержанность, она будет чувствовать себя отвергнутой. А если вспомнит былую страсть, они оба потом станут жалеть. Пора уже поставить на их романе крест.

Саша обняла Лайама, поцеловала в щеку, поблагодарила за чудесный вечер и села в такси. Всю дорогу до дома она проплакала, ругая себя за такую глупость. Саша твердила себе, что есть вещи, которым при всей их притягательности просто не суждено сбыться. И это как раз такой случай. Они были друг для друга подарком судьбы, но только на очень короткое время. По сути дела, в общей сложности они провели вместе всего-то пять месяцев. Ничтожный срок на фоне целой жизни и, уж конечно, на фоне двадцатипятилетнего брака с Артуром. Роман с Лайамом был быстротечным и сладостным, волнующим и страстным, полным громов и молний. А для долгих отношений требуется человек более предсказуемый, спокойный и надежный. В Лайаме ничего этого не было. Во всяком случае, в его отношениях с ней.

Войдя к себе в квартиру, Саша зажгла свет, переоделась, зашла в ванную и через несколько минут была уже в постели. Не успела она погасить лампу, как снизу позвонили. Консьерж. Саша представить себе не могла, что его заставило звонить в такое время, и встала ответить. Он

сказал, что к ней гость.

– Нет, нет, я никого не жду, – удивилась Саша. – Кто это?

Он передал трубку.

– Это я, – раздался голос Лайама. – Можно мне подняться?

– Нет! – крикнула она. – Не надо, прошу тебя! Я уже легла. И вообще, что ты тут делаешь? – Господи! Зачем ей такое испытание?! Саша была близка к истерике. Не нужны ей никакие искушения. Она не позволит ему себя искушать! Хватит с нее!

– Мне надо с тобой поговорить, – тихо сказал он, помня о консьерже рядом. Консьерж был новый, не тот, с которым он был знаком.

– А мне – нет. Утром по телефону поговорим.

– Я поднимаюсь, – объявил Лайам, широко улыбнулся консьержу и положил трубку. Он уверенно направился к лифту. Дежурному он помахал рукой, тому и в голову не пришло его останавливать. Спустя две минуты он уже звонил в Сашину дверь. Она слышала звонок, но не открыла. У нее не поднялась бы рука вызвать консьержа, чтобы выставил Лайама на улицу, но ничего другого не оставалось. Саша так и заявила Лайаму через дверь.

– Уходи!

– Не уйду, – спокойно возразил он.

– Я тебе не открою.

– Отлично! Будем разговаривать так. Уверен, твои соседи придут в восторг. – Его это нисколько не беспокоило, а Саша прислонилась спиной к двери и закрыла глаза.

– Лайам, не надо. Мы проговорили с тобой целый вечер, о чем еще нам говорить?!

– Говори, пожалуйста, за себя. Мне много есть что тебе сказать. – Тут он запел, и она знала, что соседи будут вне себя и кинутся жаловаться. Ничего не оставалось, как впустить его. Саша распахнула дверь. Она смерила его грозным взглядом.

– Не прикасайся ко мне – иначе я вызову полицию и обвиню тебя в изнасиловании!

– Прекрасно! Это неимоверно поднимет мою репутацию. А если ты меня тронешь, я тебя обвиню в изнасиловании.

– Можешь не волноваться. Этого не случится. Я вполне владею собой.

Лайам деловито прошел в квартиру, совсем по-хозяйски. Вошел на кухню и открыл морозильник.

– Мороженое. Смотрю, у тебя с некоторых пор оно всегда лежит в морозильнике. Отлично! – С довольным видом он достал упаковку, взял вазочку, предложил Саше угоститься, после чего положил себе громадную

порцию. Саша покачала головой. У нее было такое выражение, будто она готова его ударить, да смелости не хватает. Лайам же с невозмутимым видом устроился за столом. Пальто он успел кинуть в прихожей и остался в тех же черных брюках и толстом свитере, в каких был в ресторане. А еще в носках. На улице мороз, а зимой даже Лайам, как выяснилось, надевает носки. Но от этого он не сделался кем-то другим. Все такой же бесшабашный и непокорный. Ее любимый шальной художник.

– Не ешь, не советую. Оно промерзло все. Лежит тут еще с тех самых пор. Я не делала запасов на случай, если ты вдруг заявишься сюда.

– Это неважно. – Он продолжал уминать мороженое, поглядывая на нее. – Мне нравится!

– Так что ты хотел мне сказать? – Саша по-прежнему смотрела строго, а Лайам улыбался.

– Я хотел сказать, что люблю тебя. Я решил, тебе следует об этом знать.

– Я тебя тоже люблю. Но это ничего не меняет. Мы довели друг друга до белого каления. Я ранила твое самолюбие. Ты разбил мне сердце. И ушел. Ничего не будет. Это невозможно. И мы с тобой это знаем. Никаких новых доказательств не требуется. Мы уже дважды убеждались. Лично мне этого больше чем достаточно. – Прошло четыре месяца, а она все еще в него влюблена! Если он снова уйдет, ей и четырех месяцев не хватит, чтобы прийти в себя. Потерять его дважды уже было для нее большим испытанием. И она не собирается идти на третью попытку, какого бы усилия воли ей это ни стоило. На этот раз она будет слушать не свое сердце, а разум. Сердце ее уже вон куда завело. И может завести снова.

– Бог троицу любит, – сказал Лайам, доел мороженое и сполоснул вазочку. – Видишь, какой я аккуратный? Такими не разбрасываются.

– Это у тебя только вид такой. Ты большая дворняга, виляющая хвостом и бегающая где попало. Но ты дикий, мне ли не знать?

– Ты тоже. Мы друг друга стоим, – убежденно проговорил он.

– Нет, я как раз очень цивилизованный человек. Причем во всех отношениях. – Саша распрямил плечи, стараясь придать себе внушительный вид, но на Лайама это не произвело никакого впечатления.

– Да, ты человек цивилизованный, я признаю. Но одновременно ты самая упрямая женщина на свете.

– А ты что, исследования проводил? – прищурилась она. – Ксавье мне рассказывал, как ты в обществе малолетней девицы развлекался.

– Таких девиц у меня перебивало бог знает сколько с тех пор, как я, дурак, от тебя ушел. Они все такие одинаковые и скучные, плакать хочется!



Не знаю, Саша, что ты со мной такое сделала, но жить без тебя я не могу. Я хочу вернуться. Я тебя люблю. У нас все будет хорошо!

– Все и в прошлый раз было хорошо. Сначала. – Она смотрела на него с грустью. – Ты меня так радовал! Рядом с тобой я чувствовала себя счастливым человеком. Я тебя тоже люблю. Но твои артистические выходки не по мне. Любое мое пожелание насчет твоего поведения ты воспринимаешь как попытку тебя контролировать. Стоит тебе сделать замечание, пусть даже самое пустячное, как ты обижаешься и говоришь, что я тобой пренебрегаю, как твой отец. Я тобой не пренебрегаю, но я не могу всякий раз идти у тебя на поводу. А для тебя, оказывается, это катастрофа. И стоит тебе оскорбиться, как ты тут же исчезаешь.

– Мне казалось, я тут лишний, – попытался оправдаться Лайам.

Саша считала, бессмысленно что-то налаживать, и удивлялась настойчивости Лайама.

– Я знаю, что ты чувствовал здесь себя не на своем месте. Мне без тебя было очень плохо. Но я как-то справилась, и ты сумеешь...

– Саша, я все понял. И про Татьяну, и про свои выходки. – Он сидел за кухонным столом с видом партнера, готового подписать контракт.

– Лайам, чего ты от меня хочешь? – спросила Саша. – Ты меня с ума сведешь.

– Мы и есть сумасшедшие. Оба. Влюбленная парочка. А может, это болезнь? Не знаю. Может быть, нам надо лечиться. Я только знаю, что стоит мне тебя увидеть – и я понимаю, что жить без тебя не могу. И не отрицай: с тобой происходит то же самое. Я знаю. Просто ты лучше меня воспитана, ты взрослее... не знаю, как сказать. Сегодня я хотел сесть к тебе в такси, но ты не пригласила, вот я и приехал следом. Могла бы хоть позвать на чашку кофе, – обиженным тоном произнес он. Он ее дразнил, и она это чувствовала. – Я ведь предложил отвезти тебя домой. И я не шутил.

– И что дальше? Мы опять наделали бы глупостей? А потом? Проведем чудесный месяц, два, три – а затем ты опять надуешься из-за какой-то ерунды и уйдешь? Лайам, не начинай.

– Так. Я не уйду, пока ты не согласишься. Рождество я хочу встречать с тобой. Да и вообще, я хочу быть с тобой всю жизнь. Ты мне нужна! Ты единственная женщина, которая меня понимает, по-настоящему обо мне заботится. Которой есть до меня дело.

– Лайам, я не хочу быть тебе мамой, – сурово проговорила Саша. – Даже с учетом моего возраста.

– Каждый мужчина хочет, чтобы его опекали. Такие уж мы создания. – От кого-то она это уже слышала, только не помнила, от кого. Да сейчас это

и неважно. Пускай он самый красивый и притягательный, он все равно предлагает невозможное. – И мне нравится, что ты меня старше. В тебе больше здравого смысла, а я без него пропаду.

– Это из-за того, что ты никак не хочешь повзрослеть.

– Ты будешь взрослой за нас обоих. Я тебя прошу! – Он был доволен, словно нашел выход, но для Саши это не было решением вопроса.

– Ты сам должен стать ответственным, и не перекладывай этот груз на меня!

– Терпеть не могу эту роль! – Лайам прищелкнул пальцами. – А нельзя лет до восьмидесяти оставаться шальным художником? Потом можно будет все сваливать на старческий маразм.

– Ты можешь оставаться им всю жизнь. И не искать себе оправданий. Только без меня! – Саша старалась говорить спокойно и рассудительно. – Лайам, никакие наши договоренности не имеют смысла. Все равно ничего не получится. Это невозможно.

– Чушь! Все возможно. Ты просто не хочешь.

– Не в этом дело. Я люблю тебя и никогда не переставала любить. Это ведь ты от меня уходил, а не я. Это ты делал наши отношения невозможными и не раз это доказывал. И меня убедил. Я уже начинала верить, что все сложится, но тут ты разозлился на меня из-за Татьяны, и все – я оказалась виноватой, а ты, оскорбленный, удалился.

– Я был дурак. Что мне тебе сказать? Я без тебя не могу, я любил Бет, я ее потерял. Я люблю тебя – и я тебя теряю. Наверное, я трудно поддаюсь обучению? Знаю только, что теперь у меня глаза раскрылись.

– Поздно, – горько констатировала Саша. Как бы ей хотелось повернуть время вспять! Но невозможно что-то сыграть заново, как бы ни хотелось.

– Да ничего не поздно! – с жаром возразил Лайам.

– Поздно! – Упрямства в ней было не меньше.

– Если ты не перестанешь со мной спорить, я сейчас напьюсь. Ты мне не оставляешь другого выхода.

Она подумала, он не шутит.

– Тебе нужно выпить?

– Нет, мне нужна ты. – Он встал перед ней на колени. На кухне они еще выяснением отношений не занимались, и Саша рассмеялась.

– Прекрати немедленно! Встань, прошу тебя.

– Не встану, пока ты не скажешь «да». Послушай, ну что мы теряем?

– Разум. Я определенно его потеряю. Как в прошлый раз.

– Больше этого не повторится. Обещаю!

– Ты выкинешь что-то новенькое, похлеще. Я тебя знаю.

– И что с того? Поссоримся, а потом помиримся. Это называется притиркой. Я хоть и не слишком сообразителен, но знаю одно: черт побери, женщина, я тебя люблю!

– Ты невозможный тип!

– Очень может быть. Но это не должно влиять на наши отношения. – Лайам подошел к ней и сделал то, чего желал весь вечер. И накануне тоже. Но не осмеливался. Поцеловал ее и сжал в объятиях. И целовал до тех пор, пока оба не задохнулись. – Люблю тебя, – прохрипел он.

– А я тебя, – шепотом ответила она. – Лайам, пожалуйста... Не поступай так со мной. – Она совершенно не могла перед ним устоять и знала это. Она слишком его желала.

– Саша, пожалуйста, давай попробуем все сначала... – прошептал он в ответ. Она долго и пристально смотрела на него, а потом, будто кто-то ею руководил, кивнула и закрыла глаза.

Он подхватил ее на руки, отнес в спальню и опустил на кровать, которую они делили еще несколько месяцев назад. Она смотрела, как он раздевается, и поражалась тому, что она опять идет на это безумие. Но устоять уже не могла.

– По-моему, я одержима, – сказала она, глядя, как он разувается и стягивает брюки. – Мне нужен священник, чтобы беса изгнал.

– А мне нужна ты, – ответил он и швырнул одежду на пол. У нее закружилась голова. Потом она выключила лампу. – Мне нужна только ты, и больше никто, – повторил он и запрыгнул в постель.

– Лайам, я тебя так люблю... Давай в этот раз обойдемся без катастрофы, – предостерегла она, а он уже набросился на нее.

– Саша, обещаю: обойдемся.

Они овладели друг другом с таким жаром, что казалось, он спалит их обоих дотла. То, что их объединяло, не поддавалось никакой логике, никаким клятвам и словам. Они были вместе и знали только одно: они верят, что это возможно.

## Глава 20

Наутро Саша проснулась рядом с Лайамом и засмеялась:

– Скажи, что это сон. Я, наверное, на наркотики подседа. Мы сошли с ума, если решили все начать сначала.

– Да, – согласился он и перевернулся на спину, улыбаясь до ушей. – Мы сошли с ума, и мне это по душе. Сама подумай, насколько скучно было бы жить иначе.

– Да, скучно. И благоразумно.

– Благоразумие – это так скучно, – поддакнул Лайам. – Чем сегодня займемся?

– Насчет вас, господин Шальной Художник, мне ничего не известно, а мне надо на хлеб зарабатывать. Детей кормить и таких вот художников.

– Только не меня. Я уже кучу денег зашиб. – Лайам с довольным видом повернулся к ней и поцеловал. Они снова были счастливы. И жизнь была прекрасна. – Из Вермонта вернусь сюда. – Он планировал лететь из Бостона в Лондон, но теперь, в мгновение ока, все переменялось. – Если хочешь, в Париж можем полететь вместе. Но не думай, что я стану навязываться вам с Ксавье на Рождество. Я могу на пару дней и в Лондон слетать.

– Нет! – решительно заявила Саша. – Я хочу, чтобы ты был с нами. Ксавье будет только рад. – Татьяну на Рождество она все равно не ждала. После смерти отца Рождество в компании матери и брата стало повергать ее в депрессию. Один Ксавье хранил верность матери и никогда не оставлял одну. – Лайам, – с серьезным видом произнесла Саша и села. У нее было такое выражение, словно она собралась сделать официальное объявление. – На этот раз я не собираюсь тебя терять. И мне плевать, что для этого потребуется. Не хочу, чтобы все у нас опять сорвалось. А если ты опять вздумаешь уйти, я тебя догоню. Я хочу, чтобы ты это знал. Мы либо сделаем так, чтобы все у нас получилось, либо сведем друг друга в могилу бесконечными попытками. Да разразит меня гром, если я опять проиграю!

– Так точно, мэм! – Он отдал честь и промаршировал в ванную. Как хорошо было снова видеть его здесь! Видеть его прекрасное обнаженное тело и эти дивные белокурые волосы.

– Я серьезно! – прокричала она вслед, а он уже встал под душ. – Сегодня же скажу Татьяне. – Она убеждала не столько его, сколько себя. Она знала, что на этот раз Татьяна не решится открыть рот. В конце концов,

не Татьяне решать, как Саше жить дальше.

– Я тебя люблю! – прокричал он из ванной, даже не слыша ее слов. Для него это был ответ на все вопросы.

На завтрак Саша приготовила яичницу с беконом и английские тосты. Через час он уже читал газету, лежа в постели, а она стояла готовая к выходу. Лайам как будто никуда и не исчезал.

– Горничная приходит в двенадцать, – напомнила она, с улыбкой глядя на него. В руках она держала портфель.

– Знаю. Я не забыл. Я скоро встану. Ты сегодня очень взрослая, – улыбнулся он.

– Так и есть.

– А вот и нет. Не лги мне, Саша. Ты ничуть не взрослее меня. Если бы была, не стала бы этого делать.

Она была рада, что они оба не взрослеют. Очень даже рада. Просто счастлива. У нее было такое чувство, будто к ней вернулась жизнь. А на самом деле к ней вернулся Лайам. Выходило, что он рядом с ней вырос, а она – молодела. И с ними было целое сокровище – их любовь. Теперь главное было – это сокровище не потерять снова. Саша была готова приложить усилия, Лайам – тоже. Оба понимали: легко не будет, но цель того стоила.

– На обед вырвешься? – спросил он. – Заеду в час, постараюсь утром все дела переделать... Надо ребятам подарки купить к Рождеству. Что посоветуешь?

– Лайам, я ведь с ними даже незнакома, – засмеялась она. – Мне трудно что-нибудь предложить, чтобы им понравилось...

– Это мы поправим. Давай в следующий твой приезд сюда съездим в Вермонт?

– Договорились. – Теперь можно ни от кого не прятаться. Раз они решили, надо потрудиться всерьез и не обижаться ни на какие ограничения. Она была к этому готова. Он тоже. Год потребовался, чтобы они пришли к пониманию, но ведь могло быть и хуже. За четыре месяца разлуки Саша убедилась, как много он для нее значит. И он понял для себя то же самое. Перед уходом она его поцеловала. Лайам недолго провалялся в постели. Он и Саше хотел купить рождественский подарок. И сегодня он это сделает. Не просто браслет, пускай и золотой, а кое-что получше. Он только что заработал кучу денег, и ему не терпелось сделать приятное Саше.

В час он, как и обещал, заехал за ней в галерею. Они отправились обедать в «Джино», а потом он пешком проводил ее назад, после чего уехал по своим делам. Вернулся ближе к вечеру, поболтал с Марси, а Саша тем

временем заканчивала переговоры с очередным покупателем. Провожая гостя, Саша представила ему Лайама, назвав его многообещающим художником. И поцеловала в щеку, ясно давая понять, что он для нее – намного больше, чем просто художник. И что это уже не секрет. Лайам сиял.

– Мне понравилось то, что ты сейчас сделала.

– Что именно? Представила тебя этому клиенту? – Саша поняла, что он имеет в виду, и была счастлива, что он доволен. Она знала, какое большое значение он придает тому, что его признают в ее окружении. Ему это было необходимо, и, если это может сделать его счастливым, она готова ему помочь. И даже больше, чем готова. Она этого хочет, потому что любит его и знает, что любима.

Оба поразились, насколько быстро у них все снова наладилось. Будто и не разлучались и не ссорились до крика. Он съехал от приятеля в Трайбеке и перебрался к ней. Саша поставила в известность об этом Татьяну, а та сообщила брату. На сей раз шума не поднимала. Лайаму она по-прежнему не симпатизировала, но решение матери не обсуждала. Она понимала, как много этот человек значит в жизни Саши. И главное, она поняла, что ее неодобрение ничего уже изменить не может.

Все вернулось на круги своя. Создавалось впечатление, что, когда после очередного разрыва они вновь находят друг друга, связующая их нить лишь крепнет и они делаются еще ближе, чем прежде. На этот раз у Саши было такое чувство, что она живет настоящей супружеской жизнью. Лайам тоже как-то затронул эту тему. Интересно, будет ли у них когда-нибудь семья, гадала Саша, но теперь это было для нее не так важно. Главное, что они опять вместе. Как никогда, их союз сейчас казался реальным, и в ней крепла уверенность, что теперь-то они уже не наделают ошибок. Она и с Марси поделилась своей уверенностью, и та за нее порадовалась.

В следующие два дня они почти не расставались – вместе обедали и ужинали, ходили по магазинам, когда Саша работала, Лайам бродил по галерее, а по утрам и поздно вечером они, как и прежде, занимались любовью, а иногда и ночью тоже. Через два дня Лайам уезжал в Вермонт, подарки детям он уже упаковал. А подарок Саше спрятал в ящике стола в комнате Ксавье. На этот раз он купил ей браслет с бриллиантами, немного похожий на предыдущий, но переливающийся всеми огнями и более роскошный. Теперь ему даже бриллианты были по карману. Тогда, в мае, об этом и речи быть не могло. Его выставка все изменила, Лайам наконец получил реальные деньги и рвался вновь приступить к работе.

Поздно ночью, когда они уже спали, зазвонил его мобильный телефон. Он был поставлен на подзарядку в ванной, но трезвонил так настойчиво, что Саша услышала и разбудила Лайама. Лайам проковылял в ванную, недоумевая, кто бы это мог быть. Оказалось, звонит Бет. В следующий миг весь сон с него как рукой сняло, и он в ужасе предстал перед Сашей.

– Сильно? – спросил он в трубку и надолго замолчал, слушая объяснения. Саша все еще не понимала, в чем дело. Но, судя по его побелевшему лицу, случилось несчастье. Когда Лайам закончил разговор, в его глазах стояли слезы.

– Что случилось? – встревожилась Саша. Звонки посреди ночи, да еще когда в семье дети, ничего хорошего не сулят. Она мгновенно поняла, что речь идет о ком-то из детей.

– Шарлотта. Бет звонила. Они поехали посмотреть новый дом, который строит для них ее будущий муж. Там еще стройка идет. На втором этаже Шарлотта наступила на кусок брезента, закрывавший какую-то дыру, и провалилась вниз. Упала на груды стройматериалов на цементном полу.

– О боже! – Сашу охватил ужас. Дрожащей рукой Лайам отложил телефон и взял ее за руку. Стиснул так, что стало больно, и рассказал, что было дальше:

– Она повредила позвоночник, пока никто не может сказать, насколько это серьезно. Может снова встать на ноги, а может остаться парализованной. Пока ничего не известно. Еще она ударилась головой, но это менее опасно. Малышка в сознании и ужасно страдает от боли. – Лайам заплакал. Саша обняла его. Ехать надо было немедленно. Ждать до утра он был не в силах. Она по телефону вызвала машину и хотела ехать с ним, но решила, что присутствие чужого человека сейчас для Бет и сыновей будет некстати. Но ради Лайама ей хотелось быть с ним. Она знала, что нужна ему.

Меньше чем через десять минут они уже были на улице. На такси они доехали до прокатной конторы, чтобы взять машину. И через полчаса Лайам уже был готов выезжать в Вермонт.

– Жаль, что я не могу с тобой поехать. Но вам сейчас лучше побыть одним, без посторонних, – сказала Саша, и Лайам с ней согласился.

– Позвоню, как только что-то выяснится, – пообещал он и крепко обнял ее. Как ему нужна сейчас ее сила и поддержка! Был час ночи, Лайаму предстояло шесть часов провести за рулем, плюс-минус еще какое-то время – в зависимости от погоды. Бет сказала, у них там идет снег.

– Буду о тебе думать каждую минуту, – сказала Саша и поцеловала его. Она махала ему, пока машина была видна. А потом взяла такси и поехала

домой. Мобильный телефон у нее был с собой, и звонок раздался, когда она еще и до дома не успела доехать. Лайам был в крайнем волнении и говорил сквозь слезы.

– Саша, я тебя люблю. Спасибо, что ты рядом!

– Я всегда буду рядом, любимый. И каждую минуту буду молиться за всех вас. – Бедная девочка! Ей чудом удалось уцелеть. Как и Лайам, Саша надеялась, что все обойдется. – Езжай осторожно, Лайам. Позвони, когда доберешься.

За ночь он звонил ей несколько раз, передавая новости, полученные от Бет. Девочка была в критическом состоянии. На утро была назначена операция. Саше делалось дурно при одной мысли о том, через что им придется пройти. Что может быть страшнее, чем боль собственного ребенка? Лайам прибыл на место только в девять утра. Саша так и не заснула ночью. Но ведь и Лайам в эту ночь не спал.

Потом звонков долго не было. Шарлотта была на операционном столе. Операция продлилась до вечера. А Лайам, когда позвонил, не мог сдержать слез. Саша и сама плакала, разговаривая с ним. Результаты операции на первый взгляд, как сказал Лайам, обнадеживали. Травма была не угрожающей жизни ребенка, но все же очень тяжелой. Когда после операции они смогли поговорить, Лайам рассказал, что будущий муж Бет вне себя от горя и раскаяния. Шарлотта ведь была с ним, он показывал ей ее будущую комнату и на секунду отвернулся, тут-то она и упала. Бет чуть не убила его, но бедняга и сам совершенно извелся. Ситуация для всех была очень тяжелой. Старший сын, Том, срочно прилетел из колледжа, чтобы быть рядом с сестренкой. В эти часы семья собралась вместе. Саша жалела, что не может там быть. Она предложила прилететь и снять номер в гостинице рядом с госпиталем, чтобы поддерживать Лайама, но он сказал, что их всех разместили в палате Шарлотты и коридоре. Так что видеться им все равно не удастся. И она осталась в Нью-Йорке, постоянно держа в сумочке телефон.

В семь часов Саша ушла из галереи и была неотлучно дома. За ночь Лайам опять ей несколько раз звонил. Утром, после очередной бессонной ночи, в том числе и для Саши, появились обнадеживающие новости. Лайам сказал, что Бет хоть и на взводе, но с ним держится достойно. Из-за трагедии с девочкой она едва не обезумела.

Бет и ее жениху пришлось даже свадьбу отложить, которая должна была состояться уже через три недели. Теперь решили перенести свадьбу на январь, когда наступит ясность с состоянием Шарлотты. В один миг вся жизнь многих людей перевернулась, ведь пока никто не мог поручиться за



успешное выздоровление девочки.

Время тянулось мучительно медленно, и по прошествии недели стало ясно, что полный паралич Шарлотте не грозит, а вот будет ли она ходить, еще неизвестно. Вероятность того, что она снова встанет, была довольно высока, но уверенно этого пока никто сказать не мог, а если она и встанет, то ходить сможет не раньше чем через несколько месяцев, если не лет. Ей еще предстояло несколько операций. Саша боялась спросить, но, узнав, что их страховка все покрывает, вздохнула с облегчением, в противном случае семья бы, ко всему прочему, оказалась разорена. На восстановление потребуется время и многие тысячи долларов. Будет нелегко и самой девочке, и Бет, которой предстоит за ней ухаживать. Когда Лайам об этом рассказывал, в его голосе появлялись виноватые нотки. С Шарлоттой кто-то должен был находиться неотлучно, а для Лайама это было невозможно. Он живет в Лондоне, готовится переехать к Саше в Париж. Он просил у нее прощения за то, что не сможет встретить с ней Рождество, но сейчас это была для них далеко не самая главная проблема. Саша решила остаться на Рождество в Нью-Йорке. Если Лайаму удастся хоть на денек вырваться, то в таком случае это будет намного проще, чем лететь в Париж. А в галерее в Париже прекрасно управятся и без нее. Они ее никогда не подводили – спасибо Бернару.

Она позвонила Ксавье и рассказала о несчастье, тот посочувствовал Лайаму. Шарлотту Ксавье хорошо знал, он бывал у них еще до развода с Бет. Он отказывался верить, что девочке может грозить паралич, и твердил, что все обойдется. Просил мать передать Лайаму самые горячие слова поддержки и пообещал каждый день ходить в церковь и молиться за выздоровление малышки. Саша как раз в то утро поставила за нее свечку и отстояла службу, что, вообще-то, случалось с ней редко.

Ксавье предложил приехать в Нью-Йорк, чтобы провести с ней Рождество, но, понимая, что ему хочется остаться в Лондоне с новой подружкой, которая к тому же позвала его с собой в горы, Саша его отпустила. Там он, без сомнения, проведет время куда интереснее. Он был искренне признателен и пообещал следующее Рождество уж точно встретить с ней. Есть надежда, что тогда к ним присоединятся и Татьяна, и Лайам. А пока было слишком много других забот.

Две следующие недели Лайам звонил постоянно. Приближалось Рождество. Но для близких Лайама праздник отошел на задний план, они продолжали почти безотлучно находиться в больнице. Прогнозы врачей были многообещающими. Но напряжение не спадало. Лайам так извелся, что в нем появилась раздражительность, да и звонить он стал реже,

поскольку теперь сидел с дочкой поочередно с Бет, по восемь часов кряду. В свободное время ложился прикорнуть на койке в коридоре, а уж потом звонил Саше. Та понимала, в каком он находится напряжении. По крайней мере, изо всех сил старалась понять. Она тоже измучилась, хоть и переживала на расстоянии и могла лишь представить себе, как тяжело им всем денно и ночью дежурить в больнице у постели беспомощного ребенка. Лайам говорил, что девочка очень страдает и у него сердце разрывается на нее смотреть. Для всех это был кошмар. У Саши при каждом разговоре с Лайамом ныло сердце. Он обещал приехать в Нью-Йорк при первой возможности. Но пока было неясно, когда такая возможность представится, а сама Саша не спрашивала. Она хотела облегчить ему жизнь, а не усугублять его проблемы.

За два дня до Рождества врачи преподнесли маленькой Шарлотте и ее родным лучший в их жизни подарок. Они сказали, что потребуется очень много времени, но девочка, скорее всего, встанет на ноги. Быть может, ей потребуются костыли или трость, но главное, что она будет на своих ногах. Позвоночник сохранил основные функции, хотя без последствий такая травма пройти не может. Предстоит много и долго трудиться, но это все же лучше, чем неподвижность, чего все опасались. Не меньше трех месяцев ей еще предстояло пролежать в больнице. Ей надо мужественно перенести все предстоящие операции, но медики были настроены оптимистично. В тот же день ее исключили из группы риска. Когда Лайам сообщил об этом Саше, та расплакалась. Беда есть беда, но все же всем стало немного легче, ведь они уже полмесяца жили в постоянном напряжении.

– Я хочу приехать тебя повидать, – сказал он. Голос у него был измученный.

– Давай лучше я приеду. Я не хочу, чтобы ты ехал в таком состоянии.

– Я в отличном состоянии, – возразил он, но Сашу не убедил. Уже две с лишним недели Лайам падал с ног от усталости. Подумать было страшно, как он поведет машину. Но он настоял на том, что сам приедет завтра и Рождество все-таки встретит с ней, а потом вернется в Вермонт. Он продолжал дежурить у дочки по очереди с Бет и Бекки, что показалось Саше весьма странным. Но, учитывая обстоятельства, другого выхода не оставалось. С девочкой нужно было находиться постоянно, прибегли к помощи бабушки, деда и будущего отчима. Саша рассказала о несчастье и Татьяне, та ужаснулась и просила передать Лайаму слова сочувствия. Саша передала, он был тронут и попросил поблагодарить девушку. При всей избалованности и своенравном характере сердце у Татьяны было доброе.

Весь день Саша волновалась за Лайама. Звонила ему каждый час, но

он отвечал бодрым голосом. Накануне он наконец выспался перед дальней дорогой. Саша не могла дождаться, когда увидит Лайама, и была тронута тем, что он, несмотря на все невзгоды, решил быть вместе с ней в праздник.

Саша заранее нарядила елку. Под ней она положила приготовленные для него подарки – оригинальную рубашку, новую бейсболку, книгу по искусству, принадлежавшую еще ее отцу, и часы от Картье. Саша уже вся извелась от нетерпения, когда в шесть часов Лайам наконец приехал. Он быстро добрался, благо дороги в кои-то веки не были забиты машинами.

Едва завидев Лайама, Саша разрыдалась. Вид у него был измученный и страдальческий, она обняла его и долго плакала у него груди. Никогда в жизни Лайаму еще не приходилось испытывать такие эмоции – никому не пожелаешь. Лайама эти страдания в одночасье сделали мужчиной. За какие-то две недели он постарел лет на десять. Саше было больно на него смотреть, такая мука и скорбь застыли в его глазах. Он попробовал описать ей, как все было. Хотя все эти подробности были Саше хорошо известны из телефонных разговоров, она понимала, что Лайаму необходимо было выговориться.

– Как держится Бет? – Саша и за нее беспокоилась.

– Она молодец. Из больницы не выходит. Джордж сейчас у наших друзей, а Том дежурит наравне со взрослыми. – Вся семья сплотилась вокруг беды, даже Бекки, о которой, впрочем, Лайам предпочитал не говорить. Он продолжал чувствовать по ее поводу некоторую неловкость, да, наверное, так всегда будет. Сашу она совершенно не беспокоила, ведь это была связь на одну ночь, за которую Лайам заплатил непомерно высокую цену. Саша была рада, что он смог помочь родным и быть с дочерью в больнице. Таких вещей дети не забывают. Да и он не забудет, и даже Саша.

Саша приготовила вкусный праздничный ужин, наполнила ванну и уложила Лайама в постель. Лайам долго лежал неподвижно и смотрел на Сашу, держа ее за руку. От усталости он почти не разговаривал, а только не сводил с нее глаз. Ровно в полночь они обменялись подарками. Она принесла ему то, что приготовила, прямо в постель, а Лайам принес из гостевой спальни подарок для нее. При виде бриллиантового браслета Саша ахнула и немедленно надела его на руку.

– Какой красивый! Ты меня балуешь! – Она поцеловала его, счастливая от одного его присутствия. Лайаму ее подарки тоже пришлось по вкусу, особенно часы и редкая книга, почти семейная реликвия.

Он лежал в кровати и смотрел в потолок, когда она тоже пришла спать. Саша подумала, что после всего, что Лайаму пришлось пережить,

интимные ласки будут бестактностью. Он был совершенно вымотан. О сексе Лайам сейчас даже не думал, она – тоже. Им просто хотелось быть вместе, и они лежали тихонько рядом.

Сил идти к полуночной мессе у него не было, а Саша предлагать не стала. Господь все видит и простит, решила она.

– Какой у тебя усталый вид, – сказала она. – Давай-ка поспи. – Ей хотелось баюкать его, как маленького. Ему сейчас очень нужна была ласка, а впереди ждали новые испытания. Утром возвращаться в Вермонт. У него была одна ночь отдыха, а перед ней пришлось еще почти семь часов провести за рулем.

– Спать я не хочу. Я просто хотел побыть сегодня с тобой, насладиться каждой минутой. – Лайам словно стремился напитаться ее нежностью впрок.

– Я здесь. А тебе надо поспать, не то завтра ехать не сможешь.

Он запланировал еще дотемна приехать к детям, а если получится, то и раньше. В семь утра он уже должен выезжать. Им оставалось быть вместе каких-то шесть часов.

– Когда у вас там все успокоится, я к тебе сразу приеду.

Лайам понятия не имел, сколько ему придется там находиться.

– Саша, мне нужно с тобой поговорить, – объявил Лайам и оперся на локоть.

– О чем? – У нее мелькнула мысль, уж не собирается ли он сделать ей предложение, но момент казался совсем неподходящим. Саша улыбнулась и подняла на него глаза. Невозможно передать, как она ему радовалась. А он – ей. Но даже здесь, вдали от больницы, где лежала сейчас его маленькая девочка, глаза у него были печальны. После таких переживаний расслабиться нелегко. Всем, не только Шарлотте, потребуется время, чтобы прийти в себя. Несчастье травмировало всю семью.

– Даже не знаю, с чего начать, – сказал он и закрыл глаза. Он собирался сказать что-то важное, и она приготовилась внимательно слушать. – Шарлотте потребуется тщательный уход, внимание, восстановление и всевозможная терапия. Она еще много месяцев пролежит в больнице, а потом какие-то реабилитационные курсы будут проводиться на дому, поскольку она еще мала, или в восстановительном центре. У них там в Берлингтоне есть нечто подобное.

Тут Саша поняла, что его тревожит. И у нее не возникло никаких сомнений. Конечно, она сделает все, чтобы ему помочь, она и сама собиралась предложить, только навязываться не хотела.

– Я согласна, – бесхитростно ответила она и наклонилась его

поцеловать, а Лайам удивился.

– Согласна на что? – Он был озадачен. То, что он собирался сказать, произнести было мучительно трудно.

– Согласна, что тебе нужен аванс. Такое лечение стоит уйму денег. Я сделаю все, чтобы вам помочь. И галерея, и я лично.

У Лайама на глаза навернулись слезы.

– Я тебя люблю. Тебе нет необходимости этого делать.

– Но я хочу! – Все было очень просто.

– С финансами у нас все в порядке. У нас отличная страховка. Бет, слава богу, всегда была помещена на страховке. Чего не скажешь обо мне. Я всегда считал, что платить такие взносы просто глупо, а теперь благодарю господу. Вот когда нам это пригодилось. Думаю, если не хватит – подбросят родители Бет. И ее жених рвется помочь. Правда, мне кажется, он не обязан. Но он чувствует свою вину в том, что случилось. Мы потом с этим разберемся, пока нам еще даже счет не выставили. Но все равно спасибо за предложение.

– Ладно. Тогда в чем твой вопрос? – спросила Саша с улыбкой и набрала побольше воздуха.

– Это не вопрос, Саша. Я хочу не спросить, а кое-что сказать. Собственно, ради этого я и приехал. Чтобы сказать это лично.

– Что именно?

Лайам на минуту прикрыл глаза, собираясь с силами. И только потом наконец решился. Он чувствовал себя при этом палачом на плахе.

– Я возвращаюсь к Бет, – произнес он. Саша уставилась на него непонимающим взглядом. – Я возвращаюсь к Бет, – повторил он. В одно мгновение она стала похожа на подстреленную птицу. Она резко села.

– То есть ты едешь завтра назад в Вермонт, да? – Она не могла дышать и хваталась за соломинку.

Он покачал головой.

– То есть я возвращаюсь к ней как муж. Ей одной не справиться. Шарлотту придется ставить на ноги долгие месяцы, да и то неизвестно, поправится ли она совсем. Бет от меня никогда не было никакой помощи. Теперь я должен быть там. Она хочет, чтобы я вернулся, уж не знаю почему. Наверное, с головой что-то. Двадцать лет я был ей отвратительным мужем. Толку от меня не было никакого, знай куролесил да кистью махал. А теперь я должен стать ей реальной опорой. Я не могу оставить ее наедине со всем этим, Саша. Просто не могу. Видишь ли, когда произошло несчастье, она сразу разорвала помолвку. Говорит, что никогда ему не простит, и просит меня вернуться. – Он смотрел на Сашу, и по его щекам лились слезы. Он ее

любит. Но и свою жену тоже. А Бет сейчас нуждается в нем больше, чем когда бы то ни было. И он возвращается к ней, он не может предать ее еще раз. Он виноват перед Бет, перед детьми, перед Сашей. Но он не может отказать Бет!

– Это не основание для того, чтобы возвращаться в семью. Побудь с ними хоть полгода, если нужно. А то и год. Но по той лишь причине, что нужно выхаживать заболевшего ребенка, в семью не возвращаются. Что будет, когда девочка поправится? Ты останешься с Бет и в той семье до конца дней?

– Саша, я ведь от нее не уходил, – напомнил Лайам. – Это она меня бросила, и заслуженно. Я бы никогда не ушел ни от нее, ни от детей.

– О господи! Ушам своим не верю. – У них самих только-только наладились отношения, а сейчас они лежали в одной постели. Правда, за весь вечер он к ней не притронулся. Он приехал только затем, чтобы побыть с ней вместе на прощанье и лично сообщить, что опять уходит, на сей раз навсегда. – Боюсь, сейчас тебе не следует принимать такого решения, у тебя в голове все смешалось. И у Бет тоже. – Саша билась за свое счастье. Но, глядя в его лицо, видела, что уже проиграла. На этот раз ей не одержать победы. Все кончено. Их счастье в конце концов оказалось все-таки несбыточным, хоть и совсем по другой причине. И у нее не было аргументов, чтобы предъявить ему. На стороне Бет были двадцать лет совместной жизни и трое детей, из которых один сейчас находился в тяжелом состоянии. У Саши не было ни малейшего шанса. – Может, подождешь принимать решение, выплывешь сначала, придешь в себя?

– Саша, здесь нечего решать. Я не могу оставить Бет наедине с бедой. И не могу бросить своих детей. – Он и вправду повзрослел, наконец-то стал ответственным отцом семейства, и она ему больше не нужна. И она даже не могла с ним спорить. Потому что понимала, что он поступает правильно. Для всех. Для всех, кроме нее. У нее было чувство, как будто он нанес ей смертельный удар. Собственно, так оно и было. Лайам обнял ее, и она в голос зарыдала. – Саша, прости меня, я так перед тобой виноват! Я тебя люблю. И хотел быть с тобой. Хотел, чтобы все у нас было хорошо. Но сейчас мне надо возвращаться. Клянусь, если бы не это несчастье, я бы на тебе женился. Я этого правда хотел. Но сейчас не могу.

Для обоих это была трагедия. Но Бет он тоже любил, Саша это чувствовала. Она читала это в его глазах. Безумие, бред, но он действительно любил их обеих. А Бет он был многим обязан. Саше придется уступить. Она будет той жертвой, которую он принесет ради собственного ребенка.

Они долго лежали обнявшись, оплакивая друг друга и сожалея о том, что все сложилось именно так. Саше хотелось рассердиться, даже взбеситься, возненавидеть его, но не получалось. Она не была разгневана, у нее просто было разбито сердце. Это было так же горько, как утрата Артура, а может, и хуже. Ведь если Лайам вернется в прежнюю семью, он все равно не перестанет существовать для Саши. Она будет помнить о нем каждую минуту, будет представлять, как он живет в своей семье, спит с другой женщиной, ласкает ее. И знать, что никогда, никогда он не будет с ней.

– Если хочешь, я разорву контракт с галереей. Не хочу делать тебе больнее, чем есть.

– В этом нет необходимости. Это было бы нечестно по отношению к тебе. Ты можешь вести дела с Карен и Бернардом, и мы не будем видеться. – Саша знала, что теперь видеть его будет ей невыносимо. И даже говорить с ним. От этой боли она может просто умереть. Никогда в жизни ей не было так нестерпимо больно.

Наступило утро, они все так же лежали рядом. В половине седьмого Лайам встал. Вид у обоих был измученный. Хуже всего было то, что Саша понимала, что он поступает правильно. Это было решение человека, в полной мере сознающего свою ответственность перед женой и детьми и готового выполнять свои обязанности, чего бы это ни стоило. Ну разве могла она что-либо противопоставить этому?!

– А что, если у вас ничего не получится? – спросила Саша, пока он одевался. – Вдруг после выздоровления Шарлотты окажется, что вы не можете жить вместе? Что тогда?

– Не знаю, – честно признался Лайам, глядя на нее. – Ничего я сейчас не знаю.

– Если ты переспал с Бекки, значит, что-то между вами было не так. Мужчины таких вещей не делают, если счастливы с женой.

– Может быть. Скорее всего, мы друг другу просто надоели. Бет устала от безденежья, меня временами доставали дети. Такой груз ответственности мне оказался не по силам, во всяком случае, я не был тогда готов. Сама подумай, я же женился в девятнадцать лет!

– И к этому грузу ответственности ты сейчас возвращаешься, – проговорила Саша. – По-думай об этом, прежде чем это делать. За Шарлоттой ты можешь ухаживать столько, сколько потребуется, – снова сделала попытку Саша, – но для этого необязательно возвращаться к Бет.

– Саша, все решено, – сказал он. Для нее это было равносильно смертному приговору. – Я должен это сделать. Я ей нужен. Она меня сама

попросила. Одной ей не справиться.

Саша кивнула. Аргументы были исчерпаны. Она все перепробовала – и проиграла. А уговаривать его поступить так, как она сама не считала правильным, не позволяла совесть. Лайам был убежден, что должен вернуться к Бет, но не потому, что она его попросила, а потому, что он сам этого хотел. Рано или поздно он бы сам к этому пришел. Саша вдруг поняла это.

Она хотела накормить Лайама на дорогу, но он отказался. Еда не лезла ему в горло. Сейчас, когда Лайам с Сашей прощался навсегда, у него было ощущение, что он прощается с жизнью. Лайам так мечтал связать с ней свою жизнь, а теперь по воле судьбы эта возможность была у них отнята. Судьба. Все мечты и чаяния пошли прахом. Теперь – очередь Бет, Шарлотты и мальчишек. Теперь он должен быть с ними. Двадцать два года назад он принес Бет клятву верности и теперь должен ее выполнять. Лайам не чувствовал себя вправе отказать ей. Его мечтой была Саша. А его жизнью – Бет.

Он сложил Сашины подарки в рюкзак, а она посмотрела на браслет и подняла глаза.

– Буду носить, не снимая. Я всегда буду тебя любить, Лайам.

– Не надо, – сказал он, и слезы покатались по его щекам. Он поцеловал ее на прощанье. – Забудь обо мне. Забудь о нас с тобой. Спрячь это все в самый дальний уголок своей памяти. И я так сделаю. Здесь, – он показал на сердце, – ты останешься навсегда.

Саша кивнула. Она вцепилась в него, словно его уход грозил ей неминуемой смертью. Она едва держалась на ногах. С Артуром ей так и не удалось попрощаться. За эту ночь с Лайамом они все сказали друг другу. Он уходил от нее, невзирая на то, что любил ее так сильно, как никого прежде.

Дрожа, она проводила его до лифта. Лайам нажал кнопку. Она стояла рядом с ним босая, в одной ночной рубашке, с распущенными длинными волосами и была похожа на маленького эльфа. Подошел лифт, Лайам в последний раз посмотрел на Сашу, перехватил ее взгляд, вошел в кабину, двери закрылись, и он уехал. Войдя к себе в квартиру, Саша вспомнила, что наступило Рождество.



## Глава 21

Рождество у Саши прошло как в тумане, это был сплошной кошмар. Звонили с поздравлениями Татьяна и Ксавье, она заверила их, что у нее все в порядке. Ксавье, впрочем, показался странным ее голос, и вечером он перезвонил. Спросил, с ней ли Лайам, она ответила, что был и уже уехал назад, в Вермонт. У нее было так тяжело на душе, что делиться ни с кем не хотелось. Саша весь день просидела в кресле, не имея сил пошевелиться. Просто сидела и смотрела в пустоту. Она переживала глубокий шок.

После праздника Саша, как всегда, появилась в галерее в десять утра. И как всегда, к ней вошла Марси – и опешила. Саша сидела за столом, волосы у нее были зачесаны назад, на лице никакой косметики, щеки белые, как мел. Она разбирала какие-то бумаги на столе и при этом сидела как деревянная. Саша явно была не в себе, и, взглядевшись в ее лицо, Марси решила, что малышка Шарлотта умерла. Но это умерла сама Саша.

– Господи, неужели... – Марси поднесла руку к губам.

Она ясно видела, что произошло что-то ужасное. Саша была как привидение. В ответ она покачала головой и отвернулась. Последние три часа она безутешно проплакала. Ей больше никогда не услышать его голоса. Расставаясь, они пообещали друг другу больше не звонить. Это было бы для обоих слишком тяжелым испытанием. Саше в жизни не приходилось делать ничего более тяжелого, чем сейчас, когда она с покорностью приняла его решение. И сделала это из любви к нему. Она всегда знала, что любит Лайама, но только сейчас поняла, как сильно.

– Саша, с тобой все в порядке? – Марси смотрела на нее со страхом.

Избегая ее взгляда, Саша ответила помертвелым голосом:

– Все в порядке. – И протянула ей только что подписанные бумаги. Для нее началась новая страница в жизни. И эта страница сейчас простиралась перед ней, как бескрайняя пустыня, безжизненная, как сама Сашина душа. У нее было такое чувство, словно умерла каждая клеточка ее организма, каждая струнка ее души, каждая крупинка ее естества.

Не говоря ни слова, Марси вышла и поделилась своими опасениями с Карен. Та осторожно заглянула к Саше в кабинет и быстро вернулась в приемную.

– У нее горе. Ты не спросила?

– Молчит.

Обе согласились, что Саша выглядит ужасно, и предположили, что

случилось нечто ужасное. Но – что?!

Подруги так и не поняли, что случилось, а Саша за весь день ничего им не объяснила. Она ничего не ела. Не пила. Не двигалась. Только сидела за столом и перебирала бумаги. Мелькала мысль о самоубийстве, но она сказала себе, что не может поступить так с детьми. Она приговорена к жизни, что в данной ситуации было намного тяжелее, чем смертный приговор. Она приговорена до конца дней быть без него.

Лайам ехал в Вермонт, и его обуревали те же чувства. Но звонить Саше он не стал. Теперь он никогда не сможет ей позвонить. Он должен верить ее судьбе, как вверился сам. Отныне ему доступно только одно: знать, что где-то есть женщина, которую он никогда не увидит и которую некогда любил всем сердцем.

Вечером Саша объявила Марси, что завтра летит в Париж, и попросила забронировать билет. Марси пообещала все исполнить и вновь попыталась поговорить.

– Ты уверена, что с тобой все в порядке? – Саша кивнула, и Марси подумала, уж не с Лайамом ли что. Может, опять поссорились и разбежались? – А где сейчас Лайам? – отважилась спросить она.

Саша ответила, что в Вермонте и что у него все в порядке. Она знала, пройдут месяцы, а может, и годы, прежде чем она сумеет кому-то рассказать. Зияющая рана в ее душе еще слишком свежа. Марси вышла и стала звонить в авиакомпанию. А потом сделала то, чего не делала никогда, даже когда умер Артур, – позвонила Ксавье и сказала, что Саша ее беспокоит. Тот ответил, что по телефону Саша тоже говорила каким-то странным голосом.

– Вид у нее ужасный, – сказала Марси. Она ни за что не стала бы беспокоить Ксавье, но кому еще позвонить, не знала. Татьяна была в отъезде, причем Марси не знала, где именно. Ксавье ничего не мог объяснить, он сам был в полнейшем недоумении.

– Пожалуй, я на выходные прилечу к ней в Париж, – предложил Ксавье. Ему не очень хотелось этого делать, ведь это как раз будет Новый год, но он тревожился за маму. Что-то там у нее случилось, а что – она никому не говорит.

Вечером Ксавье позвонил ей домой, но Саша к телефону не подошла. Она лежала в темноте, думала о Лайаме, представляла себе, что он сейчас делает, как там Шарлотта и что он сказал Бет. Она даже не знала, известно ли Бет о ней. В одну ночь она превратилась в брошенную женщину. Она чувствовала себя невидимой, нелюбимой и полностью изолированной от мира. Уходя с работы, она еле слышно попрощалась с Карен и Марси.

Пожелала им приятного вечера и вышла. Домой пошла пешком и лишь на полпути поняла, что идет дождь. Домой пришла мокрая до нитки. Теперь это было неважно. Теперь все неважно.

Утром она вылетела в Париж, в полете ни с кем не сказала ни слова, ничего не ела и не пила, не смотрела видео и в конце концов уснула. Приехав домой, Саша вдруг поняла, что уже несколько дней не держала крошки во рту.

Ксавье прилетел в Париж в воскресенье и, увидев мать, ужаснулся. Она похудела, глаза лихорадочно блестели, а кожа была совершенно серая. Ему удалось впихнуть в нее немного еды. Он приехал не один, а со своей нынешней подружкой. Спросил у Саши про Лайама, та ответила уклончиво. Сказала только, что он находится в Вермонте с Бет и детьми.

Через неделю Ксавье решил справиться, как дела у Лайама, и позвонил ему на мобильный. Он не стал говорить, в каком состоянии Саша. Сейчас у Лайама и с дочкой забот хватает. Ксавье осторожно поинтересовался, когда Лайам собирается назад в Лондон.

– Никогда, – ответил тот. Что-то скорбное было в его голосе, что встревожило Ксавье. В последнее время, звоня матери в Нью-Йорк, он привык слышать у Лайама совсем другие интонации.

– Это как понимать? – растерялся Ксавье. – Ты там надолго застрял?

– Надо полагать, навсегда, – загадочно проговорил Лайам. – Как-нибудь приеду в Лондон, студию закрою. – Он сказал, что Шарлотту продержат в больнице еще долго, а потом еще в реабилитационном центре.

– Ты молодец, что сейчас с ней, – похвалил Ксавье, и на том конце трубки воцарилось долгое молчание. Лайам почувствовал, что должен объясниться с другом. Он понятия не имел, что ему сказала Саша, но понял, что Ксавье не в курсе дела, и это его удивило. Он знал о доверительных отношениях Ксавье с матерью и был уверен, что она ему скажет. Он не мог понять, почему она этого не сделала. Ему и в голову не пришло, что она не в состоянии обсуждать эту тему.

– Я вернулся к Бет, – сказал Лайам, и теперь настала очередь Ксавье надолго замолчать. Он был ошеломлен. – Я должен был. Я нужен ей здесь. И детям тоже. Когда надумаю прилететь по делам студии, я тебе сообщу.

Ксавье пожелал ему удачи и долго сидел, уставясь в пустоту и думая о том, что только что услышал. У него было чувство, будто в него выстрелили и впечатали в стену. Ксавье начинал понимать, что должна была испытать Саша, услышав эти слова. Теперь ему все было ясно.

## Глава 22

Январь Саша прожила не помня себя. Утром она приходила в галерею, вечером шла домой, разговаривала мало и делала свою работу. Все дела, касающиеся Лайама, она без объяснений перепоручила Бернару. Но поскольку Лайам пока сидел с дочкой и не работал, никаких дел, собственно, и не было.

Дважды от него приходили просьбы перенести на полгода сроки сдачи картин. Иными словами, все, касающееся Лайама Эллисона, откладывалось на неопределенное время. Как откладывалась и Сашина жизнь.

Узнав причину ее состояния, снова прилетел Ксавье, но говорить о Лайаме Саша отказалась. Они гуляли в парке с собакой. Ксавье пробовал вытащить мать в ресторан, но это предложение она отклонила. Казалось, она теперь вообще ничем не интересуется и ничем не занимается. От Эжени он узнал, что Саша упорно отказывается от всех приглашений. В феврале, когда она приехала в Нью-Йорк, повторилась та же история. Она отказалась от всего в жизни, оставив себе только работу. Ксавье провел длительную беседу с Татьяной, и та приехала к матери переночевать. Но Сашину апатию так ничем развеять и не удалось, и в таком состоянии она прожила февраль, март, а затем и апрель, который провела в Париже. Потом она прилетела в Нью-Йорк готовить очередную выставку, и Марси с удовлетворением увидела, что дела как будто пошли на поправку. Саша по-прежнему была худа и измучена, но по крайней мере перестала походить на существо потустороннего мира, как было все последние месяцы. Она была несчастна, но хотя бы похожа на человека. Ни для кого из ее близкого окружения не было секретом, что ей пришлось пережить. Все потихоньку обменивались новостями, но с самой Сашей этой темы не поднимали. Было видно, что она не хочет ни с кем ничего обсуждать. Саша прочно отгородилась от внешнего мира. Тело ее было здесь, а душа где-то еще.

В марте Лайам приехал в Лондон, закрыл свою студию и все вещи отправил в Вермонт. Он позвонил Ксавье, оставил сообщение, но, когда тот перезвонил, Лайам уже улетел назад. Он пробыл в Лондоне всего два дня. Ксавье решил, и не без оснований, что Лайам сам не очень рвался с ним встретиться. Все эти события с Шарлоттой и последующее решение Лайама – для обоих были тяжелы. Матери Ксавье даже не сказал, что Лайам прилетал в Европу. Для всех было лучше больше не упоминать его имени.

Те перемены в Саше, что отметила Марси, еще нельзя было назвать выздоровлением, но по крайней мере сердце ее как будто перестало кровоточить. Казалось, Саша дошла до какого-то предела и остановилась, что уже можно было считать обнадеживающим. Тяжело было видеть, как она скатывается по спирали в пучину отчаяния. Но сейчас Саша уверяла, что ей лучше, а в мае, в свой очередной приезд в Нью-Йорк, даже отправилась в свой дом в Саутгемптон.

Как и все вокруг нее, этот дом теперь был полон воспоминаний о Лайаме, но она по-прежнему ни с кем не делилась своими мыслями и переживаниями. Уже много месяцев ни один человек в галерее ничего о Лайаме не слышал. От Саши и из его редких сообщений по электронной почте все знали только, что он находится с семьей в Вермонте, а маленькая Шарлотта идет на поправку. Теперь она уже была в восстановительном центре и могла самостоятельно стоять. Примерно то же можно было сказать и о Саше. Ксавье, Тати, сослуживцы с нетерпением ждали новых признаков жизни. Когда в мае Саша наконец улыбнулась, Марси облегченно вздохнула. В последний раз она видела у Саши улыбку в декабре, когда они с Лайамом ненадолго помирились перед его окончательным уходом.

На Сашино пятидесятилетие в Нью-Йорк прилетел Ксавье. Саша не хотела ничего устраивать, а только тихо посидеть вместе с детьми. Им наконец удалось уговорить ее сходить в ресторан, и она выбрала небольшой итальянский ресторанчик неподалеку, как она сказала – тихий и уютный.

– Поверить не могу, что мне уже пятьдесят! – посетовала Саша за столом. – Когда я успела так состариться?

– Мам, брось говорить глупости, – возразил Ксавье. В подарок дети купили Саше бриллиантовую брошь в виде двух перевитых сердец – от них обоих. Саше брошь очень понравилась. Браслет, подаренный Лайамом на Рождество, с тех пор так и не покидал ее руки.

Марси с Карен предложили отметить юбилей и в галерее, но Саша отказалась. Она уже давно не ходила ни на какие вечеринки, кроме тех, что устраивались по случаю вернисажей. С тех пор как ушел Лайам – а прошло уже пять месяцев, – она сознательно лишила себя всех развлечений. Она была похожа на маленького, усталого зверька, впавшего в зимнюю спячку. Все близкие ей люди ждали хоть какого-то признака оттепели. Ей надо было во что бы то ни стало переболеть Лайамом. Но выздоровление что-то затянулось. Как будто их души оказались так тесно переплетены, что, лишившись второй половины, ее душа засохла и умерла. Они за год успели

стать частью друг друга. И теперь без Лайама ее жизнь потеряла все краски.

В нерабочие дни по случаю Дня поминовения, который отмечается в последний понедельник мая, Саша еще была в Нью-Йорке и решила съездить в Саутгемптон. Татьяны в городе не было. А Ксавье был в Лондоне. На следующей неделе Саше предстояло лететь в Париж. Но она с радостью отправилась в последние перед отъездом выходные на море. Погода стояла еще прохладная, но в воздухе уже пахло весной, и, когда Саша в пятницу уходила с работы, Марси с удовлетворением отметила, что выглядеть она стала лучше. В последнее время Саша находилась под неусыпным вниманием своих друзей и близких, которые без конца обменивались впечатлениями о ее состоянии и обсуждали, чем бы его облегчить. Сашины постоянные уверения, что с ней все в порядке, никого, кроме нее самой, не убеждали.

Поездка за город в пятницу вечером из-за пробок на дорогах тянулась бесконечно долго. Застревая в пробках, Саша думала о Лайама. Теперь она редко позволяла себе эту роскошь. Она понимала, что это опасно. И хотя со стороны это было незаметно, предпринимала героические усилия к тому, чтобы прийти в себя. Сидеть и думать о нем – это была поблажка себе, которой она всячески избегала. После четырех часов за рулем она наконец вошла в дом, и мысли ее по-прежнему были заняты Лайама. Спать удалось лечь только к полуночи. Она так и уснула с мыслями о нем, а утром проснулась бодрее, чем всегда. Как будто несколько часов воспоминаний отчасти освободили ее от непосильного гнета.

Скитания по воспоминаниям уже стали для Саши привычным занятием. Еще смерть Артура научила ее, что утрата – процесс длительный, пережить ее в одночасье невозможно, ее проживаешь дюйм за дюймом, миллиметр за миллиметром. После смерти Артура у нее ушел год на то, чтобы вновь почувствовать себя человеком. Со дня ухода Лайама прошло еще только пять месяцев. Она знала, что в конечном итоге справится с горем и в одно прекрасное утро проснется без щемящего ощущения в груди. Потихоньку ей становилось легче дышать. Иногда она задавала себе вопрос: а как *он* это все переживает? Может, уже и думать забыл? У него теперь полно совсем других забот, и Саша была рада слышать от Марси хорошие новости о Шарлотте. Еще Саша не могла удержаться от вопроса, счастлив ли он с Бет. Узнать это ей было не дано, да, наверное, это и не так важно. Теперь, на радость или на беду, он принадлежит Бет, что бы ни случилось. Саша знала, он никогда от нее не уйдет. Он бы и в тот раз не ушел. Лайам принадлежал к мужчинам, которые, однажды полюбив и взяв

на себя обязательства, остаются верны им. У них с Бет вышло по-иному, потому что обязательств на себя он так и не взял. Как Саша и предсказывала с самого начала, их отношения оказались невозможны, только по другой причине, чем она думала. Ей ни разу и в голову не пришло, что Лайам может вернуться к Бет. И она до сих пор была убеждена, что, если бы не несчастье с дочкой, он бы и не вернулся. Вмешалась сама судьба.

На закате она гуляла по берегу и усилием воли заставила себя не думать о нем. Мысли сами собой перешли на Артура и детей. С февраля у Татьяны появился серьезный ухажер. Саша одобряла их отношения. А Ксавье поговаривает о том, чтобы начать жить вместе с девушкой, с которой встречается с самого Рождества. Что ж, пора. Ему уже двадцать семь.

Саша присела на песок полюбоваться на закат, и впервые за долгое время на душе у нее было спокойно. Воздух еще был холодный, но солнце весь день светило и грело. Она легла на песок и стала думать о детях, вспоминать смешные и волнующие моменты своей семейной жизни, размышлять о том, чего она сумела добиться в жизни, о чудесных мгновениях, сплывающих их семью. В этом году она опять зафрахтовала для детей яхту. Но по-настоящему она наслаждалась уединением только на этом пляже. И эти минуты были для нее драгоценны. Здесь она могла подумать и возблагодарить судьбу за свою жизнь, которую только-только начинала заново ощущать. Она знала, что, несмотря на все утраты, ей есть за что благодарить судьбу.

Она смотрела, как быстро садится солнце, и гадала, увидит ли сегодня зеленую вспышку, какая бывает в тот момент, как светило касается горизонта. Саша любила смотреть на закат и сейчас получала от этого удовольствие. В этот момент она ничего не хотела от жизни, кроме того, что уже имела. Ей ничто и никто не был нужен. Она как будто находилась в безвоздушном пространстве, в невесомости, где ничто не гнетет и не давит. Впервые с прошлого декабря ей было легко. Это было начало выздоровления, хоть и запоздалое.

Саша увидела зеленую вспышку и улыбнулась. Она восприняла ее как хорошее предзнаменование. Солнце опускалось все ниже, у Саши от бликов еще рябило в глазах, и она решила, что ей померещилось. Отчетливо она его не видела, только силуэт. Она решила, что это игра воображения, может быть, даже галлюцинация, но тут услышала голос. Это был голос Лайама. Он стоял перед ней, на фоне заката эффектно, как в кино. А она продолжала лежать и молча смотреть на него.

– Здравствуй, Саша!

Зачем он приехал? В последний раз, когда они виделись, оба плакали. Сейчас она только смотрела на него и улыбалась. Она не видела его пять месяцев.

– Закатом люблюсь.

– Я издали заметил тебя.

– Как Шарлотта?

– Намного лучше. Только что начала ходить самостоятельно.

Она не пригласила его присесть. Только кивнула.

– Зачем ты приехал?

– Я уезжаю. Вот... приехал попрощаться.

– Ты уже попрощался. – Станный это был разговор. Разговор людей, которые любили друг друга и потеряли. Однажды, пять месяцев назад, они уже простились. Зачем снова повторять то же самое? – Когда ты уезжаешь? – Вопрос был бессмысленный. Какая теперь разница, когда именно он уезжает? Он уже уехал, пять месяцев назад.

– Завтра, – ответил Лайам и наконец сел рядом с ней на песок. Ему было неудобно стоять и смотреть на нее сверху вниз. Она казалась еще меньше, чем он ее помнил, бледнее. Волосы, по контрасту с белым лицом, казались темнее, чем раньше. И она была красивее, чем он запомнил, а ведь он часто ее вспоминал. Она была для него наваждением, как жертва для убийцы. До конца дней ему предстоит жить и видеть перед глазами ее искаженное болью лицо – такое, какое было у нее в тот последний день. – Я только хотел с тобой повидаться перед отъездом.

– Мы же договорились обходиться без встреч и звонков. – Саша встретила с ним глазами и задержала взгляд. Он и забыл, какие у нее глаза – пронзительные и нежные одновременно. Она выполнила свою часть уговора. Ни разу ему не позвонила. И ни разу не объявилась в Вермонте, чего нельзя сказать о нем. Ей показалось обидным, что он приехал, чтобы еще раз ее помучить. Придется заново карабкаться на свет из пучины безнадежности. А это и в прошлый раз далось ей с трудом.

– Я не позвонил – боялся, что ты запретишь приезжать.

– И правильно. Я бы запретила. Одного прощания вполне достаточно. – А у них за год их любви таких прощаний было куда больше. – Зачем ты приехал? – Она чувствовала, что есть еще какая-то причина, о которой Лайам не говорит. Саша его хорошо изучила. Но она видела, что за прошедшие пять месяцев и он очень изменился. В этом мужественном лице больше не было мягкости. С тех пор как Лайам ушел, ему тоже пришлось испытать немало. Но с ним были дети и жена. Саша же



пила свою горькую чашу одна, и ей было куда тяжелее.

– Ты меня ненавидишь? – спросил Лайам.

Саша покачала головой:

– Нет. Я тебя люблю. Наверное, никуда мне от этого не деться.

Он перевел взгляд на ее руку – оба его браслета по-прежнему были на запястьях.

– И мне тоже. – Солнце село, и стало стремительно холодать. – Если хочешь, я уйду.

Она не стала кривить душой.

– Подожди. Не сразу. – Может быть, ей больше его никогда не увидеть. Она хотела наглядеться вдоволь, пока он был рядом.

– Мне нужно сегодня же возвращаться в Нью-Йорк, – сообщил он, словно не зная, о чем еще говорить. Теперь ничто из того, что ему хотелось ей сказать, не имело смысла. Она стала другим человеком. Прошла испытание огнем. Станным образом оно ее очистило.

– Почему в Нью-Йорк?

– Потому что я возвращаюсь.

Лайам говорил загадками, сбивал ее с толку.

– Возвращаешься куда? В Вермонт?

Он улыбнулся и качнул головой. Она его не поняла.

– Нет, в Лондон.

– Почему в Лондон?

И тут он понял, что должен ей сказать. Он ведь за этим и приехал. Но, увидев ее, понял, что и без того уже причинил ей слишком много боли. И даже если она его еще любит, двери все равно уже закрыты. Это можно было прочесть в ее лице.

– Я ушел от Бет. Нам обоим хватило месяца, чтобы это понять. Но мы все пытались что-то склеить – ради детей. Но так, наверное, не делается. Расстались, как говорится, добрыми друзьями. – Лайам вздохнул.

Саша напряженно следила за ним, пытаясь уяснить, что он сейчас сказал. Она вдруг опять подумала, что он ей привиделся. И эти его слова... Может, его вообще здесь нет? Может, это сон какой-то? Видение? Очень правдоподобная галлюцинация?

– Что ты сейчас сказал?

– Говорю, мы с Бет расстались. Разводимся окончательно и бесповоротно. Завтра я лечу в Лондон. Хотел увидеть тебя перед отъездом. Что-что, а извиниться перед тобой я уж точно должен. – Он знал, что того, как он с ней обошелся в прошлом декабре, ничем не искупить. Но он делал это ради жены и детей. Слабое оправдание, но тогда это казалось

единственно правильным решением. И Саша это тоже понимала.

– Ничего ты не должен, – возразила она. – Ты поступил так, как считал нужным.

– И чуть тебя не убил!

– Я же жива! – Она медленно села. – Я крепче, чем ты думаешь.

– Нет. Ты крепче, чем ты сама думаешь. Не было дня, чтобы я о тебе не думал. Постоянно. – Он протянул руку, и она увидела свои часы.

– Я тоже, – призналась она. – Так что мы теперь будем делать? – Они смотрели друг другу в глаза, но рук не протягивали. Так друг к другу и не прикоснулись. Наверное, теперь этого уже никогда не будет.

– Возможно или невозможно? Тебе решать, – тихо проговорил он. Подул холодный ветер. И тут Лайам придвинулся к ней ближе. Они почти касались друг друга. – Что скажешь?

– Лайам, я никогда не думала, что ты вернешься, – проговорила Саша. Трудно было поверить, что он вернулся. А еще труднее – знать, по какой причине. Он так часто от нее уходил, а она потом умирала.

– Я и сам не думал. Не думал, что смогу.

Ему хотелось ее поцеловать, но решать должна была она. В прошлый раз решал он. Сейчас ее черед. И любое ее решение он был готов принять.

– Ну, так как? – Он не хотел на нее давить, но ничего другого не оставалось.

– Не знаю. – Она сидела и смотрела на море. И вдруг повернулась к нему с улыбкой. – А вообще-то, знаю. Я думаю, сейчас уже неважно, «возможно» или «невозможно». Жизнь дает нам столько шансов, сколько дает. А потом вдруг возникает еще один, безо всяких на то причин. Люди умирают, уходят, возвращаются. Наверное, если любишь, это все неважно. Я тебя люблю, Лайам. Всегда любила. Сильней, чем я сама могла представить.

– Я тоже. Когда я ушел, думал, что умру. Но тогда я не мог поступить иначе.

– Я знаю. – Она снова улыбнулась, и он поцеловал ее. Нежно и осторожно. Это было похоже на прикосновение летнего ветерка. Он всегда помнил вкус ее поцелуев, нежность ее объятий. И, уходя, взял с собой. Бет это поняла раньше его и, будучи великодушным человеком, отпустила его назад.

Он снова поцеловал Сашу и прижал к себе, а она что-то шептала, уткнувшись ему в грудь. Он не столько расслышал, сколько почувствовал, что она говорит, и заглянул ей в лицо.

– Что ты сказала?

– Возможно. – Это был шепот, но на сей раз он расслышал. –  
Возможно, – повторила она. Это было то, что он жаждал от нее услышать,  
ради чего он жил вдали от нее все это время. Он крепко притянул ее к себе,  
а она подняла глаза, заглянула в его родное лицо, которое теперь, как когда-  
то давно, было совсем близко, и рассмеялась. – Возможно. Нет, наверняка!

---

---

**notes**

## **Примечания**

**1**

Пер. Н. Галь.

2

**Socks** – носки (*англ.*).